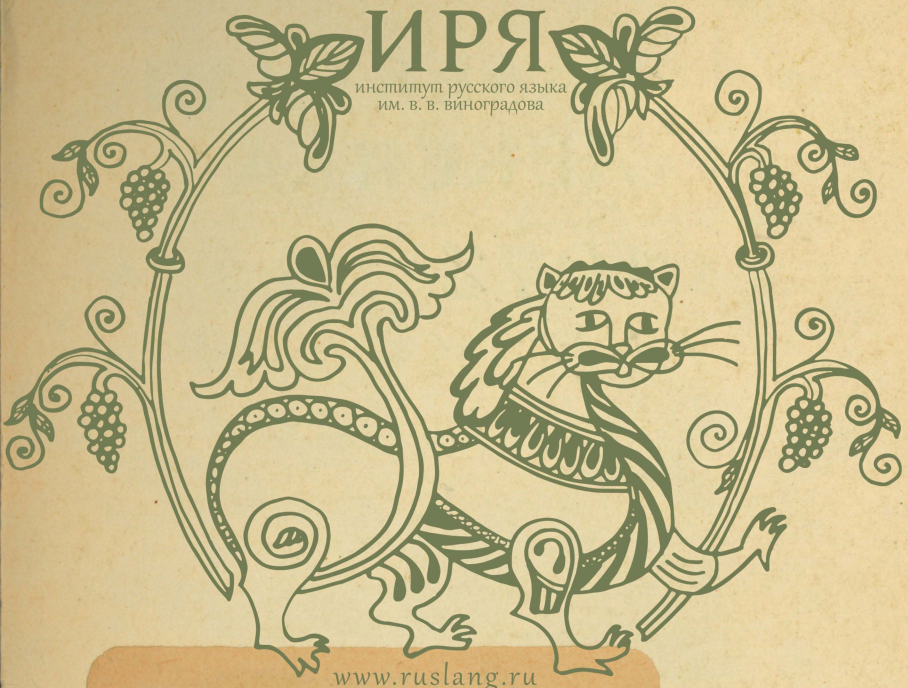
4
Д-44

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1973

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

68220

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
СЛОВАРНЫЙ СЕКТОР

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Ленинградское отделение
ЛЕНИНГРАД 1974 г.

Ч
Д-44
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
80 68220

Редакторы
Ф. П. ФИЛИН и *Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ*

Д $\frac{70102\text{-}1081}{042\ (01)\text{-}74}$ 311-74

© Издательство «Наука», 1974

Предисловие

Исключительно важным значением народных говоров для решения целого ряда вопросов лингвистического и исторического характера во многом объясняется оживление историко-лексикологических и диалектных исследований: появляются многочисленные статьи и монографические работы, широкий размах получает составление областных словарей. Новые материалы, выявляющие целые пласты диалектной лексики, неизвестные до сих пор, открывают новые перспективы в изучении словарного состава русских народных говоров.

Настоящий сборник — пятая книга из серии лексикологических работ, подготовленных группой ленинградских диалектологов, занятых составлением «Словаря русских народных говоров». Как и предыдущие книги, этот сборник отличается единством тематики и приемов исследования диалектного материала. В статьях сборника исследуется состав и происхождение диалектной лексики, изменение и развитие ее в новых социальных условиях, обсуждаются вопросы взаимоотношения диалектной и литературной лексики, особенности функционирования отдельных лексических пластов в условиях воздействия на местные говоры литературного языка. Судьба диалектных слов рассматривается на широком историческом и современном фоне; исторический аспект исследования областной лексики, сравнение современных диалектных данных с данными древнерусского языка и с современным литературным словарем — основной метод исследования, нашедший отражение в книге.

Основное внимание в книге уделяется исследованию истории различных пластов диалектной лексики или отдельных слов, прослеживанию семантических и стилистических изменений и сдвигов в них (статьи А. И. Попова, Е. Н. Этерлей, В. Я. Дерягина, И. А. Попова, О. Г. Пороховой, Н. С. Котковой). Важной проблеме взаимоотношения лексики русских народных говоров

и словарного состава литературного языка посвящены статьи Л. И. Балахоновой, О. Д. Кузнецовой, Е. А. Левашова, П. И. Павленко. В них рассматриваются группы слов, переместившиеся в течение XIX—XX вв. из народных говоров в состав словаря литературного языка или изменившие свою стилистическую отнесенность. Н. И. Андреева-Васина продолжает в своей статье разработку вопросов глагольного словообразования в народных говорах, Е. П. Луппова и Н. В. Попова затрагивают вопросы функционирования диалектных предлогов.

Редакторы книги благодарят официальных рецензентов Г. П. Князькову и Т. С. Коготкову за сделанные ими ценные замечания при обсуждении сборника в Словарном секторе и в Ученом совете Института русского языка АН СССР.

А. И. ПОПОВ

Берестяные грамоты и местная диалектная лексика

Раскопки А. В. Арциховского в Новгороде развернули новую и знаменательную страницу в познании древней русской истории.

Грамоты на бересте — это, несомненно, одно из величайших открытий отечественной археологии за все время ее существования. Поэтому можно считать важным уточнение здесь каждой мелочи в разъяснении текста тех грамот, которые не полностью понятны нам вследствие плохой сохранности или по иным причинам, затрудняющим исследователей.

Из подобных причин на первый план следует поставить, вероятно, то обстоятельство, что нам мало известны многие термины, бывшие в употреблении в русской древности, как и соответствующие им реалии.

В силу этого считаем не излишними некоторые соображения относительно смысла отдельных новгородских берестяных грамот, по поводу которых иногда даются различные толкования. При этом мы будем привлекать диалектную лексику Псковско-Новгородского края, а также некоторые данные других славянских языков.

* * *

Грамота № 169, по-видимому, переведена неверно как А. В. Арциховским,[1] так и Л. В. Черепниным.[2] Ее текст: «Василеве Софонтеева Онтане послале Овдокиму два клеща да щука с Василевы рыбы клеще послале клещь Степане цетворты».

Речь здесь идет только о рыбе, а не о каких-либо кузнечных инструментах, как думали эти авторы. Дело в том, что совершенно

---

[1] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958, с. 55.

[2] Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 234 и след.

несомненным является наличие в древнерусском языке слова *клещь*, по смыслу равноценного теперешнему *лещ* (рыба Abramis).

В польском мы видим до сих пор kleszcz и leszcz — оба обозначения этой рыбы сохранились на равных правах; русский язык потерял первую форму (клещь), по-видимому, около XV—XVI вв., насколько можно судить по различным косвенным обстоятельствам.

Прежде всего, наличие формы *клещь* в древнерусском не вызывает ни малейшего сомнения, как это видно из диалектного названия сетей, до сего времени применяемых для ловли лещей: «Клещéнцы (псковск.) — трехстенная ставная сеть для ловли на Чудском озере лещей»; [3] «Клещенцами ловятся щуки, лещи и судаки».[4]

Специально занимавшаяся собиранием лексики псковских рыбаков В. П. Храмцова сообщила мне, что и теперь в их среде редкоячейная сеть для крупной рыбы, особенно для лещей, называется «ляшшовая сетка, кляшшиниц», но иногда и просто «лещинка» («ляшшинка»). Совершенно очевидно, что «клещинец», «клещенец» — название сети для лещей — произведено от древнерусского (восточнославянского) *клещь*, тождественного с польским kleszcz ‘лещ’.

Вторым фактом, подтверждающим это, является отсутствие на древнерусских землях гидронимики от *лещ* — при наличии значительного числа озер с именем Клещино, Клещинец — начиная с летописного Клещина (Переяславского) и кончая Новгородскими данными XV в., относящимися к Шелонской и Бежецкой пятинам.[5]

Отсутствие гидронимических данных с корнем *лещ* особенно показательно на фоне того обстоятельства, что озер с названиями Щучно, Щучье, Уклейно, Уклеевец, Остречин (от *острец* ‘мелкий окунь’), Лино, Сомино, Соминец и т. п. имеется достаточное число (как и Клещино).

Отсюда ясно, что в некоторых говорах древнерусского языка (вероятно, по крайней мере до XV в.) форма *лещ* была малоупотребительна, хотя в XV столетии мы уже видим ряд ее применений в актах, писцовых книгах и т. д. (но не в топонимике).

Первоначальной была форма *клещь*, оставшаяся пережиточно в топонимике, названиях лещевых сетей и в новгородской берестяной грамоте № 169. Ее примерный перевод: «(От) Василия Софонтьева Антон послал Евдокиму два леща да щуку, из Васильевы рыбы лещей послал; лещ Степана четвертый».

---

[3] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. Изд. 4-е. СПб.—М., 1912, стлб. 294; Н. Я. Данилевский. Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря». — Сб. ОРЯС, т. 7, № 3, 1869, с. 5.

[4] А. Тидебель. Рыболовство и рыболовы на Чудском озере. — Русский вестник, III, 1856, с. 330.

[5] См.: Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам, II, 1915.

Надо еще раз напомнить, что лещевая сеть (клещинец) служит одновременно и для ловли щук, чем и объясняется набор посланной рыбы.

Заметим, что грамота, вероятно, дошла до нас не полностью. Несмотря на эту неполноту, ее содержание в целом совершенно прозрачно. К кузнечному делу грамота № 169 отношения не имеет. Необходимо добавить, что слово *клещ* как обозначение рыбы выпало, по-видимому, из употребления вследствие наличия других значений: *клещ* 'мелкое паукообразное (Acarina)' и *клещи* 'кузнечный инструмент'.

Все эти слова происходят от др.-русск. *клещити* 'притеснять', 'принуждать', 'сдавливать', 'сплющивать'; [6] *клещ* в смысле 'рыба Abramis', 'лещ' значит, собственно, 'плоский', 'сплющенный' — ввиду известной формы тела этой рыбы. По-видимому, областное (на Волхове) название одного из более мелких родственников леща *клепец* возникло от глагола *клепати* [7] на аналогичных основаниях, так как эта рыба — глазач (Abramis sapa) отличается особенной сплюснутостью («глазач очень сплюснут с боков»).[8]

Совершенно аналогичным образом от *клепати* образовано русское слово *клоп*; [9] ср. сербохорв. *клӧп*, род. п. *клóпа* 'клещ', словен. klóp, род. п. klópa — то же. Ср. различные семантические аналогии, например, польск. pluskwa 'клоп', pluskać 'плескать' — при русском *плющить*, *сплющить* 'сжимать, стискивать'; особенно показательны финно-угорские данные: [10] финск.-суоми lutikka 'клоп' при lutistaa 'стискивать, сжимать', lutistua 'стискиваться, сжиматься', lutukka 'flach, platt', luttunen 'platt geschlagen, platt', эст. lutik(as) 'клоп' и пр.

Одним словом, мы можем сказать, что некоторые «сжатые», «сплющенные» насекомые и рыбы имеют имена, связанные генетически либо в плане народной этимологии с глаголами, обозначающими стискивание, сжимание, склепывание.

* * *

Грамота № 218 (а также №№ 147 и 215) содержит термин *почта* (иногда *поцта*) — род феодальной повинности — очевидно, наподобие дара и почестья, часто упоминаемых источниками начиная со Смоленской уставной грамоты 1150 г.

В грамоте № 215 слова «дару и поцте» поставлены вместе, оттеняя близость значений этих терминов.

Не останавливаясь на некоторых разночтениях и не будучи

---

[6] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, I. СПб, 1893, стлб. 1229.

[7] Там же, стлб. 1217—1218.

[8] Л. П. Сабанеев. Рыбы России, II. М., 1892, с. 201.

[9] На это указал О. Н. Трубачев в своих примечаниях к переводу «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера (т. II. М., 1967, с. 254).

[10] См. особенно: Y. Wichmann. Zur geschichte der fiugr. *l*-laute. — FUF, Bd. XV, Hf. 1—3. Helsinki, 1915.

полностью согласны с толкованиями различными авторами слова *почта*,[11] отметим только соответствующие польские данные.

Это польское poczta 'podarunek', 'дар' (преимущественно 'почетный дар', honorarium, т е., в сущности, то же самое, что и 'почестье', с которым *почта* имеет также и общую этимологию[12] — от *чтить*).

Таким образом, как со словом *клещ*, так и в данном примере оказывается полезным обращение к материалам других славянских языков, особенно польского.

* * *

Заметим, что было бы весьма интересной задачей диалектолога проследить возможности разыскания в современных нам русских говорах некоторых кажущихся исчезнувшими элементов лексики, встречаемых в берестяных грамотах.

Со своей стороны можем сказать, что более полувека тому назад нам пришлось встретить в тогдашнем Торопецком уезде Псковской губернии старика рыболова, который употреблял слово *клещ* в применении к лещу. Однако, не записав в свое время подробно нужных сведений, мы не можем поручиться, что этот рыбак был коренным местным жителем, — он мог быть, подобно многим другим хуторянам Торопецкого уезда, выходцем совершенно из других областей — из Прибалтики или из тогдашнего Западного края. В частности, в начале XIX в. в Торопецкий и Холмский уезды были переселены многие эсты, латыши, иногда встречались и поляки. Все это совершенно уничтожает возможность толковать данное единичное наблюдение как свидетельство подлинной сохранности в Торопецком говоре слова *клещ* в значении 'лещ'. Но возможность подобных находок не исключена и теперь.

Следует учитывать то обстоятельство, что находки древнерусских грамот на бересте умножаются год от года; подобные грамоты обнаружены уже не только в Новгороде, но и в Пскове, Старой Руссе, Витебске, Смоленске.

Все это обещает дать большой лексический материал, подлежащий сопоставлению с данными современных местных говоров, как и с лексикой других славянских языков.[13]

---

[11] Л. В. Черепнин. Новгородские берестяные грамоты. . ., с. 249 и сл.

[12] Как и с *подчевать* (*потчивать*, *пошговать*), см.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 1. М., 1915, с. 117. Интересно мнение Я. К. Грота, здесь указанное, о непосредственной связи этого глагола с польским poczta 'дар', 'почестье'.

[13] Необходимо в заключение указать, что «клещи, уклейки. . .» (т. е. лещи и уклейки) упоминаются в русских лечебниках XVII в. Например в одном лечебнике 1672 г. (как диетическое питание), см.: В. М. Флоринский. Русские простонародные травники и лечебники, собрание медицинских рукописей XVI и XVII в. Казань, 1880; Л. Ф. Змеев. Исследования в области нашей древней врачебной письменности. XVI—XVII вв. — Памятники древней письменности, № 112. СПб., 1895. По картотеке Сл. др.-рус. яз. ИРЯЗ АН СССР: Леч. III, 69. 1672 (лечебник без заглавия, 1672 г.).

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Из истории русской метрологической лексики. Названия хлебных мер

Интерес диалектолога к терминологии мер и весов определяется наличием в этой лексической группе диалектных различий с древнейших времен и до самого недавнего времени. Эти локальные различия зависели от особенностей исторического развития русского государства и по вполне понятным причинам проявились наиболее отчетливо в период феодальной раздробленности, когда бóльшая часть русских княжеств в процессе внутренних и внешних экономических отношений пользовалась своими, местными мерами. Конечно, неудобство использования местных мер в торговых операциях осознавалось довольно давно, и время от времени предпринимались кое-какие шаги для упорядочения метрической системы. Нередко отсутствие единых общегосударственных мер приводило к недоразумениям и произволу. Неслучайно уже в XII—XIII вв. в Новгороде при Ивановском монастыре возникает учреждение, сосредоточившее в своих руках все орудия меры, надзор за правильным использованием которых поручался старосте ивановской общины, а также новгородскому владыке и сотским.[1] Нередко мера, носившая одно и то же название, в весовом отношении была различной на разных территориях. И, несмотря на все попытки государства хоть сколько-нибудь упорядочить метрическую систему, локальные различия в этой области оказались чрезвычайно живучими, на что согласно указывают исследователи русской метрологии. Эти различия продолжали сказываться и на всем протяжении XIX столетия, о чем ярко свидетельствуют записи диалектной лексики, относящиеся к этому периоду. Напомним, что в 1899 г. в России была проведена

[1] А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, с. 19. Ср. в этом плане любопытное свидетельство «о мѣрилѣхъ» в одной из статей, следующих за Комиссионным списком Новгородской I летописи: Градскыя и торговыя и всякаа мѣрила . . . блюсти без пакости, не умалити, ни умножити. . . (Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 479).

реформа метрической системы, которая тем не менее лишь частично ликвидировала старые местные меры. И только декретом Советской власти от 14 сентября 1918 г., реализация которого была завершена к январю 1927 г., было окончательно запрещено пользование старыми метрическими единицами. Однако и после этого территориальные различия еще продолжали существовать (правда, ограничиваясь теперь лишь областью внутриэкономических отношений между населением только данной территории).

Особенным разнообразием отличались названия хлебных мер. Причины этого вполне ясны: торговля хлебом всегда составляла основную статью русской экономики. Хлеб был предметом ввоза (например, из центра и юга страны в северные земли) и вывоза, а в феодальной Руси нередко служил причиной острых драматических конфликтов между отдельными княжествами (как случалось, например, в отношениях Новгорода с его соседями).[2] Именно в этой группе метрической терминологии отчетливо отразилась как дробность административного деления русского государства, так и направление торгово-экономических связей русских с «заморскими» землями, результатом чего явились некоторые лексические заимствования.

Нередко меры сыпучих тел получали свое наименование от названия сосуда определенной вместимости (кадь, бочка, лукно, зобня, коробья, корец, ковш и т. д.). В древности это была довольно продуктивная группа, причем некоторые из лексем обладали определенной «локальной прикрепленностью», поскольку служили обозначением специфически местных мер. В этом смысле указанные термины представляют несомненный интерес в плане исторической диалектологии, несмотря на то что большинство из них были утрачены и не дожили до наших дней.

Наиболее живучим оказался термин *кадь*, известный от Киевского периода [3] и зафиксированный диалектными записями XIX—XX вв. Эта мера зернового хлеба, широко бытовавшая до XVI—XVII вв. и остававшаяся при этом основной мерой сыпучих тел,[4] упоминается во многих памятниках русской письменности начиная с Русской Правды. Так, в Хожении игумена Даниила (по списку Норова) читаем: Жита много и добра рожаются граду тому и окрестъ Іерусалима. . . одину кадь сѣявшю, пакы взяти кадеи 90 или 100.[5] Ср. также в Никоновской летописи (под 6723 г.):

---

[2] Об этом см., например: А. И. Никитский. История экономического быта, сс. 15—16.

[3] Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, с. 28; Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, с. 28.

[4] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 42.

[5] Здесь и далее цитаты из памятников русской письменности, приводимые без ссылок, заимствованы из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского. Без ссылок приводятся также диалектные материалы Картотеки «Словаря русских народных говоров» (Институт русского языка АН СССР, Ленинград).

И бысть в Новѣгородѣ кадь ржи по дѣсяти гривенъ, а овса кадь по три гривнѣ. Термин *кадь* в указанном значении является обычным для текста Новгородских летописей.

Очевидно, термин *кадь*, равно как и обозначаемая им мера, имел общерусское распространение. Различие же касалось весового значения кади, которое, во-первых, не было единым на протяжении всего периода функционирования этой меры и, во-вторых, было различным на разных территориях.

Исследователи русской метрологии и историки [6] указывают, что «кадь» делилась на два половника (половины), четыре четверти и восемь осмин. Допуская, что величина кади равнялась приблизительно 14 пудам, Л. В. Черепнин полагает, что «эта величина восходит еще к киевскому периоду нашей истории и остается неизменной (разрядка наша, — *Е. Э.*) до начала XVII в.».[7] Однако мысль о неизменности весового значения старой русской кади на протяжении всего указанного исторического периода противоречит другому заключению Л. В. Черепнина, согласно которому московская кадь была вдвое больше киевской.[8] Далее, приведя пример из карамзинского списка Русской Правды («А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадеи ржи ростовских»), исследователь замечает: «Неясно, чем отличалась ростовская кадь как местная мера от той общерусской единицы измерения, . . . какой была кадь в Киевский период».[9] Учитывая указания источников на «малую кадь» и «великую осминку», наличие «ростовской кади», Л. В. Черепнин окончательно признает, что в период феодальной раздробленности «в отдельных русских областях могли наблюдаться различия в размерах кади и ее подразделений. Возможны даже значительные отклонения в ту или иную сторону от указанной выше величины в 14 пудов», из чего следует справедливый вывод «о значительном разнообразии местных мер».[10]

Итак, термином *кадь* издавна могли обозначаться меры различной вместимости. Это положение сохраняется и в XIX—XX вв., когда кадь, утратив окончательно значение общерусской торговой меры зернового хлеба, превращается в меру, локально ограниченную, продолжающую функционировать лишь на отдельных территориях России, а рассматриваемый термин *кадь* в связи с этим переходит в разряд диалектной лексики. В этот период термином *кадь* в пределах разных территорий обозначаются меры различной вместимости. Более того, весовое значение кади может быть неоднородным даже для одной губернии. Так, по данным Русской энциклопедии (1911), кадь в Пермской губернии рав-

---

[6] См., например: Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 42; А. И. Никитский. История экономического быта, с. 97.

[7] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 43.

[8] Там же, с. 28.

[9] Там же, с. 27.

[10] Там же, с. 43.

нялась 4 пудам. По другим источникам, пермская кадь вмещала 5 пудов пшеницы и ярицы или 1 пуд овса. В середине прошлого века в той же губернии кадь, служившая также мерой соли, равнялась 20 пудам (1859).[11]

Если даже в пределах одной губернии весовое значение кади было столь неоднородным, то, естественно, оно не было одинаковым для разных территорий России. В Казанской губернии (1855) *кадью* называли кадушку, вмещавшую 5 пудов зернового хлеба, которой торгующие хлебом измеряли покупное зерно. На Волге (1914) кадь — кадушка для взвешивания зерна или соли — вмещала от 5 до 10 пудов. В Саратовской губернии хлебная кадь равнялась 10—12 пудам. (Энциклопеция Брокгауза и Ефрона). В переводе на другую меру — четверик — владимирская (1820) и ярославская кадь соответствовала 2 четверикам, костромская (Нерехотский у., 1852) и калужская (1911) — 3 четверикам, тульская (1911) — 4 четверикам. В Чухломском уезде Костромской губернии та же мера вмещала уже 10 четвериков. То есть, учитывая, что основное весовое значение четверика 1 пуд, мы получаем колебание величины кади в пределах от 2 до 10 пудов.

В Тобольской, Томской, Курганской губерниях кадь (1899) равнялась $^1/_2$ четверти, или (исходя из обычного веса четверти, равного 8 пудам) четырем пудам.

В Ростовском уезде Ярославской губ. (1902) кадь соответствовала двум мерам,[12] а в Нерехотском уезде Костромской губ. — 3 мерам (то есть 3 четверикам или пудам). Заметим, что ростовская кадь, равная 2 мерам, употребляется, хотя и редко, вплоть до наших дней.[13]

Итак, древний метрический термин *кадь* в XIX—XX вв. переходит в разряд лексических диалектизмов и становится обозначением меры сыпучих тел, бытующей лишь на отдельных территориях. Любопытно, что термин этот, такой обычный для Новгородских летописей, ни разу не встретился в диалектных записях по Новгородской губернии.[14] Изменилось в этот период и весовое значение кади, ограничивающееся в большинстве случаев вели-

---

[11] В XVIII в. кадь — мера соли — приравнивается Петербургским сводом законов 1751 г. к 10.5 пудам. Ср.: С кади, в которой считается к выносу на берег соли 10 пуд с половиною, давать заработных денег по копейке.

[12] Не эти ли «две меры» были весовым значением ростовской кади, упоминаемой в Русской Правде?

[13] Е. М. Секретова. Из истории сельскохозяйственной лексики говоров Ростовского района Ярославской области. — Вопросы русского языка, вып. 1. Ярославль, 1970, с. 75.

[14] Ю. И. Чайкина отмечает, что в Белозерье термин *кадь* выходит из употребления в XVII в. и сохраняется в этот период «только в северных глухих районах, примыкающих к Каргополью» (Ю. И. Чайкина. Из наблюдений над формированием метрологической лексики Белозерья. — XII научно-методическая конференция сев.-зап. объединения кафедр русского языка. Л., 1970, с. 97).

чиной от 1 до 5 пудов. Последнее обстоятельство отнюдь не является случайным: в XIX—XX вв. кадь превращается в меру, используемую лишь для сравнительно небольших торговых операций, при совершении которых не требовалось уже такой крупной меры, какой была старая русская кадь.

Другие названия кади, известные в древности (*оковъ*, *окова*, *кадья*), в диалектных материалах не зафиксированы. Правда, кое-где на севере в прошлом веке еще бытовало слово *бочка*, обозначавшее меру сыпучих тел. Старый термин *бочка* (мера вместимости, равная, как считает например А. И. Никитский, кади), очевидно, всегда был менее употребительным, чем *кадь*. По крайней мере, «Материалы» И. И. Срезневского дают единственный пример употребления указанного термина из духовной грамоты, относящейся к XVI в.: И язъ у нихъ взялъ за тѣ дѣнги пятсотъ рогозинъ и пятьдесятъ и четыре рогозины ржи, и въ тѣхъ рогозинахъ восьмьсотъ бочекъ въ Бѣлозерскую мѣру. В середине прошлого века в Каргопольском уезде Архангельской губернии *бочкой* называлась мера сыпучих тел, содержащая две четверти, т. е. приблизительно 16 пудов.

В рассматриваемой группе слов *кадь* является едва ли не единственным обозначением старой хлебной меры, дожившим до наших дней. Остальные наименования были утрачены, по всей вероятности, еще в древности. Сюда относятся, например, местное новгородское название хлебной меры — *коробья*, псковская *зобница* и некоторые другие.

«Коробья была специфически новгородской мерой времен феодальной раздробленности Руси. Она делилась на 4 четверти или четки и 16 четверников (четверник=0.25 четки)».[15]

Термин *коробья* находим, например, в Комиссионном списке Новгородской I летописи: А в Новѣгородѣ хлѣбъ дорогъ бысть не толко сего единого году, но всю десять лѣтъ: по двѣ коробьи на полтину.[16]

Весовое значение новгородской коробьи с течением времени изменилось. В новгородской грамоте 1437 г. содержится сообщение о «старой коробье»: А коневого корму пять коробеи овса въ старую коробью.[17]

---

[15] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 43.

[16] Новгородская I летопись ..., с. 425. См. также многочисленные примеры употребления этого слова по Новгородским писцовым книгам в работе А. И. Никитского «История экономического быта» и в статье И. Кауфмана «Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейших времен» (Зап. нумизмат. отд. Русск. археол. об-ва, т. I, вып. 1. СПб., 1906, сс. 120—124).

[17] Поэтому едва ли правомерно устанавливать реальные размеры коробьи, основываясь на данных позднейших источников: идя таким путем, Л. В. Черепнин получает фактически весовое значение «новой коробьи» (Русская метрология, с. 44).

Соотношение цен на зерновой хлеб [18] позволяет предполагать, что к XV в. новгородская коробья была меньше общерусской кади: если кадь овса стоила от 3 до 13 (в неурожайные годы) гривен, то коробья оценивалась в 5 денег [19]; соответственно кадь пшеницы стоила 3—5 денег, а коробья — 1 гривну; кадь ржи — от 3 до 20 гривен, коробья (1500) — 10 денег.[20]

К мерам местного новгородского происхождения следует отнести, очевидно, и «коробъ»: во всяком случае, все примеры, иллюстрирующие употребление этого слова, в «Материалах» И. И. Срезневского взяты исключительно из новгородских грамот.

В берестяных грамотах древнего Новгорода термин *коробья* встречается также в иной огласовке: 2 короби пшеницы (XVI в.).[21]

Новгородской мерой была также «дежа», неоднократно упоминаемая в берестяных грамотах. Слово *дежа* в значении 'мера сыпучих тел' не известно по другим источникам и отсутствует как в «Материалах» И. И. Срезневского, так и в словаре Г. Е. Кочина.[22] Между тем тексты грамот со всей очевидностью свидетельствуют о том, что дежа была в ходу у новгородских крестьян в качестве хлебной меры: ѿ Максима ко Десѧцѣнамо. Дать Мелеѧну 8 деже, накладо и веши. А ты староста собери (грамота № 253, вторая половина XIV в.).[23] Дежа делилась на две полдежи: А ѳ Нездыле ѳ старосте полдеже пшенице. А Манѳиле полдежи рожи. . . (грамота № 250, середина или вторая половина XIII в.).[24]

«В качестве местной меры сыпучих тел, применявшейся в Пскове, источники называют зобницу с ее делением на 2 позобенья и 4 четверки. . . Размеры зобницы не оставались постоянными на протяжении самостоятельной истории Пскова».[25]

---

[18] Сведения о хлебных ценах см. в книге Н. Аристова «Промышленность древней Руси» (СПб., 1866, сс. 286—294).

[19] 1 гривна=14 денег.

[20] Иначе у А. И. Никитского (История экономического быта, с. 97). Ю. И. Чайкина приравнивает вес коробьи к 12 пудам (Из наблюдений над формированием метрологической лексики, с. 96). Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов — к 7 московским пудам (Русская метрология, с. 47). На это же весовое содержание коробьи указывает Л. В. Данилова (Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV—XV вв. М., 1955, с. 428).

[21] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. М., 1963, гр. № 254. Впрочем, в этом случае не исключена и возможность описки.

[22] Материалы для терминологического словаря древней России. Составил Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937.

[23] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты. . ., 1963, с. 80. См. также грамоту № 50 (там же, 1952, с. 53).

[24] А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты. . ., 1963, с. 42. На «дежу» как местную меру, бытовавшую в новгородских землях в XII—XIV вв., одними из первых обратили внимание Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов (Русская метрология, с. 47).

[25] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 44.

Упоминаниями об этой старой псковской мере пестрят псковские летописи: Изби мразъ всяко жито, и бысть дорогость люта, по пяти гривенъ зобница (Пск. I лет. под 6822 г.); Тогда бяше овсяная зобница по гривнѣ (Пск. II лет. под 6915 г.); А во Псковѣ у святѣи Троицы далъ Богъ хлѣба много и дешевъ, по девяти денегъ зобница ржи (Пск. II лет. под 6942 г.).

Псковские летописи сохранили известие о реформе 1458—1459 гг., когда старая псковская зобница была увеличена в полтора раза, а для более точного измерения стала применяться так называемая палица, которую подвешивали к позобенью, чтобы срезать хлеб в уровень с краями. Факт этот четко зафиксирован в летописных записях: Того же лѣта прибавиша Псковичи зобници и палицу привишили къ позобенью (Пск. I лет. под 6966 г.). Исходя из соотношения хлебных цен, Л. В. Черепнин приходит к выводу, что зобница второй половины XV в. превышала старую меру того же наименования в 1.5 раза [26] и равнялась 14 пудам (вместо прежних 9). Отсюда Л. В. Черепнин заключает, что «новая» зобница была «местным названием кади» (так как вес кади — 14 пудов).[27]

Что касается метрологического соотношения псковской зобницы и новгородской коробьи, то зобница в весовом отношении превосходила последнюю: в 1499 г. коробья овса оценивалась в 5 денег, а во Пскове овсяная четвертка (четверть зобницы) продавалась по 4 деньги,[28] из чего следует, что псковская зобница была значительно больше новгородской коробьи.

Наши материалы не дают возможности судить о весовом значении «зобьни», которая (прежде всего из соображений лингвистического порядка), скорее всего, также принадлежала к мерам псковского происхождения. Указанный метрический термин встречается в грамотах XIV—XV вв.: Дают по зобнѣ овса конем игуменовымъ (Уст. гр. м. Кипр. Конст. монаст., 1392); За зобню овса двѣ денги (Уст. Белоз., гр., 1488). Исходя из того что в XV в. зобница овса стоила во Пскове от 6 до 14 денег,[29] а в приведенной цитате стоимость зобни — 2 деньги, следует предположить, что зобня в весовом отношении не была равнозначна псковской зобнице. По-видимому, это была совсем небольшая мера: во всяком случае стоимость зобни показывает, что она была даже меньше новгородской коробьи, поскольку обычная цена овсяной коробьи— 5 денег.[30]

---

[26] Там же, с. 44.

[27] Там же. К тому же выводу приходят Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов в результате сопоставления хлебных цен в XV в.: «. . . новая псковская зобница совпадает с общерусской кадью, является ее псковским названием» (Русская метрология, с. 49).

[28] Н. Аристов. Промышленность древней Руси, с. 293.

[29] Там же.

[30] И. Кауфман. Русский вес. . ., с. 121.

Слово *зобня* в конце XIX в. еще сохранялось в речи населения Слободского уезда Вятской губернии, где оно обозначало меру, равную четверику.

Материалы не позволяют установить, были ли только местными мерами старые лукно и коблъ (къбль, кобель). Появление термина *лукно* Л. В. Черепнин относит к Киевскому периоду,[31] поскольку этот термин встречается уже в тексте Русской Правды. *Коблъ* находим в Патерике Синайском, Кормчей XIII в., в Пандектах Никона и так далее. Памятники сохранили кое-какие сведения о величине этой меры. Так, «кобелъ пшеницы» в Патерике Синайском в другом переводе назван «кадью», а житница в «десять кобелъ» уравнивается с весом в «десять споудовъ».[32] Быть может, остатком древнего кобла (*коблъ* 'ковш, корец') являлся в начале XX в. волжский «ковш» — «отвесный небольшой деревянный круглый лоток с рукояткой, употребляемый при взвешивании зернового хлеба на хлебных пристанях волжского бассейна».[33]

«Одним из существенных отличий русской народной метрологии от древнегреческой, римской или византийской и западноевропейской метрологии является принцип постепенного деления на 2, когда меньшие меры получаются путем постепенного деления большей на 2, на 4 и на 8».[34] Этот принцип деления на четное число частей (особенно на 4), обнаруженный Б. А. Рыбаковым применительно к русским мерам длины, в равной степени относится и к тем хлебным мерам, наименования которых соотносимы с числительными (четь, четверть, четверик, осьминка, осьмак, осьмуха и т. д.). Эта группа метрологических терминов была достаточно обширной в древности и надолго сохранилась в русских диалектах.

Мы уже упоминали половник — половину кади или окова. «В Московском государстве четверть в качестве меры сыпучих тел заменила собой более раннюю единицу — кадь».[35] Ср., например, в Таможенной Белозерской грамоте (1551): А помѣрное имати съ продавца съ четырехъ четвертеи денга; в Новгородских писцовых книгах: . . . а посельский ималъ у нихъ съ тое волости со всякого дома по четвертѣ ржы да по четвертѣ овса.[36] В весовом отношении московская четверть вмещала 6 пудов ржи или 5 пудов ржаной муки.[37] Однако эту цифру нельзя признать единой

---

[31] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 28. Впрочем, лукно было не только мерой сыпучих тел: ср. «лукно меду» в грамоте Мстислава Даниловича 1289 г.

[32] И. И. Срезневский. Материалы, т. I, с. 1388.

[33] С. П. Неуструев. Словарь волжских судовых терминов. Нижний Новгород, 1914, с. 139.

[34] Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. — Советская этнография, 1949, № 1, с. 69.

[35] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 66.

[36] Цит. по: А. И. Никитский. История экономического быта, с. 62.

[37] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 67.

для всего Московского государства, так как, «несмотря на объединительную политику в области метрологии, местные отличия давали себя чувствовать в течение всего XVII в., а потому термином *четверть*, *четверик*, *осьмина* покрывались меры различной вместимости».[38]

Позднее в диалектах русского языка термин *четверть* обозначает меру, довольно единообразную в весовом отношении: восемь пудов или мер зернового хлеба.[39] Это наименование хлебной меры продолжает употребляться как на севере, так и в южных районах страны. Ср., например: Четверть ржи свез на мельницу смолоть (Пушк. Пск., 1957). Четверть известна также в Пермской, в Архангельской (в иной огласовке: *четвереть*), Курской губерниях (1900—1902).

Менее единообразна в весовом отношении четвертка, употреблявшаяся на территории древних псковских земель и составлявшая четвертую часть зобницы. Ср. в Псковской I летописи под 6984 г.: А хлѣбъ далъ Богъ дешевъ на семъ лѣтѣ, по полъпятѣ денгѣ четвертка ржи. В диалектах термином *четвертка* по большей части обозначается мера, равная двум четверикам или $^1/_4$ части четверти (т. е. 2 пудам). Так, в Казанской губернии («Я занял у шабра четвертку пшеницы»),[40] Олонецкой, Вологодской, («Мне б четвертку овса на посев»), а также в наши дни в Волховском районе Ленинградской области.

Особняком стоит калужская четвертка, равная по вместимости целой четверти (Косогоров, 1916).[41]

Четверик повсеместно означает меру, равную восьмой части четверти. Т. е. в весовом отношении он составляет пуд. Эта мера была, очевидно, общей для Московской Руси. Ср. в «Истории государства Российского» Н. Карамзина: Начаша на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Руских всякое жито четвериками покупати (1602). Мера эта сохранилась в некоторых областях вплоть до наших дней. Так, в Архангельской области (1961), как свидетельствуют диалектные записи, «четвериком все делают: жито меряют, картошку. Пуд — четверик».[42] Архангельский четверик приравнивается к 16 кг зернового хлеба, «а картошки больше: восемнадцать-двадцать килограмм».

[38] Там же, с. 67. Подробнее об объеме русской четверти XVI—XVII вв. см. в книге Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова «Русская метрология» (сс. 88—98).

[39] Это весовое содержание четверти установилось в России к середине XVII в. (Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология, сс. 89, 93).

[40] «Четверткою именуется потому, что в четверти хлеба из 8 четвериков составляет четвертую часть» (Фанагорский, 1855).

[41] Н. Аристов приравнивает четвертку XV в. к 1/4 псковской зобницы, принимая положение Н. М. Карамзина о том, что зобница равнялась четверти (Н. Аристов. Промышленность древней Руси, с. 290).

[42] См. еще: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III. М., 1957, с. 217.

68220
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУС ..ОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Термин *четверик* сохранялся в начале XX в. в Псковской губернии (1907). В начале 30-х годов нашего столетия этот термин служил для обозначения старой меры сыпучих тел в Волховском районе Ленинградской области, в Тульской области. В Киренском районе Иркутской области еще и теперь помнят, что до революции четвериком измеряли хлеб, принимаемый от крестьян в казну: Когда сдаешь хлеб-то, дак насыпаешь четверик (1960).

К местным названиям хлебных мер принадлежит термин *четверу́ха* 'кадушка или дуплянка, которой меряют или насыпают хлеб'. В Пермской губернии *четверуха* — мера, равная приблизительно 1 пуду (ржи),[43] т. е. это пермское название четверика. Заметим, кстати, что «мерная» четверуха была мерой весьма приблизительной, так как нередко имела у разных хозяев разную величину: У меня четверуха большая, у иных дак и полпуда не уйдет, а у меня доброй ржи уходит пуд с лишом (Луканин, 1856).

В Кадниковском уезде Вологодской губернии четверухой мерили соль. По своему весовому значению эта мера отличалась от пермской, так как равнялась всего 10 фунтам веса, т. е. $^1/_4$ части четверика.

В Пермской губернии бытовал еще термин *четверу́шка*, не являющийся, по-видимому, уменьшительным к *четверуха*: эта мера вместимости соответствовала четверти.[44]

К рассматриваемой группе принадлежит также лексема *чету́ха* (*чету́шка*), *чату́ха*: . . .кадь или дуплянка, содержащая ржи или пшеницы около пуда весом, а овса или ячменя менее, четверуха, четверик. Впрочем, четухи бывают у разных хозяев разных размеров, смотря по тому, из какого дерева сделаны (Перм., Луканин, 1856). Таким образом, *четуха* в Кунгурском и Осинском уездах Пермской губернии — мера, равная одному четверику,[45] т. е. это местное, так сказать, «уездное» наименование той меры, которую в других уездах той же губернии называют *четверухой* или *маленкой*: Здесь в Перме меру-то зовут маленкой, а у нас коло Кунгура четухой, а в иных местах дак четверухой (Луканин, 1856). То же название носит эта мера в Бирском уезде Уфимской губернии.

Появление в русском языке термина *осьминка* относится к древнейшим периодам русской истории. Так, в Новгородской I летописи по Синодальному списку читаем: Въ се же лѣто лютѣ бяше:

---

[43] Четверуха овса была несколько меньше.

[44] В новгородских берестяных грамотах встречается еще термин *четвертина*: А Кюриле гороху цетвертина, святого же Петра (А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты. . ., 1963, с. 42, грамота № 220).

[45] Иначе — у В. Бурнашева, который приравнивает пермскую четуху к $^1/_4$ четверика (Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, I. СПб., 1843, с. 332).

осминка ржи по гривнѣ бяше.[46] Слово это встречается в памятниках новгородских достаточно регулярно, причем, как можно заключить из контекста, весовое значение осминки не было постоянным. Ср., например: И стоя все лѣто *осминка великая* по 7 резан.[47]

В диалектах XIX—XX вв. имеется несколько метрических терминов, без сомнения имеющих прямое отношение к старой русской осминке: *осьми́на*, *осьмýха*, *осьма́к*, *осьми́нник*. Наиболее широкое географическое распространение имеет термин *осмина* (*осьмина*), обозначающий меру, равную четырем четверикам, т. е. $^1/_2$ четверти (Вят., Волог., Яросл., Тамб., Калуж., Ворон., Курск.). Например: Асьмина ржи, пашаницы, овса, чятыре мерки — осьмина (Курск.). Это слово известно и в рязанском диалекте. Но данных относительно весового значения рязанской осьмины мы не имеем. Отсутствуют данные и о величине осьмины на Урале (Бирюков, 1935). Неясным остается и то, почему мера, равная половине кади или четырем четверикам, получает название, указывающее на то, что она составляет восьмую часть по отношению к какой-то более крупной мере.

В этом смысле гораздо логичнее выглядит то весовое значение осьмины, на которое указывает Волоцкий: ‘четверик, мера’ (Яросл., 1902), т. е. восьмая часть четверти.

В. Бурнашев приводит еще слово *осминник* в значении ‘осминная мера’, но без каких бы то ни было территориальных ограничений.[48] Однако, судя по тому, что *пол-осминник* в его словаре снабжается указанием на «Костромскую и другие губернии»,[49] можно полагать, что термином *осминник* обозначалась на указанной территории та же осьмина, т. е. мера в четыре четверика.

Наконец, наименованием меры сыпучих тел был *осьмак*. В Псковском уезде Псковской губернии осьмак равнялся четверти (ржи). Но для Опочецкого уезда той же губернии «Опыт великорусского областного словаря» 1852 г. дает иное весовое значение: ‘хлебная мера в 2 четверика’. Это значение представляется наиболее вероятным, так как в этом случае осьмак составляет восьмую часть 16-пудовой кади, т. е. равен двум пудам веса. Эти данные подкрепляются и позднейшими диалектными записями в Пушкиногорском районе Псковской области (1957), согласно которым данная мера соответствует двум пудам веса: В осьмаке два пуда иржи.

В Горбатовском уезде Нижегородской губернии осьмак составлял восьмую часть четверти (Дополнение к «Опыту», 1858), а в Осташковском уезде Тверской губернии равнялся 1.5 четверика

---

[46] Новгородская I летопись. . ., с. 22.

[47] Там же, с. 25.

[48] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря. . ., т. II, 1844, с. 25.

[49] Там же, с. 111.

(там же). То же метрическое значение указывает «Дополнение» и для псковского осмака.

Вне этой системы четвертичного деления, характерной для народной русской метрологии, стоят названия *семери́к*, *девя́тка*, *девятери́к*.

Семерик, по определению В. Бурнашева, 'мера, семь четвериков содержащая'. В Свердловской области в наши дни так называют мерную кадушку, равную 1 четверику (примерно 16 кг) (Колеганов, 1961).

Мера, составляющая девятую часть четверти, в Ростовском уезде Ярославской губернии называлась *девяткой* (Волоцкий, 1902). Мера эта употреблялась на ростовских базарах перекупщиками крестьянских товаров: зернового хлеба, картофеля, лука, репы, яблок и пр.[50]

Помимо терминов, соотносимых с именами числительными, имеется несколько диалектных наименований хлебных мер, представляющих собой производные от названия общерусской весовой единицы — *пуд*: *пудо́вка*, *пудови́к*, *пудо́к*. Естественно, что этими терминами по большей части обозначается мера, равная пуду веса, или четверику (Ряз., Оренб., Волог., Тобол.). Нередко пудовка — мера, чуть больше или чуть меньше пуда (Перм., Вят., Челяб., Урал., Волог.). О приблизительности весового значения пудовки свидетельствует, например, следующая запись: Алексей Григорьевич продает пудовку ячмени по шести гривен. У него невелика пудовка-то (Волог.). В Пермской губернии пудовка — та же мера, что четуха или маленка: Ходил на базар, овса купил лошадям пудовку. Инде пудовку зовут четухой, инде маленкой (Луканин, 1856). По свидетельству Молотилова, пудовка в Каинском уезде Тобольской губернии — мера для хлеба, вмещающая около пуда. Ранее мерили зерновой хлеб преимущественно этой пудовкой, теперь переходят на более точный весовой пуд. Оттого различают «насыпной» пуд (пудовка) и «вешший пуд, или весовой».

В Красноярском уезде Енисейской губернии слово *пудовка* к началу XX в. утратило свое метрическое значение и стало обозначать посуду для хранения муки, выдолбленную из ствола дерева (Анучин, 1904).

Четверику равнялся и пудовик, служивший мерой муки, гороха и пр. (Перм., Южн.-Сиб., Иркут.).

То же значение имеет и термин *пудок*, зарегистрированный разными собирателями только на территории Вологодской губернии. Таким образом, в Вологодской губернии мера, равная четверику, имеет несколько различных наименований: *пудок*, *четверик*, *маленка*.

---

[50] В. Бурнашев приводит еще термин *девятери́к* 'мера, равная девяти четверикам', но не дает никаких территориальных помет.

«В Двинских владениях Новгорода была своя особенная мера сыпучих тел, а именно пузъ, заключавший в себе от двух до трех пудов хлеба».[51] Этот термин встречается уже в Уставной грамоте Святослава 1137 г.: Оурядилъ єсмь азъ святѣи Софии . . . в Ѡнегѣ на Волдоутовѣ погостѣ два сорочка . ., оу Юми скора, а на мори ѿ Грена и ѿ Силгы по поузу. Указанный термин (как и мера, им обозначаемая) имел только местное распространение: *пузъ* встречается исключительно в документах Новгорода и его владений.[52] Ср. в Уставной Двинской грамоте 1397 г.: А сотскому и подвоискому пошлинка съ лодьи по пузу ржи с гостя. Приведем еще пример из купчей игумена Николаевского Чухченемского монастыря на землю (XV в.): А далъ на тои земли игуменъ Василеи Мѣхию 60 бѣлъ да 3 бѣл [ы], да два пуза жита семянного. . .[53]

Ф. П. Филин, подчеркивая, что *пузъ* — слово, искони бытовавшее в севернорусских областях, приводит свидетельство Н. П. Гринковой о сохранении этого метрического термина в современных олонецких говорах: Высеяли пузо ржи.[54] Подтверждением того, что это слово дожило до наших дней, сохранив при этом свою древнюю локальную «прикрепленность», служат и наблюдения А. Зимина в Вельском районе Архангельской области (1949), где пуз — старинная мера сыпучих тел, равная 1 и $^3/_4$ пуда ржи. Сопоставляя метрическое значение архангельского пуза с кадью, А. Зимин делает вывод, что пуз равнялся осьмине четырнадцатипудовой (поздней) кади. «Осьмина кади, — пишет А. Зимин, — и есть как раз пуз — практическая повседневная мерка, дожившая до наших дней в лесных деревушках Севера».

В середине прошлого века в Пермской губернии еще помнили название старинной меры сыпучих тел — *сапéц*, хотя к тому времени указанная мера уже вышла из употребления. Пермский сапец равнялся 6 пудам. Наименование это, несомненно, связано с термином периода централизованного Московского государства — *сапца*. Как считает Л. В. Черепнин, сапца была пермским названием осмины и делилась на позмоги, «но по какому арифметическому принципу — не вполне ясно».[55]

---

[51] А. И. Никитский. История экономического быта, с. 97. По данным Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова, вес двинского пуза — 1.5 пуда ржи (Русская метрология, сс. 47—48).

[52] «Письменные документы других областей этого слова не знают» (Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. — Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 80, Л., 1949, с. 268). О термине *пуз* см. также: Н. С. Бондарчук. К вопросу о метрологии двинского диалекта XIV—XV вв. — Уч. зап. Калининск. пед. ин-та им. М. И. Калинина, т. 53, 1968, сс. 132—133.

[53] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, с. 214.

[54] Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка. . ., с. 268.

[55] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 17. Подробнее о старой пермской сапце см. в книге Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюгова «Русская метрология» (сс. 103—106). Заметим, кстати, что 6 пудов — точный вес старой соляной сапцы (там же, с. 104).

Ряд метрических терминов не засвидетельствован памятниками древнерусской письменности и принадлежит, по-видимому, к позднейшему времени. Таковы олонецкие *бара́н*, *(бора́н)*, *мани́шка*, казанское *бажня́*, севернорусское *мале́нка*. Термины эти всегда имели ограниченное территориальное распространение. Так, слово *бажня* зафиксировано на территории Царевококшайского уезда Казанской губернии (1849), где оно обозначало меру, равную четырем пудам. Олонецкая манишка была мерой, равной четверику («Опыт», Даль, Куликовский). В той же губернии другим названием четверика являлся *баран* (*боран*) (Рыбников, Куликовский).

К четверику, или пуду, веса сводится в основном величина и той чрезвычайно распространенной меры, которая носит название *маленка*.[56] Это слово, связанное с корнем *мал-* (ср., например, пск. и олон. *ма́лене* ‘мало, немного’, свердл. *мале́нка* ‘малыш’ и др.), отсутствует как в «Материалах» И. И. Срезневского, так и в словаре Г. Е. Кочина. Маленка — по преимуществу хлебная мера,[57] бытующая на Севере. В. Бурнашев приводит это слово как олонецкое, Я. Грот — как северное. Самый объем материала, представляющего это слово в Картотеке Словаря русских народных говоров, свидетельствует о широкой его употребительности.

Исконно русское слово *маленка* служило наименованием сосуда меньше кади или окова, вмещающего определенное количество зерна или муки. Нередко маленка служила и для других хозяйственных надобностей.[58] Как правило, маленка — липовая (или вообще деревянная) кадушка вместимостью до пуда зерна.[59]

Каково же весовое значение «мерной» маленки? Чаще всего маленка уравнивается с четвериком (Олон., Волог., Новг., Перм., Костром., Яросл., Влад., Тул.). Так, В. Бурнашев указывает, что *ма́ленкой* «олончане называют четверик. Если спросить тамошнего крестьянина, сколько у тебя пахотной земли, он отвечает: В одной трети сеют 5, в другой — 7, а в третьей — 10 маленок».[60]

---

[56] В Белозерье этот термин известен в XVIII в. (Ю. И. Чайкина. Из наблюдений . . ., с. 97).

[57] Лишь В. С. Пругавин (Сельская община, 1884, с. 120) указывает на употребление терминов *маленка* (*полумаленка*) для обозначения мер площади: «Маленка. Часть пахотного поля при крестьянских земельных переделах в селе Кузьмодемьянском. Равняется десятине (не казенной), на которую падает 36 душ. При переделах сенокосов делится на две полумаленки, на которых косят траву коллективно, а потом делят сухое сено между 18 членами».

[58] Ср. в пермской сказке: [Бедный]. . . думал, думал, и спрятал [деньги] в маленку с золой (Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III, с. 95).

[59] Иногда маленка — корзинка (Нерехт. Костром., 1853), но также определенной вместимости. В наши дни в Харовском районе Вологодской области маленка — корзина из дранок вместимостью около пуда.

[60] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря. . ., т. I, с. 379.

Особенно широкое распространение имела маленка, равная четверику, в Вологодской губернии. Здесь маленкой мерили не только рожь («Я тут две маленки ржи вынял»), овес («Я насыпала овса полную маленку»), ячмень, пшеницу, но также горох и картофель. В конце двадцатых годов нашего века термин *маленка* в указанном значении сохранялся на Северной Двине.

Приблизительно четверику равнялась маленка в Орловском уезде Вятской губернии (где ею пользовались как мерой преимущественно извозчики).

Но в Гороховском уезде Владимирской губернии тот же термин обозначал меру, равную двум четверикам (50-е годы XIX в.), а в Пермском уезде Пермской губернии (те же годы) — лишь $^1/_4$ части четверика.[61] В других уездах Пермской губернии та же мера носила название *четуха*. Ср.: Овса взял две маленки. Чего у тебя маленка-то какая маленькая? Не мерная, видно. Здися дак вот эдаку-ту меру маленками зовут, а у нас дак четухами (Перм. Перм., Луканин, 1856).

В переводе на пуды маленка весила около пуда (Том., КАССР) и сохранила это весовое значение до наших дней, например в Медвежьегорском районе КАССР: Зерно маленкой измеряли. На пуд, большая (1970).

Для Архангельской области А. Зимин приравнивает вес маленки к 1.5 пудам ржи, считая ее практической, обиходной меркой, дожившей до наших дней «в лесных деревушках Севера» (наряду с пузом, по отношению к которому маленка являлась мерой меньшей вместимости, чем и объясняется, по мнению А. Зимина, ее наименование). По свидетельству А. Подвысоцкого, в Онежском уезде Архангельской губернии маленка равнялась осьмине.

В шестидесятые годы нашего столетия маленка села Арык-Балык Кокчетавской области равнялась $^1/_2$ пуда веса (1961).

На территории Казанской губернии термин *маленка* равнозначен другому метрологическому термину — *пудовик* (1852—1854), как и в Оханском уезде Пермской губернии (1854).

В качестве меры сыпучих тел маленка употреблялась в Новгородской и Нижегородской губерниях. В Ростовском уезде Ярославской губернии маленкой называли вообще меру сыпучих тел: Как продаешь овес: на вес или на маленку? (1902).

Слово *маленка* как наименование деревянной мерки для зерна в наши дни сохраняется в диалектах Вологодской (1964), Свердловской областей (1965), на территории Волго-Камья (1961).

В древнейших памятниках русской письменности встречается термин *мера*: Бяше хлебъ дешевъ: по три мѣрѣ за полтину (Пск. I лет. под 6915 г.). Трудно судить, была ли *мера* общерусской

[61] Впрочем, в «Опыте» 1852 г. маленка Владимирской губернии определяется также как мера сыпучих тел, равная $^1/_4$ четверика.

единицей вместимости [62] и различалась ли она в весовом отношении на разных территориях русского государства.

В диалектах Курской, Рязанской, Тамбовской и Тверской губерний в XIX в. *мера* — термин, обозначающий меру сыпучих тел, равную четверику. Так же — в начале XX в. (1902) в Вологодской губернии: Я ныне пшеницы посеял пять мер. Несколько иначе — в Буйском уезде Костромской губернии, где мера равнялась трем четверикам (1852). В Сибири, в Томской и Тобольской губерниях (1899) мера соответствовала четырем четверикам.

К концу 50-х годов XX в. термин *мера* еще сохраняется в языке жителей Петровского района Свердловской области, где обозначаемая им «метрологическая реалия» продолжает функционировать в качестве торгово-бытовой меры сыпучих тел, преимущественно зернового хлеба: Проса намолотил 20 мер. В возу 30 мер овса. Продали около 40 мер ржи.

Метрологическое значение пермской меры довольно противоречиво: одни уравнивают меру с маленкой (т. е. мера равна четверику), другие указывают, что мера равняется лишь $^1/_4$ четверика.

По нашим материалам невозможно установить величину меры в Орловской и Московской губерниях, где этот термин также отмечен записями собирателей диалектной лексики в XIX—XXвв.

В Мещовском уезде Калужской губернии единица измерения сыпучих тел называлась *ме́ркой* (1916) и равнялась четверику. Наименование сохранилось в Новоржевском р-не Псковской обл. Мерка весит здесь около пуда: Мерка, такая, как лукно; сплятут лукно большое, называли меркой; зярно мерили меркой (1957).

Помимо терминов исконно русского происхождения некоторые метрологические термины явились результатом исторических контактов русских с иноязычным населением. Так, в Заонежье бытовал термин *ня́ртега* (ср. карельск. n'ärte, вепск. närteg, финск. närte), служивший наименованием меры зернового хлеба, равной двум маленкам или трем четверикам (Рыбников, Куликовский). К финским заимствованиям принадлежит севернорусское *ко́бра* (ср. финск. kорга 'пригоршня, горсть') — очень маленькая обиходная мерка, равная пригоршне зерна. Например: Возьми кобру крупы (Арх., 1852). Термин *кобра* дал производные: *ко́брица*, и *ко́барка*. Ср., например: На всю семью кобарку муки дал (Арх., Подвысоцкий). Любопытно, что если слова *кобра* и *кобарка* зафиксированы лишь на территории Архангельской губернии, то термин *кобрица* выходит за пределы указанной территории и отмечен как название соответствующей меры в Вологодской (1852, 1902) и Ярославской (1852) губерниях. Указанные

[62] В Белозерье, например, этот термин сначала появляется «в крупных торговых центрах, поддерживающих более тесные связи с московским рынком», и к XVIII—XIX вв. «входит в активное употребление» (Ю. И. Чайкина. Из наблюдений, сс. 97—98). Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов относят меру к местным, устюжским мерам вместимости XVII в. (Русская метрология, с. 100).

термины относятся, очевидно, к позднему времени, так как не известны по древнейшим письменным памятникам.

К тюркским заимствованиям принадлежит *батма́н* — термин, употребленный впервые Афанасием Никитиным и довольно обычный в XVII в.[63] «Значение термина *батман* — мера, единица веса; лексема *батман* встречается в языке казанских татар, в турецком, туркменском. . . и других тюркских языках».[64]

В качестве названия хлебной меры *батман* известен в Казанской губернии (что обусловлено общеизвестными историческими причинами) и вплоть до XIX в. означает в весовом отношении осьминник или четыре пудовки (1858). Не ясно, был ли батман только хлебной мерой и только мерой вместимости (а не весовой единицей) в других губерниях России. Заметим только, что тверской *батман* (или иначе — *ба́тминь*) равнялся пуду веса (1852), а в Ярославской, Костромской, Оренбургской губерниях соответствовал 10 фунтам.[65]

В. Бурнашев приводит еще термин *бгатша́н* — костромское название меры в 10 фунтов, бытующее среди «мелких перевозчиков съестных припасов» и особенно употребительное «при вольной распродаже соли».[66]

К терминам, этимология которых не так ясна, принадлежит *ку́на*, *ку́ночка* Рязанской и Тамбовской губерний (1852) — очень маленькая мерка, пригоршня, горсть (зерна). Едва ли можно связать этот диалектный метрический термин со старой вятской куницей, являвшейся местной мерой уже во времена централизованного государства: старая вятская куница делилась на четыре четверика и втрое превышала Московскую четверть.[67]

Наконец, приведем еще два термина, известных по памятникам древнерусской письменности и окончательно утраченных к настоящему времени как общенародным русским языкам, так и русскими диалектами: *уборокъ* и *улка* (*улока?*). Лексема *уборокъ* встречается, например, в списке «Русской Правды», следующем за Комиссионным списком Новгородской I летописи: . . . а куровъ по двое ему на день, а хлѣбовъ по 7 на недѣлю, а пшена по 7 уборковъ, а гороху 7 уборковъ.[68] Наш материал не позволяет установить, был ли уборокъ мерой, локально ограниченной, или же он имел общерусское распространение. «Точная вместимость уборка учету не поддается. Во всяком случае, он является

---

[63] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. I, с. 134.

[64] И. Н. Назаров. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности. — Уч. зап. Казанск. пед. ин-та, вып. 15, 1958, с. 258.

[65] Ограничив круг рассматриваемой метрологической лексики наименованиями хлебных мер, мы оставляем в стороне крымский «яблочный» батман, батман для измерения золы для поташа (Оренб., Казан.) и т. д.

[66] В. Бурнашев. Опыт терминологического словаря, т. I, с. 37.

[67] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 67.

[68] Новгородская I летопись. . ., с. 489.

мерой незначительных размеров. Это вытекает из нормы Русской Правды, согласно которой . . . вирник получал по семи уборков пшена и гороха в неделю».[69]

Возможно, что в древности к местным новгородским мерам принадлежала *улка* (*улока?*). Этот термин не упоминается ни в одном из исследований, посвященных вопросам русской метрологии или экономике древней Руси. Указанное слово известно только по текстам новгородских берестяных грамот, из чего и вытекает предположение о «территориальной замкнутости» этого термина. Например: За Олександромо лонского жита 13 улоки. Олександре дале коромолнику 3 улки верши. . . Ладога 3 дежи. Ондришку 4 улки искормили. 14 улки овса Олександрь с Волосомо.[70] По-видимому, это была небольшая мера, употреблявшаяся новгородскими крестьянами в их повседневных экономических взаимоотношениях (мелкая купля-продажа, мена, выплата долговых обязательств и т. д.), в силу чего и самый термин не имел такого широкого распространения, как например *коробья*, служившая для более крупных торговых операций.

Итак, мы рассмотрели только одну группу русской метрологической терминологии: названия хлебных мер. Легко заметить, что эта лексическая группа всегда носила на себе отпечаток значительных локальных различий,[71] которые сохранялись на протяжении веков, а с введением в XIX—XX в. единой метрической системы мер большинство старых терминов, включая и те, которые были общерусскими (как например *кадь*), окончательно перешли в разряд диалектной лексики. Большинство рассмотренных терминов исконно русские по происхождению, процент иноязычных заимствований в этой лексической группе невелик (*батман*, *кобра*, *нъртега*). Время появления и период существования в языке различных терминов различны. Так, лексема *кадь*, появившаяся в русском языке в киевский период, дожила до наших дней; напротив, многие другие термины (*коробья*, *зобница*, *лукно*, *улка* и пр.) были утрачены в процессе развития русского языка. Дольше всего сохранялись, по-видимому, термины, имевшие наиболее широкое территориальное распространение. Следует особо подчеркнуть и то обстоятельство, что как в древности, так и в русских диалектах XIX—XX вв. одним и тем же термином обозначались меры различной вместимости.

---

[69] Л. В. Черепнин. Русская метрология, с. 28.

[70] А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. М., 1954, с. 53 (грамота № 50, XIV в.).

[71] Эти различия затрагивали, вероятно, всю русскую метрологическую терминологию вообще: «Можно было бы привести множество примеров, — пишет Ф. П. Филин, — показывающих чрезвычайный „разнобой“ терминов измерения по бесчисленным районам русской территории, обусловленный замкнутостью и самоограниченностью докапиталистического сельского населения» (Ф. П. Филин. К вопросу о происхождении понятий измерения. Термин *верста*. — В сб. «Акад. Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, с. 373).

В. Я. ДЕРЯГИН

Названия рукавиц в русском языке

Нужда рукавицу с варьгой сроднила.
В. И. Даль, «Толковый словарь».

Можно ли признать убедительными имеющиеся теперь этимологии такого известного в русском языке слова, как *варежки* (*вареги*)?

М. Фасмер, отвергая мнения Ильинского, сближавшего это слово с польск. wór ‘мешок’, и Калимы, связывавшего его с названием *вачега*, производит его от *варяг*: «первонач. ‘варяжская рукавица’»; «этимологически, очевидно, связано с *варяг*, также *варега* ‘вялый, пустой, беспутный человек’ вятск. (Даль)».[1] В «Этимологическом словаре русского языка» под ред. Н. М. Шанского находим: «**Варежка**. Собственно русское . . . Является уменьш.-ласк. формой от *варега* . . . Сущ. *варега* является, по-видимому, суффиксальным производным от *варъ* ‘защита’, образованного от глагола *варити* ‘защищать, сохранять, беречь, предупреждать’».[2]

Этимология, приведенная М. Фасмером, опирается на звуковое подобие слов, предположение о прямом семантическом переходе не выдерживает критики. Если снять кавычки с предполагаемого словосочетания «варяжские рукавицы» и в соответствии с теорией Я. Розвадовского [3] признать обязательным существование первоначального сложного наименования, то в словообразовательном отношении данная этимология также окажется сомнительной: однословное наименование (*вареги*, пусть даже из *варяги*) вряд ли могло бы сохранить полное звуковое, а главное морфемное тождество с исходным именем существительным (*ва-*

---

[1] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения О. Н. Трубачева, т. I. М., 1964.

[2] Этимологический словарь русского языка. Под руководством и редакцией Н. М. Шанского, т. I, вып. 3. М., 1968.

[3] J. Rozwadowski. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów. — Wybór pism, III. Warszawa, 1960.

ряги), пройдя в своем образовании этап атрибутивного словосочетания (*варяжские рукавицы*).

Составители Словаря под редакцией Н. М. Шанского предполагают суффиксальное образование от имени существительного *варъ*, однако оно не отмечено в указанном для него значении ни в памятниках письменности великорусского происхождения, ни в русских говорах. Если учесть то обстоятельство, что слово *вареги* (*варежки*) отсутствует в других славянских языках, в том числе в украинском и белорусском, то вряд ли здесь мы имеем дело со старым образованием. Кроме того, производные с этим корнем *вар-*, сохранившиеся в восточнославянских, да и в других славянских языках, по семантике настолько далеки от конкретного значения ʿзащищать', что в смысловом отношении весьма сомнительна возможность связать их со словом, имеющим предметно-бытовое значение: древнерусское и старославянское *варити* представлено в памятниках в значении ʿпредварять, предупреждать' или ʿидти впереди, обогнать кого-н., прийти перед кем-н., опередить кого-н.'; *варовати* — ʿсохранить, защитить'; *вароватися* ʿберечься, остерегаться' и т. п.[4]

Столь наглядный пример неясности этимологии слова, в сравнительно позднем образовании которого едва ли приходится сомневаться, лишний раз показывает нам недостатки самого метода «пословной» этимологии и убеждает в необходимости применить методику группового исследования лексики: «Групповой аспект заключает в себе подчас информацию первостепенной важности о происхождении того или иного слова, наиболее доступным образом подводит к его этимологии».[5]

* * *

Суровый климат северо-востока Европы, Урала и Сибири обусловил появление у русских довольно разнообразных видов «одежды на кисть руки», как в самых общих чертах определяет наш предмет 17-томный «Словарь современного русского литературного языка». Нам удалось собрать едва ли не две сотни различных названий рукавиц (около 70 корней) из диалектных словарей, словарных картотек, из материалов Атласа русских народных говоров,[6] из памятников деловой письменности XVI—XVIII вв.

---

[4] И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893; Slovnik jazyka staroslověnského, 4. Praha, 1961; П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 147—149.

[5] О. Н. Трубачев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 63.

[6] Далее АРНГ. Использованы материалы (ответы на вопрос № 240) Большого северного тома, границы которого указаны на наших картах. Примеры всюду даны в упрощенной транскрипции. Использованы также материалы картотек Словаря русских народных говоров Института русского

Преобладают, естественно, северновеликорусские, уральские и сибирские материалы. Подавляющее большинство названий — слова местного происхождения, они известны далеко не на всей территории русского языка; часть слов имеет довольно четкие изоглоссы в русских говорах. При всем разнообразии названий в образовании их использовано ограниченное количество принципов наименования, что обусловлено, конечно, единством назначения самого предмета. Отклонения от основных принципов связаны обязательно с особенностями в предмете, а по форме и по материалу различия в рукавицах наблюдаются значительные, некоторые различия существуют и в назначении рукавиц.

Используемое нами понятие «принцип наименования» ближе к «первоначальной внутренней форме», нежели к «значению слова». Такие неясные с точки зрения современного языкового сознания слова, как *ва́лешки*, *дельни́цы*, *дя́нки*, *ва́чеги*, могут служить в разных говорах обозначениями различных видов рукавиц. Например, все перечисленные слова записаны в значениях ʻвязаные рукавицы' и ʻсшитые из ткани рукавицы', а *ва́чеги* еще и ʻмеховые рукавицы', *ва́чеги* и *дельни́цы* — ʻкожаные рукавицы' и т. д.

Рассмотрим собранные нами названия, сгруппировав материал по использованным в тех или иных случаях принципам наименования (или признакам, положенным в основу названий).

Унаследовано русским языком от праславянской эпохи едва ли не одно слово — *рукавицы*. Ср. ст.-сл. *рѫкавица*, болг. *ръкавица* ʻрукавица, перчатка'; сербскохорв. *рукàвица*; словац. rukavica; словен. rokavica; чеш. rukavice; польск. rękawica — то же. Принцип наименования в праславянском для единственного названия рукавиц прекрасно отражен в противопоставлении слов *rǫkavicy ʻодежда на руки' — *nogavicy ʻодежда на ноги'. У И. И. Срезневского *ногавицы* — ʻнижнее платье, штаны': Начашѧ пристроати собѣ кошюли а не срачици, и межиножіе показывати, и кротополіе носити, и ꙗки гворъ в ногавици створше, образъ килы имоуще, и не стыдашесѧ ⷢиноу, аки скомраси (Переясл. л. 3); — ʻголенища, наголенники': Двои наколѣнки . . . съ нагавицы, камка Венедитцкая червчата (Оп. им. ц. Ив. Вас., 1582—1583). Ср. также: белор. *нагавицы* ʻштаны'; сербскохорв. *нòгавица* ʻштанина'; словац. nohavice ʻштаны, брюки'; словен. nogavica ʻчулок, носок'; чеш. nohavice ʻштанина', мн. ʻштаны, брюки'; польск. nogawica ʻштанина'.

О распространенности названия *ногавицы* в русском языке можно судить по многочисленным примерам из памятников деловой письменности северновеликорусского происхождения. Так,

---

языка АН СССР (далее КСРНГ), Псковского областного словаря ЛГУ (КПОС), Словаря русских говоров Карелии и смежных областей ЛГУ (КСРГК), Словаря русских говоров Среднего Урала Уральского гос. университета (КСРГСУ).

в документах Важского монастыря находим: Дал Васил(ь)ю двиненину нагавици да онучи новые (Платяная кн., 1604); [7] Купил ногавици белы дал восмь денег (Прих.-расх. кн., 1595); [8] в документах Сийского монастыря: Зипун новои купил серои с пугвици да ногавицы серые новые да чюлки суконные белые (Кн. расходов, 1605); [9] Дал домашному ногавицы зеленыи лѣтшинныи да подошвы под сапоги да ступни (Платяная кн., 1628—1629); [10] в документах Соловецкого монастыря: Ему ж Давыду дѣлалъ ногавицы сукно аглинское меншая земля цена рубль (Прих.-расх. кн., 1639).[11]

Слово *рукавица* зарегистрировано в одном из древнейших русских деловых памятников, по И. И. Срезневскому: **рукавица** — ‘перчатка’: Тиоуноу на Вълъцѣ дати роукавицѣ, аж бы товаръ пьревьзлъ без дѣржания (Смол. гр., 1229); Роукавицѣ пьрстаты Готьские (т. ж., 2-й сп.). У В. И. Даля: «**Рукави́ца, -ви́чка,** кулачная перчатка с одним только напалком для большого пальца». Слово известно в литературном языке, повсеместно распространено в великорусских крестьянских говорах. Не всегда оно является родовым названием, часто диалектологи отмечают его в качестве названия одного из видов рукавиц. Обычные примеры записи названий рукавиц: «*визя́нки* — вязаные из шерсти, *апшы́фки* — из материи, *рукави́цы* — из кожи» (Антушино Лесн. Калин.); «*везя́нки* — вязаные с одним пальцем, *надеву́шки* — из холста с одним пальцем, *рукови́цы* — кожаные» (Заболотье Лесн. Калин., АРНГ).

Кроме фонетического варианта *рукави́сы* (например, в ряде районов Свердловской обл., КСРГСУ) в говорах распространено название *руква́вки*. У В. И. Даля: «**Рукавки**, то же что рукавички, особ. для носки сокола, ловчей птицы; || *арх.* долгие женские перчатки». В общем значении ‘рукавицы’ отмечено в Холм. Грандилевским, в Волог. Иваницким, то же в Медян. Киров.; в значении ‘кожаные рукавицы’ — в ряде уездов Вологодской губ. отмечено Дилакторским; в значении ‘женские меховые рукавицы’, Пин. — в словаре Подвысоцкого, по другим записям — также в Шенк. и Арх. уездах (КСРНГ). По данным АРНГ известно в ряде районов Вологодской, Кировской, Костромской областей. Имеется пример, записанный в Пянтино Онеж. Арх.: А вачу́ги ис сукна́ либо ис шу́бново рукава́ — руква́фки (КСРГК).

---

[7] Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. 829, оп. 2, № 3, л. 7. В статье в упрощенной орфографии приведены в основном примеры из рукописей, не опубликованных и не представленных в Картотеке Древнерусского словаря.

[8] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 3, л. 6.

[9] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 3.

[10] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 4.

[11] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1201, оп. 1, № 38, л. 3.

Здесь пояснение к слову *рука́вки* можно толковать либо как случай народной этимологии, если *рука́вки* от *рукави́цы*, либо как действительное указание на иной принцип наименования — ‘сшитые из шубного рукава’, в таком случае название образовано из свернутого атрибутивного словосочетания, в соответствии с общим правилом (см. ниже).

В приходо-расходной книге Важского монастыря (1595) находим также форму *рукави*: Да рукави купил ровдуж(ь)и дал 5 де.[12] Трудно предполагать в этой редкой форме исходную для *рукавки*, скорее наоборот: *рукави* ‘восстановлено’ из *рукавки* или непосредственно из *рукавицы*.

С полным основанием можно утверждать, что все названия, кроме самого слова *рукавицы* и рассмотренных выше производных, образованы из свернутых атрибутивных сочетаний. Первое свидетельство тому — древнейший пример «роукавицѣ пьрстаты» из Смоленской грамоты. Можно восстановить путь звукового развития формы *перчатки* из *перстатые рукавицы*. В говорах мы находим формы с разнообразными суффиксами: *перстаницы* (Д. Аверкиев. Вечу не быть), *перстёнки* (Свердл.), *перстя́нки* (Вельск., Котлас., Лешук., Вилегод., Устьян. Арх.; по старым записям — Шенк. и Арх. уезды; Верховаж. Волог.; Волог., Грязов., Кадн., Вель., Тотем., Великоуст., Никол. Волог.; Шадр., Ирбит. Перм.; то же в говорах вят., сиб.-иркут. и якут.), *перстя́ночки* (Печорские былины в записях Ончукова; Тотем. Волог.), *перстя́тки* (Двина и Пинега, Печора, Сибирь и Урал), *персча́нки* (Холм., Пин., Подвысоцкий; Колым., Богораз), *персча́тки* (Арх., Пск., Перм.), *перся́тки* (Волог.) — КСРНГ. Видимо, часть этих примеров показывает произношение слова, заимствованного в говоры из литературного языка: сами перчатки в деревенском быту, особенно в севернорусских областях, распространены мало.

Форма *перстянки* упоминается в таможенной книге Свирского монастыря (Картотека ДРС).

От слова *палец* находим производное *напа́лок* (уменьш. *напа́лочек*) в значении ‘большой палец рукавицы, связанный или сшитый отдельно’ или ‘палец перчатки’ (редко) — Арх., Волог., Яросл., Моск., Сарат., Вят., Перм., Урал., Заурал., Новосиб., Тобол. (КСРНГ). В. И. Даль, как мы видели выше, свободно употребляет это слово в толковании к слову *рукавица*. В названиях самих рукавиц слово *палец*, в отличие от *перст*, не использовано, если не считать редкого названия *однопа́лки* ‘рукавицы с отдельным указательным пальцем’ (Верховье Нюксен. Волог., АРНГ).

От слова *долонь* (*ладонь*) образовано название особого вида рабочих рукавиц с кожаной нашивкой на ладони: *надоло́нки* —

[12] ГААО, ф. 829. оп. 3, № 3, л. 2.

Яросл., Перм., в Карелии. Но чаще словом *надоло́нка* и *надоло́нок* (записано преимущественно в форме мн. ч. — *надоло́нки*) обозначается сама эта кожаная нашивка (иногда собиратели отмечают значение ‘заплата на рукавицу’) — Арх., Волог., Перм., Твер.; Волог. и Твер. то же — *надоло́нник*, *надоло́нье*; Пск., Костром., Твер., Свердл. то же — *наладо́нка*, *наладо́нки* (?), *наладо́нье* (КСРНГ).

Форму *надолонки* в этом последнем значении находим и в памятниках XVI и XVII вв.: Да на заплаты и на перѣды изрезал и рукавицам надолонки семѣры полы (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598); [13] И в починку рукавицъ і в надолонки і во всякие мѣлкие издершки издержано 23 ворота (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687).[14] Ср. в памятниках Южного Зауралья: Прибывшему Соликамской Вознесенского мнстря игумену Филарету [выданы] рукавицы сукна яренгова зеленые с надолонки ровдуж(ь)и (1727); Иеромонаху Варламу [выдано] на рукавицы сукна черного с надолонки дубленными (1728).[15]

Отмечен глагол *надоло́нить—надола́нивать* ‘сделать нашивку, наложить заплату на ладонь рукавицы’ — Смол., Твер., Волог., Яросл.; *наладо́нить* то же — Пск., Твер. (КСРНГ).

Бесприставочное образование *доло́нька* ‘рукавица’ — Приозер. Арх.; глагол *доло́нить* ‘нашивать лоскут на ладонь, чинить рукавицу’ — Твер. (КСРНГ).

Редкое название — *накула́шники* (знач.? Тевигино Бабушкин. Волог., АРНГ). Можно упомянуть здесь также *наки́сьники* ‘вязаные нарукавники, надеваемые выше рукавиц’, отмеченное в нескольких пунктах Вологодской обл. (АРНГ).

Этим ограничивается круг интересующих нас слов, в образовании которых использованы названия руки и ее частей.

* * *

Давняя традиция на русском Севере — ношение двух пар рукавиц. Нижние обычно связаны из шерсти или сшиты из мягкой шкуры мехом внутрь, верхние — сшиты из кожи самой разнообразной выделки, из сукна или сурового полотна. На значительной части севернорусской территории распространены соответствующие родовые обозначения: *ве́рхницы*, *верхо́нки*, *верхо́ньки*, *верхохо́ны* и *испо́дки*. Как правило, эти названия диалектологи записывают с конкретными значениями (как видовые), например:

---

[13] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 30 об.

[14] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, л. 14.

[15] Н. Н. Б р а ж н и к о в а. Исследование в области лексики Южного Зауралья по данным деловой письменности конца XVII и XVIII в. Канд. дисс. М., 1971. В работе использованы неопубликованные рукописи Шадринского архива.

«**Верхóнка** *ж.* **верхóньки**... *Арх. сиб.* голицы, верхние кожаные рукавицы, в которые вкладываются варежки, испóдки» (Даль); «**Верхóнки** и **верхóньки**... 1. Рукавицы, надеваемые поверх варежек (обычно кожаные). □ В е р х ó н к и. Нерч. Забайк., 1836. Иркут., Якут., Енис., Приангар. *Покупали верхóнки кожаны. Верхóнки делают из кожи, под них надевают рукавички. Верхонки — тоже рукавицы, сверху одевают.* Том. *Верхóнки надо нашить. Раньше с холста, теперь с материи и потоньше, и потолще, поядреней.* Мариин. Кемер. Алт., Тобол. „Рукавицы из лосиной кожи. В Сибири во время сильнейших морозов надевают две пары рукавиц: верхние называют верхóнки, нижние — исподки". Сиб., Ильин. Арх. □ В е р х ó н ь к и. Шенк. Арх., 1846 ... Олон., Иркут.»; «**Вéрхницы** ... Матерчатые рукавицы. Краснобор. Арх., Меркурьев, 1957»; «**Верхохóны**... Кожаные рукавицы [?]. *Бурлаки сертуки носят модные. Верхохоны-то грязные, верхохоны-то в артели. Все артели-то проели.* Мезен. Арх., Соболевский, 1902 [с вопросом]» (СРНГ, вып. 4); «Руковúци верхóньки ис кóжи шы́ли» (Поташевка Шенк. Арх., 1957); «Обошью́т вя́заные рукавúци, верхóнки и зову́т» (Лиходеево Вель. Арх., 1964).[16]

«**Испóдка** ... *Арх. сиб.* варежка, вкладываемая в голицу» (Даль); «*Испóдка* ... рукавица, вязанная одной иглой» (Яр. Волог. 1883—1889); «*Испóдка* — варьга, из шерсти связанная рукавица» (Перм. Осин. 1896, СРНГ); «**Испóдка**... шерстяная рукавица, вкладываемая в голицу; варега. Арханг. Мез. Шенк. Иркут. Перм. Верхот. Псков. Великолуц. Том.» (Опыт); *вы́сподки* (Усть-Нименьга Нянд. Арх., АРНГ).

Наблюдения над распространением описываемых названий показывают, что совсем не обязательно в одном и том же говоре употребляются оба названия; территория распространения слова *исподки* значительно шире территории, на которой известны названия *верхницы* и др. (см. рис. 1 и 2).

В памятниках письменности отмечены названия:

верхи: і всего в роздачи і в продажи верхов 163 верхи осталось от росходов во 196 год. голицъ верхов дубленых на число 243-и верхи да дубленых рукавицъ верхов урѣсчатых 300 принято (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687); [17]

верхницы: Да купил рукавицы верхницы десетеры (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598);[18] Трои рукавицы верхници (Отводная, 1622);[19] Купил я старец Варламеи себѣ рукавицы верхницы барановые новые и с ысподками (Прих.-расх. кн. Сий-

[16] Записи автора.
[17] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, лл. 8, 8 об.
[18] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 14 об.
[19] ГААО, ф. 792 (Каргопольского монастыря), оп. 1, № 52.

ского монастыря, 1638—1639);[20] Куплено верхниц рукавиц 31 (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1614—1617);[21] то же в документах XVII в. из фондов Николо-Корельского,[22] Михайло-Архангельского,[23] Пертоминского[24] монастырей; по данным Картотеки ДРС, эта форма отмечена также в памятниках XVI—XVII вв. Волоколамского, Кирилловского, Онежского Крестного монастырей, в документах из Холмогорского, Велико-Устюжского уездов, в Якутских актах;

верхонки (верхоньки): [25] Дал сапоги и онучи и верхоньки рукавицы новое все (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598);[26] Дал Івану Кудри рукавицы верхонки дубленыи и с исподками новыи (Платяная кн. Сийского монастыря, 1628—1629);[27] Куплено у вологжанина у Серги 17-ры рукавицы верхонки (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1614—1617);[28] Ему же рукавицы верхонки (Платяная кн. Михайло-Архангельского монастыря, 1695);[29] по данным Картотеки ДРС, то же в рукописях XVI—XVII вв. Онежского Крестного, Николо-Корельского и Свирского монастырей; слова *верхницы* и *верхонки* отмечены в памятниках Южного Зауралья XVII—XVIII вв.;

исподки: Дал Івану Ледину рукавицы новыи без исподок (Расх. оп. Важского монастыря, XVII в.);[30] Пятеры рукавици верхници с ысподками да трои исподки (Оп. имущества Каргопольского монастыря, ок. 1630);[31] Куплено в портную казну . . . сорок пятеры рукавицы исподки по осми денегъ (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1644);[32] Трои исподки вязаные (Переписные кн. Сюземской службы Сийского монастыря, 1651);[33] то же в документах XVII в. из фондов Пертоминского, Николо-Корельского, Михайло-Архангельского монастырей; по данным картотеки ДРС — во многих пермских, велико-устюжских и других памятниках XVII в. северновеликорусского происхождения (см. также в данной статье примеры к другим названиям);

---

[20] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 9, л. 33.
[21] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 106.
[22] ГААО, ф. 191, оп. 3, № 54 — Роспись покупкам, 1661.
[23] Библиотека ГААО — Платяная кн., 1595—1596.
[24] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 41 — Кн. казенных товаров, 1686—1687; № 48 (1) — Отпись, 1687.
[25] В большинстве случаев установить произношение слова невозможно, так как твердый звук *н* и мягкий *н'* перед следующим согласным обозначаются в скорописи выносной буквой.
[26] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 24 об.
[27] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 4.
[28] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 15, л. 116.
[29] Библиотека ГААО.
[30] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 969.
[31] ГААО, ф. 792, оп. 1, № 168.
[32] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 45, л. 26 об.
[33] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17, л. 4.

исподы, исподницы (редкие формы): Он же взял . . . рукавицы і с исподами цѣна 4 ал (Кн. казенных товаров Пертоминского монастыря, 1686—1687);[34] Рукавицы барановые съ исподницы съ вареги.[35]

* * *

Значительное число видовых названий образовано от слов, обозначающих материал, использованный для изготовления рукавиц. Следует учитывать при этом, что порою и весьма прозрачной внутренней форме слова может не соответствовать современное его «дальнейшее значение», по терминологии А. А. Потебни:[36] часто одно и то же название применяется в говорах по отношению к рукавицам, изготовляемым из различного материала. Преимущественное использование выделанной шкуры животных, различных тканей и шерсти для изготовления рукавиц можно проследить в приведенном ниже перечне наименований. Некоторая часть названий сохраняет форму атрибутивного словосочетания, часть встречается как в виде одного слова-названия, так и в виде исходного словосочѐтания.

Баранковые, барановые, барановые рукавицы: Баранковые рукавицы — рукавицы из бараньей кожи, боящиеся воды. Пск., Кузнецов, 1912—1914 (СРНГ, вып. 2, см. также: вып. 4, стр. 49, ст. *Ва́реги*).

В памятниках: Осталос барановых верхов: Голиц барановых верховъ принято 54-ры верхи (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687);[37] Рукавицы верхницы барановые (Прих.-расх. кн. Сийского монастыря, 1638—1639).[38] «Рукавицы боран(ь)и», рукавицы и голицы «барановые» отмечены также в памятниках конца XVII—начала XVIII в. южновеликорусского происхождения.[39]

Бухáрки — '[рукавицы] из овчины' (Козиха Спиров. Калин., АРНГ). Связано с названием *бухарская овца (овчина?)*.

Авачу́ги, ва́чаги, ва́чеги, ва́чёги, ва́чи́ги, вачо́ги, ва́чуги, ви́чеги, вя́чиги. «**Авачу́га.** Суконная или шерстяная рукавица, используемая при рыбной ловле. *Авачуги — рукавицы, в которых тянут ярус.* Мурман., Маноцков. Арх., Ефименко, 1867—1868; Подвысоцкий, 1885»; «**Ва́чаги** . . . Рукавицы. Солигал. Костром., 1847. ♦

---

[34] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 41, л. 7.

[35] Русская историческая библиотека, т. 14. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1894, стлб. 777.

[36] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. I—II. М., 1958, стр. 19—20.

[37] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, лл. 7 об. —8, 8 об.

[38] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 9, л. 33.

[39] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 182—183.

Суконные рукавицы, обшитые кожей. Енот. Астрах., 1856. ♦ Холщовые рукавицы. Крестец. Новг., 1902»; «1. **Ва́чеги**... Рукавицы. Арх., Волог., Вят., Перм., Даль. *Попадается ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги висят.* Арх., Афанасьев. Олон., Новг., Урал., Барнаул. ♦ Длинные рукавицы. Волог., 1823. ♦ Рабочие рукавицы. Холмог. Арх., 1907. Арх., Северное Приуралье. ♦ Рабочие рукавицы, обшитые по ладони кожей. Шенк. Арх., 1846. „Рукавицы с нашитой на них кожей на ладони. Шьют из домашнего грубого сукна". Арх. Томилов, 1929. Сев.-Двин., Новг., Волог., Перм. *На запасе были кожаные вачеги* [рукавицы, подшитые кожей], *что значительно облегчало работу; веревки не резали рук.* Мамин-Сибиряк, Уральские рассказы. Ср. Урал. *Ты вачеги возьми, — дрова рубить. Вачеги-то для работы из холста, иногда кожа нашивается. Вачеги те починки требуют.* Свердл. ♦ Рукавицы, обшитые сверху кожей (не по ладони). „Рукавицы, у которых иногда сукно на ладони, а сверху кожа". Арх., Кузмищев, 1847. „На Выгозере ва́чеги делают так: палец и ладонь вяжутся из овечьей шерсти, а спинка обшивается сукном или кожей". Выгозеро, Олон., Куликовский; 1885—1898. ♦ Кожаные рукавицы. Сиб., 1854. Слобод. Вят., Печор., Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин., Арх. ♦ Суконные или вязанные из шерсти рукавицы. Арх., 1847. „Вачеги . . . — рукавицы, сшитые из серого крестьянского сукна; из черного сукна или другого како́го цвета не шьются". Арх., Комповский. *Только надо сиротиночке . . . сермягу серую да рукавицы-ва́чеги. Не видала ли, куды я вачеги засунула?* Волог. Вят., Перм., Печор. ♦ Суконные рукавицы. „Вачеги — суконные рукавицы у рыболовов". Волхов. Новг., Смол., Ходаковский, 1820. Олон. *Ва́чеги из сукна шили сами.* Новолад. Ленингр., Яросл. ♦ Холщовые рукавицы. Перм., 1930. *Ва́чеги точивные. Ва́чеги на деленки надевали.* Кириш. Ленингр. ♦ Рукавицы, надеваемые поверх шерстяных рукавиц или перчаток. Онеж. КАССР, 1940. Арх. ♦ Починенные рукавицы. Олон., 1896»; «**Ва́чиги и вачи́ги**... Рукавицы. □ В а ч и́ г и. Арх., Волог., Вят., Перм. [?]. Даль. ♦ В а ч и́ г и. Вязаные шерстяные или суконные рукавицы, обшитые сверху кожей или холстом. □ В а́ ч и г и. Волог., 1852. Вознес. Ленингр. □ В а ч и́ г и. Арх., Волог., Вят., Перм. [?], Даль. ♦ В а́ ч и г и. Починенные рукавицы. Волог., 1846. *Рваны да кропаны — то вачиги.* Онеж. Арх.»; «**Вачо́ги**... Суконные или вязанные из шерсти рукавицы, обшитые с верхней стороны кожей. Тихв. Новг., 1852. *Не видали ли, куда я вачоги засунула?* Волог.»; «**Ва́чуги**... Рукавицы. Арх. 1847. Олон. ♦ Суконные или вязаные из шерсти рукавицы. Арх. 1847. „В Пинежском уезде шерстяные рукавицы называются также мохнушки (мохнушка), а в Мезенском — ва́чуги (ва́чуга)". Арх., Подвысоцкий, 1885. Олон. *Ловцы засунули руки в шерстяные вачуги.* Астрах. ♦ Холщовые рукавицы. Новг., Тихв. Новг., 1911 ♦ Суконные или шерстяные рука-

вицы, обшитые сверху кожей. Мезен. Арх., 1852. „Также употребляемые морскими промышленниками шерстяные, обшитые с верхней стороны кожей рукавицы". Арх., Подвысоцкий, 1885 [с примеч. «повсеместно»]. ♦ Рукавицы, у которых сукно на ладони, а сверху кожа. Арх., 1847. ♦ Рабочие рукавицы из парусины, надеваемые поверх варежек. *У меня ва́чуг и не было.* Новолад. Ленингр., 1955» (СРНГ, вып. 1, 4); «*Ва́чега* — рукавица для работы, которая надевается поверх другой. *А вот я вам покажу испо́тку, а ва́цига надива́ицця наве́рх*» (Лекшмозеро, Карг. Арх., КСРГК); «Ва́цёги но́сят: ко́жой обшиты доло́нки-те, портяны́е са́ми-те» (Лиходеево Вель. Арх.) [40] (см. рис. 1).[41]

В памятниках: Дал Пятку Черемному как пошел на удбу шубу новую болшую да зибун новои да онучи новые да на вачеги сукна дал (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598); [42] Взял игумен Парѳенеі вачеги черные а сшито в них лоскут сукна (Выписка из кн. Важского монастыря, 1678); [43] Дал Левкѣю старцу сапоги белыи новыи голѣнища нерпѣч(ь)и да кукол новои чернои да вачеги новыи; Дал старцу Каривону ‹. . .› вачеги новыи да сапоги новыи красныи (Платяная кн. Сийского монастыря, 1628—1629); [44] Да сошиты 22 чюлки и 8 пукши и 12-ры вачеги (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687); [45] по данным Картотеки ДРС, слово *вачеги* отмечено в прих.-расх. кн. Онежского монастыря, 1661, в «Деле о патриархе Никоне» (Кирилло-Белозерский монастырь, 1676).

Обыкновенно это слово относят к заимствованиям из саам. va'tts, vā'ttsa 'рукавица' (Фасмер, т. I — со ссылкой на Итконена и Калиму). Возможна связь с этим словом диалектных: «**Вач** . . . Слово, которым подзывают овец. *Вач-вач, айдати в сарай, айдати.* Урал., 1964»; «**Вача́жный**... В а ч а́ ж н ы й о л е н ь. Передовой олень в стаде, вожак. Даль [без указ. места]. Мезен. Арх., 1885»; «**Ва́чегать**... Пасти оленей. Арх. [?], Даль. Мезен. Арх., 1885»; «**Ва́читься**... „Доходить шерстью" (о белке). Даль [без указ. места]. Мезен. Арх., 1885»; «**Ва́чуга**... Стоянка в пути для ездовых оленей. Арх., Даль. Север»; «**Ва́чужить**... Быть вожаком, передовым в стаде, вести стадо оленей (об олене). Арх., Даль. Север.»; «**Вачу́жка**... Овца. Скоп. Ряз., 1892. Ряз.»; «**Ва́чужник** и **вачу́жник**... Передовой олень в стаде, вожак . . . Арх., Даль . . . Мезен. Арх., 1885»; «**Вачу́жня**... 1. Стадо оленей

[40] Записи автора.

[41] Карты на рис. 1 и 2 составлены по материалам «Атласа русских народных говоров» (Большой северный том); для территории Архангельской области карты составлены Л. П. Комягиной; при составлении карт автор частично использовал также Картотеку Словаря русских говоров Карелии и смежных территорий (ЛГУ). Старые записи при составлении карт не учитывались.

[42] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 22.

[43] ГААО, ф. 829, оп. 1, № 720.

[44] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 4.

[45] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, л. 4 об.

(близ чума, шалаша у самоедов). Арх., Даль. 2. Самоедская юрта. Мезен. Арх., 1885» (СРНГ, вып. 4).

В семантике здесь и далее, в других названиях, обращает на себя внимание параллелизм обозначений рукавиц и некоторых видов обуви. Например: «**Вача́ги**... Валенки. Верхотур. Перм., 1899»; «2. **Ва́чуги**... (Плетеная из пеньки) обувь до икр, с завязками. Стариц. Твер., 1911» (СРНГ, вып. 4).

Га́ли́цы, гали́чки; галя́нки, галя́ночки; го́ли́цы, голи́чки; го́лки́; голу́шки; голыши́, голы́шки; голя́нки, голя́ночки; голя́хи, голя́чки. «**Га́лицы** и **гали́цы**... Рукавицы. □ Га́лицы. Курск., 1848. Енис. □ Галы́цы. Орл., 1850. Курск., Пенз. *Поеду я к торгу, куплю рукавицы, рукавицы гали́цы, гали́цы мои.* Калуж., Дон., Нижегор., Урал. □ Галицы (удар?). Ряз., 1820. „На руках всегда и во всякое время барановые галицы, в зимнее время с варегами, а в летнее без оных". Ряз., Ловцов. Тамб., Ворон., Тул. ♦ Кожаные рукавицы. □ Га́лицы. *Подай, братень, мои га́лицы. Надобить купить себе га́лицы, а то енти плохи, дыровиты стали.* Орл., Сполохов. □ Галы́цы. Мцен. Орл., 1947—1953. *Галицы овчинные.* Б.-Глушк. Куйбыш. □ Галы́цы. Кожаные рукавицы без меха внутри. Н.-Ломов. Пенз., 1912. ♦ Галы́цы. Рукавицы из кожи особой выделки. Ряз. Ряз., 1902. ♦ Галицы [удар.?]. Кожаные перчатки или рукавицы. Новооск. Курск. 1852»; «**Голи́цы** и **го́лицы**... 1. Кожаные рукавицы (обычно без подкладки и меха). Волог., 1822. „Рукавицы: нитянки, голицы кожаные и шубницы овчинные, поддетые холстом". Волог., Воронов, 1858. Новг., Перм., Курск., Орл. □ Голы́цы. Слов. Акад. 1847. Вят., 1847. □ Голы́цы. „Кожаные голые рукавицы. Они шьются из кониной кожи для работ. Зимою рукавицы надеваются на варежки. Голицы шьются с одним большим пальцем. Их не надо смешивать собственно с рукавицами и рукавичками, которые шьются из мягкого опойка, из замши и щеголеватее; почему и надеваются по праздникам". Вят., Васнецов. *Голи́цы есь, колды надо накладывай.* Киров. *Поедешь в лес, надень голи́цы. Пора надевать голи́цы. Первый спас (1 августа по старому календарю) — припасай рукавицы про запас.* Костром., Яросл., Влад., Твер., Пенз. *У меня, брат, из кожи хоть голи́цы шей.* Сарат. *Хочешь золота или серебра — бери сколько хочется ... в голицу-то насыпай! ... От онуч-то веревки отвяжи да и перевяжи рукавицу-то.* Самар., Садовников. Куйбыш., Урал. *Голи́цы сделаны из кожи. В однех голи́цах пошел, дак руки заколели.* Том. Краснояр. □ Голицы [удар.?]. Тул., 1820. Ряз. „Голицы (рукавицы) белые и черные кожаные". Казан., Селиверстов. Ворон., Дон., Нижегор., Влад., Вят., Яросл. ♦ Голицы́. Кожаные рукавицы по локоть. Бурнашев [без указ. места]. || Голы́цы. Меховые рукавицы. Шуйск. Влад., 1850. „На руках — голицы с варежками простые и замошивые, дубленые с шерстью". Пенз., Кроткова. Г. Нукус Кара-Калпак. АССР. || Голы́цы.

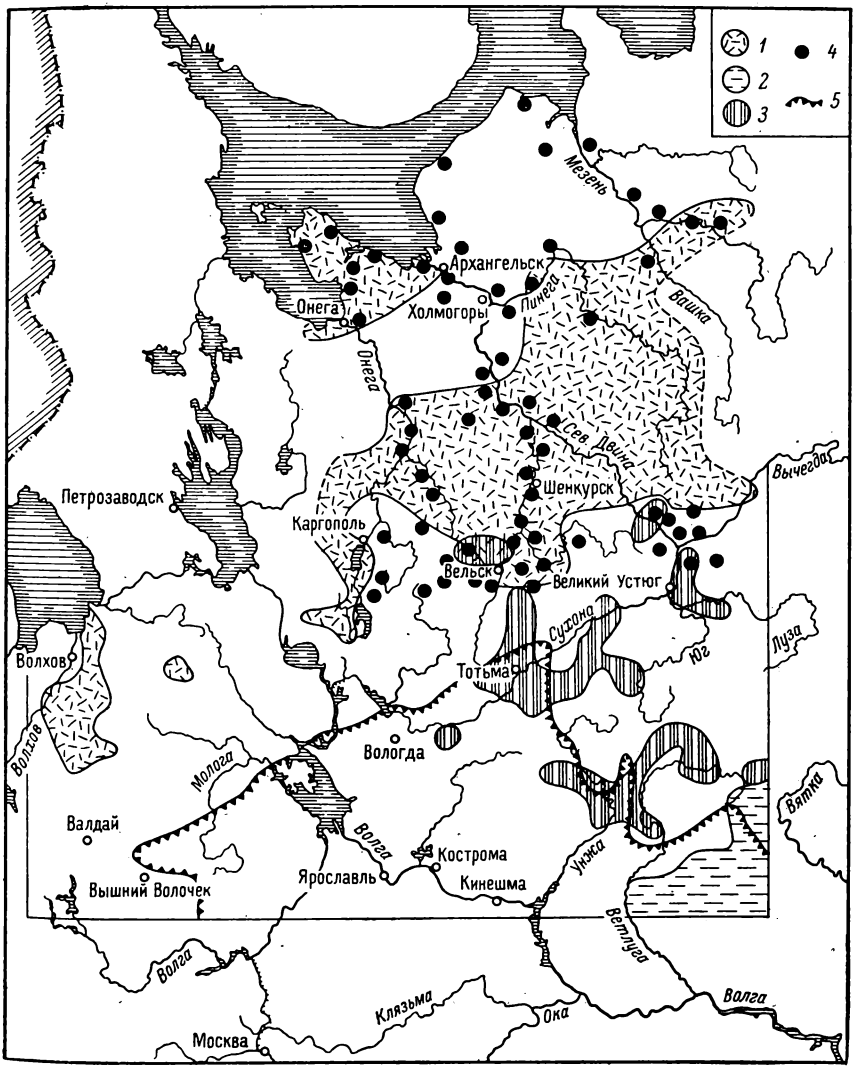

Рис. 1. *1 — вáчеги* и др.; *2 — падерёшки* и др.; *3 — портяницы* и др.; *4 — верхницы* и др.; *5 — голицы и др.*

Рабочие рукавицы из прочной грубой ткани без подкладки. *На голи́цах они ничё зарабатывают.* Красноуфим. Свердл., 1964. ♦ Г о л и́ ц ы. Брезентовые рукавицы. Алекс. Куйбыш., 1945—1964. ♦ Г о л и́ ц ы. Не обшитые холстом рукавицы. Сев.-Двин., 1928. ♦ Г о л и ц ы [удар.?]. „Холодные рукавицы". Ставроп. Самар., Модестов. Архив АН. ♦ Рукавицы [какие?]. □ Г о л и́ ц ы. Влад., 1820. Казан., Заволжье, Междуреч. Волог., Тамб., Орл., Дон. „*Что, соседка, делаешь?*" „*Да деду голи́цы шью, вчера в лес ездил и потерял свои*". Минус. Енис. □ Г о л и ц ы [удар.?]. *Мне взять-то (золото) не во что. Да вот в голицу-то посыпай.* Симб., 1884. Самар., Сарат., Павл. Ворон., Ряз. *Голицы и летом в поле годятся, варежки с одним пальцем, и зимой носят.* Пенз., Яросл., Красноуфим. Перм.»; «**Голи́чки**... 1. Рукавички. Слов. Акад. 1847. *У нас на ручках голички, и ручки зябут.* Белозер. Новг., 1898. Дергач. Сарат. *Голицы надеваются на варежки, а голи́чки прямо на руку, это вроде праздничного.* Урал. 2. Медицинские перчатки. *Бывало итрывали руки, ноги* (ребенка при родах). *Говорят, она (*роженица*) померла, руку клали ей, а счас ведь в голи́чках, раньше от родов много ведь помирало.* Урал., 1959»; «**Го́лки**... 1. Кожаные рукавицы. Нолин. Вят., 1877. *В лес бери го́лки, поедешь . . .* 2. Рабочие рукавицы из прочной грубой ткани без подкладки. Лысьвен. Перм., 1964. „У всех восточнославянских народов употреблялись рукавицы, или вареги, варежки, с одним пальцем, вязаные, кожаные, матерчатые (иначе — *рукавки, верхоньки, кожанки, шубницы, дельницы, делёнки, мохнатки, го́лки, вачуги*)". Маслова, Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX—начале XX в.»; «**Голя́нка**... 1. Рукавица. ♦ Кожаная рукавица. Новоржев. Пск., 1957 ♦ Холщевая рукавица. „Холщевые варежки надеваются обыкновенно поверх дянок". Старор. Новг., Порх. Пск., Лихтенштадт. *Пахали в голянках раньше.* Славк. Пск., 1957. ♦ Г о л я́ н к и, мн. „Рукавицы без вязанок". Осташк. Твер., Карпов, 1855. ♦ „Рукавицы с прорешкой на ладони для пропуска пальцев". Сиб., Даль» (СРНГ, вып. 6); *Голя́нка, голя́ха, голя́шка, голя́чка.* 1. Рукавица из холста с одним пальцем, надеваемая во время работы. 2. Кожаная рукавица (КПОС) (см. рис. 1).

В памятниках: Купил ‹. . .› дватцатеры рукавицы голицы по пол 10 де (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1644); [46] Куплены трои рукавицы голицы да пятеры вареги (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1670); [47] Приход голицъ рукавицъ от прошлого от 194-г года осталось от росходу рукавиц голицъ верховъ урѣсчатых на число 216-ры рукавицы (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687); [48] то же в переписных

[46] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 45, л. 29.
[47] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 3, № 24, л. 28 об.
[48] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, л. 7 об.

книгах Сюземской службы Сийского монастыря, 1651; [49] слово это известно в других северновеликорусских памятниках, в документах из Звенигородского и Рязанского уездов XVII в. (Картотека ДРС), в курских и других памятниках южновеликорусского происхождения,[50] в памятниках из Южного Зауралья XVIII в.

Связь этих названий с корнем *гол-* (*голый*) не вызывает сомнений, если обратить внимание на следующие диалектные материалы: «**Го́лый** . . . 3. Г о́ л ы й т у л у п. Нагольный, не покрытый материей тулуп. *Голые были тулупы и крытые были, которые сверху материей обшивали.* Ордын. Новосиб., 1965. 4. Кожаный (об обуви). Куйбыш., 1939—1955. Поим. Пенз. *Окроме лаптей и валенок другой обуви мы не носили, а теперь и в городах и в деревнях наболе голая обувка и зимой. Бывало, голую обувку только господа носили, а нынче не только все носят, а даже и маленьким робятишкам покупают.* Петров. Сарат.»; «3. **Голь** . . . Замша. Сиб., 1843» (СРНГ, вып. 6).

Дублёные рукавицы, дублёни́цы, дубля́нки. «**Дублёницы** . . . продубленые рукавицы» (Даль); «**Дублёницы** — кожаные рукавицы. Костр. Чухлом.» (Опыт); по современным записям известно в Костр. обл.: *дублёницы* (АРНГ); «**Дубля́нка** . . . Рукавица из дубленой кожи. — Дубля́нки, голи́цы, лохмашки носили».[51]

В памятниках: Да купили рукавиц дубленных дватцетеры дали 22 ал (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598); [52] На Красную гору ко старцу Пахому для работных людеи отдано 18-ры верхи дубленные (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687); [53] Дал Івану Кудри рукавицы верхонки дубленыи и с ысподками новыи (Платяная кн. Сийского монастыря, 1628—1629); [54] Куплены трои рукавицы дубленицы (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1670).[55] Названия *дубленные рукавицы* и *дубленницы* отмечены в документах из Южного Зауралья.

Замшанки [удар.?]. «*На руках замшанки — овчинные рукавицы — или ва́ряги* (вязанные из шерсти). Царев. Казан.» (СРНГ, вып. 4, стр. 64, ст. *ва́ряги*). Название связано со словом *замша*.

Ко́жа́нки, ко́жанцы. «**Ко́жанки** — верхние кожаные рукавицы, надеваемые на вареги. *Перм. Ирбит. Тобол.*» (Опыт). В том же значении *ко́жа́нки* — Перм. (1856), Новг. (1857), Вят. (1892),

---

[49] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 17, л. 4.
[50] С. И. К о т к о в. Очерки по лексике. . ., стр. 183.
[51] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1. Томск, 1964.
[52] ГААО, ф. 829, оп. 2, № 1, л. 12.
[53] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, л. 8.
[54] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 4.
[55] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 4, № 24, л. 28.

Шадр., Тобол., Тюмен., Курган.; по новым записям — Краснояр., Новосиб., Свердл., Киров., Волог., Арх., Костром., Горьк., КАССР.[56]

Лоси́нки 'рукавицы из лосиной кожи или шкуры'. Название редкое: по данным АРНГ, записано всего в трех пунктах в Горьк., Костр. и Киров. обл.

Лохма́тки, лохма́шки — названия, представленные только в записях самого последнего времени (60-е годы). «*Лохма́тки* — меховые рукавицы. Ср. Прииртышье». То же в Новосиб., Омск. обл., на Ср. Урале. На Амуре, в Бурятии — 'рукавицы из собачьего меха'. Название *лохмашки* отмечается также в Сибири.[57] По-видимому, это поздние переделки следующих названий.

Мохна́тки, мохна́чки, мохна́шки, мохну́шки. «**Мохна́тка, мохну́шка,** рукавица шерстью наружу, *в Сиб.* волчья или собачья» (Даль). Отмечено Бурнашевым (1843), известно в Сибири (1843, 1865); по новым записям — повсеместно на Урале и в Сибири (КСРНГ).

Нагóльные рукавицы, нагóленки. Первое записано как название рукавиц, сшитых из сукна, «из портянины» (Потрусово Нейск. Костр.), второе — «из холста» (Парамоново Залесн. Горьк., АРНГ). Однако по происхождению эти названия, по-видимому, связаны с обозначением необшитой кожи, как и многочисленные и широко распространенные названия с корнем *гол-*, ср.: *нагольный тулуп, нагольная шуба, нагольные сапоги.*[58]

Па́галины — редкое название. В КПОС есть пример с определением «шерстяные рукавицы ручной вязки». Весьма вероятна связь и этого названия с обозначением «голой» кожи. Ср.: «*погале́шка* — узкий мешок на руку. *Погале́шку из холста шили, надевали на руку, когда жали*» (Суксин. Перм., КСРГСУ).

Ровдужные или *ровдужьи рукавицы, ровдужницы, ро́ндуги.* В записях живых говоров эти названия практически отсутствуют, единственная фиксация: «*Ро́ндуги* — [рукавицы] из кожи, из сохатины; *ро́ндуга* — *ед.* число» (Разбойница Вохом. Костром., АРНГ), хотя слово *ро́вдуга* (*ро́лдуга* и другие произносительные варианты) и прилагательные от него известны по многочисленным источникам как северновеликорусские и сибирские. «**Ро́вдо(у)га** ж. **ро́вдуга** и **ровду́га** стар. и́рха, баранья, козья, оленья шкура, выделанная в замшу; то же в Сибири; оленья, лосиная замша. **Ро́вдуговый, ро́вдужный,** из ровдуги сшитый» (Даль);

---

[56] АРНГ; КСРНГ; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 2. Томск, 1965.

[57] КСРНГ; КСРГСУ; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 2.

[58] Словарь современного русского литературного языка, т. 7.

в записях Иваницкого *ро́вдуга* — «обритая овчина; из нее шьют рукавицы» (Волог., КСРНГ).[59]

В памятниках: Да рукави купил ровдуж(ь)и дал 5 де (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1595);[60] Ему же рукавицы ровдуж(ь)и (Платяная кн. Михайло-Архангельского монастыря, 1696); [61] Ему же купил рукавицы ровдужницы и с ысподками; Купил Евдокиму рукавицы ровдужницы и с ысподками (Прих.-расх. кн. Сийского монастыря, 1638—1639).[62]

Соба́ченицы, соба́чины ‘рукавицы из собачьей шкуры’. Редкие названия: первое отмечено в Скрябине Подосин. Киров., второе — в Аксеновской и Стафоровской Вилегод. Арх. (АРНГ).

Шала́ги [знач. ?] — редкое название (Дор Коношск. Арх., АРНГ). Можно предположить связь с указанным у Даля: «**Шала́га**... *Ниж.* овчина, с дохлой овцы».

Шу́бные рукавицы, шубари́, шуба́рки, шу́бенки, шубёнки, шубёночки, шубе́нники, шу́бенцы, шу́бники, шу́бни́цы, шубняки́, шубня́шки, шу́бя́нки — названия, чрезвычайно распространенные в русских говорах. «*Шубари* — кожаные рукавицы покупные» (Пск., Копаневич, 1904—1918); «Жители многое изменили ... в своих нарядах ... Женщины ... бросили с рук *шубарки*» (Демян. Новг., 1856); «*Шу́бницы* бо́льше из собачьего меха делают, шерстью кверху» (Кеврола Пин. Арх.); в значении ‘меховые рукавицы, рукавицы из овчины’ эти слова записаны в разное время в пермском, вятском (кировском), олонецком, вологодском, архангельском, новгородском, псковском, ленинградском, свердловском, оренбургском, омском, новосибирском, тюменском, красноярском, томском говорах (СРНГ).

В памятниках: Да двум Васил(ь)ям же дал рукавицы шубници двои новые (Прих.-расх. кн. Важского монастыря, 1598).[63]

Ва́тники. Редкое название: «База́рьския ва́тники из ва́ты (ватные рукавицы)» (Медведица Мантур. Костром., АРНГ).

Ве́тошницы [знач.?]. Редкое название (Хороброво Тотем. Волог., АРНГ).

Падере́шки, подере́шки, подеру́шки ‘рукавицы, сшитые из холста’. Названия известны в Кировской, Горьковской областях (АРНГ) (см. рис. 1).

Портяни́цы, портя́нки, портяну́хи, портя́шки ‘рукавицы, сшитые из холста (*по́ртна*)’. Названия известны в Архангельской, Вологодской, Костромской областях (АРНГ) (см. рис. 1).

---

[59] Об этом слове см.: В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина. Из истории диалектных границ в северной России. — Вопросы языкознания, 1968, № 6, стр. 111—112, карта 1.

[60] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 3, л. 2.

[61] Библиотека ГААО.

[62] ГААО, ф. 56, оп. 3, № 9, лл. 34, 35.

[63] ГААО, ф. 829, оп. 3, № 5, л. 25 об.

Сукма́нны рукавицы, суко́нки ‘рукавицы, сшитые из сукна’ (Устьян., Черевк. Арх., АРНГ).

Холстя́нки, холща́нки, холщёвики́, холщёвицы, холщёвки — ‘рукавицы, сшитые из холста’. Названия довольно широко распространены в Архангельской, Вологодской, Кировской, Горьковской областях (АРНГ).

Шо́йды ‘матерчатые рукавицы’. Название отмечено в трех пунктах Лальск. Киров. (АРНГ). Ср.: «**Шо́йдать** что, *влгд. вост.-сиб.* чинить верхнюю одежду, платать, латать. **Шо́йдан** и **шо́йданик** м. тяжелко, рабочий зипун, сермяга, нередко обшитый, для прочности, холстом; шабур, его носят и бабы» (Даль).

Да́нки, делёнки, де́льни́цы, дельни́чки, деляни́цы, де́ни́цы, дени́чки, де́нки, денни́цы, дерьни́цы, деяницы, деянки, дияни́цы, диянки, дьяницы, дьянки, дя́льницы, дяницы, дянки, дяночки, зяни́цы, зянки, одеянки. «**Де́льница**... Варега. *Арханг. Кем. Онеж. Олон.*» (Опыт, 1852); «**Де́льница** — шерстяная вязаная рукавица. *Помор. Арх.*» (Подвысоцкий, 1885); «**Делёнки** (Крг.), **дельницы** (р. р. Свирь, Онега, Колодоз. Водлоз. Кончоз. Данилово, Заон. Янгозеро, Тудозеро, Ундозеро, в Жив. ст. 1892. III для Крг. де́льницы), **дельни́чки** (Вт. Пт. Пд.) шерстяные рукавички с одним пальцем» (Куликовский, 1885—1889); «*Дельни́ца.* Не просто варега, а рукавица, плотно обтягивающая руку, чем и отличается от прочих сортов рукавиц, как то вачуг и вотт» (Грот, Данилевский, 1870); «*Дени́ца* — шерстяная варежка, вдеваемая в рукавицу» (Пск. Пск. Копаневич, 1902—1904); «**Де́ница**... Новгор. Тихв. Твер. Вышневолоц.» (Опыт, 1852); «*Деянка, дьянка, дьяничка* — род шерстяной перчатки с одним только пальцем, шерстяная рукавичка. Оказывается также исподкой, если вкладывается в кожаную рукавицу» (Пск. Пск., Савицкий, 1850); «*Дьяни́ца* — вязаная шерстяная рукавица. Пск. Твер. Осташк.» (Карпов, 1855) и другие примеры (КСРНГ, КСРГК); в псковских говорах кроме указанных выше записаны также формы: *дьяначка, дьяна́нка, дьвени́ца, дьвя́нка* (КПОС) (см. рис. 2).

В памятниках: Четверы деяницы (Прих.-расх. кн. Соловецкого монастыря, 1641); [64] Деялницы взял цена 10 де; Ѳома Ребиткин взял рукавицы деялницы цѣна 2 ал (Кн. казенных товаров Пертоминского монастыря, 1686—1687). [65]

Характер географического распространения и обилие переходных произносительных вариантов позволяют предполагать единое происхождение для этих названий. Прежде всего следует привести: «**Дель** — пеньковая пряжа для неводов. *Астрах.*» (Дополнение к Опыту, 1858); «**Дель** — материал для изготовления сетей. КАССР»; «*Дель* — шерсть-сырец. Сенная губа Медвежьегор. КАССР» (КСРГК). Очевидно, что некоторые названия из этого рода пред-

[64] ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 41, л. 83.
[65] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 41, лл. 6, 10 об.

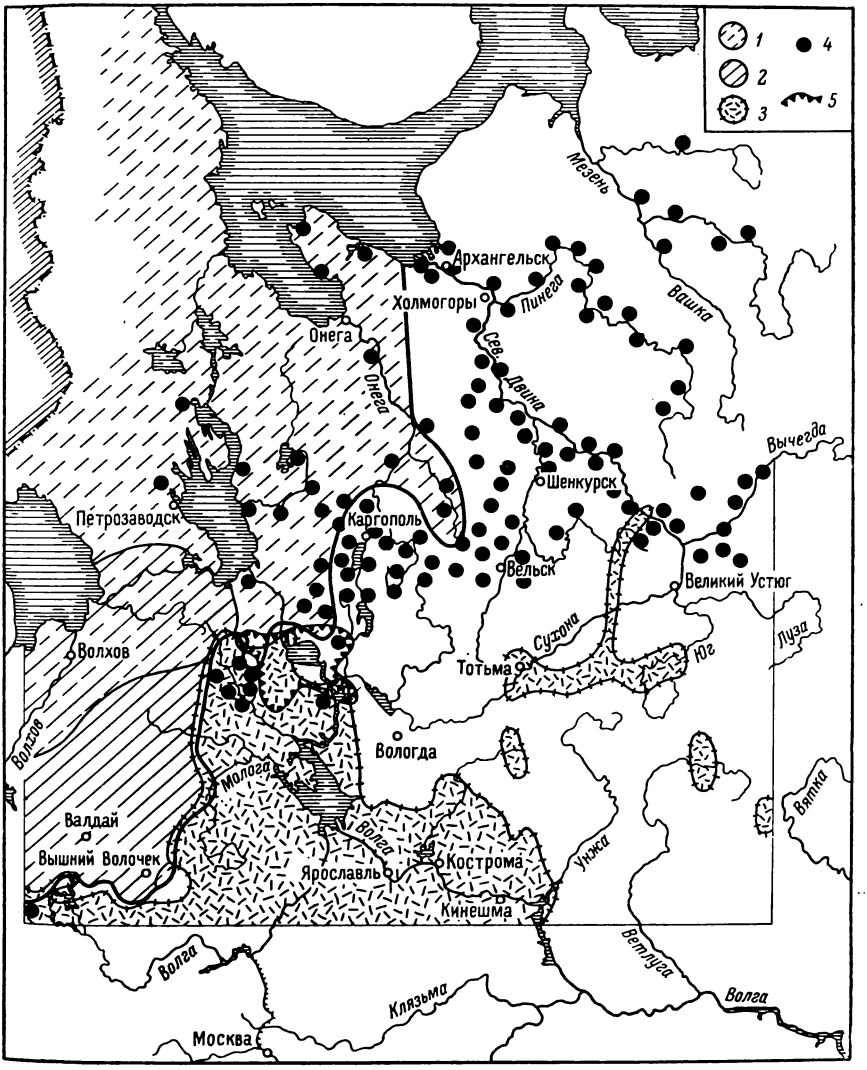

Рис. 2. *1 — дельницы* и др.; *2 — дянки* и др.; *3 — вязанки* и др.; *4 — исподки*; *5 — плетёнки* и др.

ставляют собой результат деэтимологизации, некоторые испытали влияние названий, образованных от глаголов *одевать*, *надевать* (*одеть*, *надеть*), см. ниже. С названием *дя́нки* и некоторыми другими соотносятся польск. dziany ‘вязаный’, dzianie ‘что-л. связанное, вязание’. И эта параллель хорошо объяснима в смысловом отношении в ряду таких наименований, как *вя́занки*, *плетёнки*, см. ниже.

Шерстя́нки. Редкое название (Токтары Тоншаев. Горьк. АРНГ).

* * *

Названиями *дельницы* и др., редким *шерстянки*, конечно, не исчерпывается круг наименований рукавиц из шерсти. Другие названия связаны с обозначением процесса вязания или способов обработки связанных рукавиц, их отделки. В большинстве своем эти названия образованы от глагольных корней. Рассматривая эту группу слов, сопоставляя их и обращаясь к реалиям, мы находим довольно простое объяснение некоторым загадочным для «пословной» этимологии названиям.

Везáнки, везяни́цы, вéзя́нки, вя́зáнки, вя́зáночки, вязану́шки, вязёнки, вязяни́цы, вя́зя́нки. «**Везяни́ца** ... Вязаные перчатки и рукавички. Пск., 1855»; «**Вéзянки и везя́нки** ... 1. Везя́нки. Вязаные рукавицы. Пск., Осташк. Твер., 1855. В загадке: *Размахну мохнушку (везя́нку), суну голыша (голую руку)*. Кашин. Твер. Яросл. 2. Вязаные шерстяные перчатки. Волог., 1902. □ В е́ з я н к и. Волог., Иваницкий, 1883—1889. □ В е з я́ н к и. Пск., Осташк. Твер., 1855. □ В е з я н к и [удар.?]. Волог., 1852» (СРНГ, вып. 4); «**Вязани́чки** ... Вязаные шерстяные рукавички. Яросл., 1926»; «1. **Вя́занка** ... 2. Варежка, вязаная шерстяная рукавица, вкладываемая в кожаную голицу. Даль [без указ. места]»; «**Вязёнки** ... 1. Вязаные шерстяные варежки, рукавицы. □ В я з ё́ н к и. Обоян. Курск., 1859. *Бабка всем ребятам вязёнки повила*. Курск., Орл., Тул., Калуж. *Всяку вязёнку варежкой стали звать, а мы и то по-своему вязёнки да вязёнки*. Брян. Андр. Смол., Ряз., Яросл., Ярен. Волог., Барнаул. Том. Слов. Акад. 1951 [с пометой «в просторечии и обл.»]. □ В я́ з е н к и. Вышневол. Твер., Орл., 1852»; «**Вязёрка** ... Варежка. Карпин. Свердл., 1964» (СРНГ, вып. 6); «*Вя́занки* — рукавицы, связанные из шерсти». Ср. Амур., 1968 (КСРНГ); см. также карту 2.

В памятниках: ... что куплено про мнстрьскои обиход. .. рукавиц верхниц 170 дано 14 рублев 21 ал 2 де іподок вязяниц сорок восмеры дано 3 рубли 12 ал (Роспись покупкам Николо-Корельского монастыря, 1661);[66] Приход везеницъ от прошлого ото 194-г года в казнѣ осталосе от росходу нисколько везеницъ

[66] ГААО, ф. 191, оп. 3, № 54.

. . . ѳевраля въ 2 де я ж принял у келаря Вавилы колмогорскои купли старца Герасима везеницъ 8-ры исподки і всѣ в приемѣ 66-ры везеницы (Платяная кн. Пертоминского монастыря, 1686—1687); [67] Купил в заморозе мнстрьским людем трои вязеницы да голицы далъ осмь алтынъ (Прих.-расх. кн. Пертоминского монастыря, 1687); [68] из памятников Южного Зауралья: Карпу Лопатке в работу рукавицы верхницы и вязаницы даны (1711).

Плетёнки, *плетя́нки* — названия, известные в белозерских говорах (АРНГ) (см. рис. 2).

Ва́леги, *ва́лежки*, *ва́ленки*, *ва́ленцы*, *ва́лешки*, *ва́лянки*, *ва́ляшки* — названия, довольно распространенные. «**Ва́леги**... Шерстяные рукавицы, которые вкладываются в кожаные. Арх., 1885»; «2. **Ва́лежки**... Кожаные рукавицы. Никол., Кадн. Волог. 1890. *А ва́лежки-то не забыл взять. Ты что, за валежки-то платил?* Волог.»; «**Ва́лешки** и **ва́ляшки**... 1. Шерстяные рукавицы, варежки. □ В а́ л е ш к и. Валд. Новг. Добpописцева. Орл. Вят., Добрян. Перм. □ В а́ л я ш к и. Белозер. Новг., 1852. Новг. 2. В а́ л я ш к и. Шерстяные перчатки. Новг., 1852. Новг.»; «**Валенки**. . . Рукавицы, голицы. „Зимой на руках носили овчинные, вышитые гарусом шубенки, а летом, хотя надобности в том не представлялось, — бараньи зеленые «валенки» (голицы)". Красноуф. Перм., Гладких. 1913» (СРНГ, вып. 4).

Для объяснения происхождения этих и некоторых следующих названий интересно привести такую запись: «Вязаные рукавицы называются *плетёнки*, с пальцами — *перша́тки*. Вязаные рукавицы, которые опускают в кипяток, катают, чтобы они стали мягче и теплее, называют *ва́лёшки*. Старики называли плетёнки *дельницами (де́льницы)*. Поверх плетёнок одевали *рукавицы* (*рукаи́цы*), из кожи» (запись Л. П. Жуковской, 1955. Малеево Вашкин. Волог., АРНГ). Ср. также: «Ва́ленцы, мн. „Теплые рукавицы", сев.-в. р. (Барсов), от валять» (Фасмер, т. I).

Ка́танки, *ко́таны рукавицы*. Первое название записано в четырех пунктах Архангельской, Вологодской, Костромской областей, например: «*Ка́танки*, *ва́лёшки* на руки из шерсти» (Разбойница Вохом. Костром., АРНГ); *ко́таны рукавицы* (Митьково Кадый. Костром., АРНГ). Названия эти связаны с распространенным в русских говорах вторым обозначением процесса обработки изделий из шерсти: *катать=валять*. Любопытно и следующее название в ряду общих для валяной (катаной) обуви и валяных (катаных) рукавиц: *Пимы́* — «вязаные [рукавицы]» (Дрягунята Котельн. Киров,. АРНГ).

Ср. также: *панчёвки*, *панчёшки*, *па́нчужки*, *па́ншинки* 'вязаные рукавицы'. Названия отмечены в нескольких пунктах Вологодской, Кировской, Костромской областей (АРНГ); «**Пан-**

[67] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 40, л. 8 об.
[68] ГААО, ф. 60, оп. 1, № 46, л. 5.

чéхи ж. *нвг.-чрп.* **панцёхи**, *ниж. кур. запд. польск.* чулки; местами суконные, сшитые чулки; *орнб.* валенки, катанки» (Даль). Ср. выше: *вачеги*, ниже — *вареги*.

Приведенные примеры не оставляют сомнений в том, что и русское название *вареги (варежки)* по происхождению связано с обозначением процесса обработки связанных из шерсти рукавиц; образовано оно от корня *вар-* (*варить*); ср. также широко распространенное *вар* 'кипяток', *варить* 'кипятить' (СРНГ, вып. 4). Наше предположение подтверждает и обычное для названий этого типа разнообразие суффиксов в отдельных словах, и непременное для данного корня чередование *вар-/вор-*.

Ва́рги, ва́ре́ги́, ва́ренги, ва́ренки, ва́рьги, ва́рюшки, ва́ря́ги, ва́ряшки, во́ришки. «**Ва́ргиˆ...** Варежки. Новооск. Курск., 1852. *На руках носят кожаные рукавицы с шерстяными везенками (варгами), связанными в одну иглу.* Обоян. Курск. Гремяч. Ворон.»; «**Ва́реги, ... варе́ги и варе́ги́ ...** 1. Варежки. □ В а́ р е г и. Слов. Акад. 1806. Вят. Олон., 1845. Арх. *На руках заонежанин носит „дельницы“ или вареги, которые могут быть двух сортов: русские — из толстой шерсти и „панские“ — из „шленки“.* Майнов, Поездка в Обонежье и Корелу. *Вареги одни не носятся, а вкладываются в кожаные.* Волог., Твер., Яросл. *Дедушка сидит дома, ва́реги вяжет.* Костром., Влад., Нижегор., Киров., Перм. *Потеряла одну варегу.* Свердл. *Ва́реги не оброни.* Барнаул., Енис., Байкал., Амур. □ В а́ р е г и и в а р е́ г и. Осташк. Твер., 1855. □ В а р е г и [удар.?] Тул., 1820. *На руках барановые рукавицы с шерстяными варегами.* Тул., Орл. *Зимой вареги мужикам вяжут.* Иркут. □ В а р е г а́. Шерстяная или пуховая варежка. Бурнашев [без указ. места]. ♦ В а́ р е г и. Верхние вязаные рукавицы. Ворон., 1927 ♦ В а́ р е г и. Суконные рукавицы. Олон., 1885—1898. Болх. Орл. ... 2. В а р е г и́. Шерстяные или пуховые перчатки. Бурнашев [без указ. места] ... 3. В а́ р е г и. Шерстяные чулки. Волог., 1866»; «**Ва́ренки** ... Варежки. Тотем. Волог., 1899»; «**Ва́рьги** ... 1. Варежки. Борисоглеб. Тамб., 1850—1851. *Ва́рьги из волны.* Ворон. Обоян. Курск. „«Ва́рьги», а «варежка» — ... это уменьшительная форма от «варьга». Иногда писали (в 19 веке) «варега», но это считалось «письменной» (литературной) формой и в устной речи не одобрялось“. Петров. Сарат., Колеганов, 1959. *Ва́рьга оказалась на руке. Ва́рьги у деда теплые.* Пенз. *Надень ва́рьги, а то руки обморозишь.* Сарат. Нижегор., Меленк. Влад., Твер., Мезен. Арх. *Внучку варьги вязет. Одное ва́рьгу надел, друга де?* Барнаул. ♦ Суконные рукавицы. *Варьга суконная с одним пальцем.* Россошан. Ворон., 1961. 2. Шерстяные перчатки. Белг. Курск., 1891. Курск., Орл., Вят.»; «**Ва́ряги** ... и **варя́ги** ... 1. Варежки. □ В а́ р я г и. Нижегор., Матер. Срезневского. Волог., 1852. *При ловле рыбы ... употребляют ... ва́ряги, вязанные из волос лошадиной гривы.* Олон. ... □ В а р я́ г и. Осташк. Твер., 1855. Твер. ...

2. *Ва́ряги.* Шерстяные чулки. Волог., 1852» (СРНГ, вып. 4). Много примеров в материалах АРНГ: *во́ршки* (Почеп Кушалин. Калин.) и др.

В памятниках с середины XVI в. отмечены формы *вареги, варяги* и др., они широко известны.[69] Приведем здесь только: Монаху Зосиму . . . дано . . . рукавицы варенги; Ему же рукавицы варенги (Платяная кн. Михайло-Архангельского монастыря, 1696).[70]

Обши́вки 'обшитые тканью шерстяные рукавицы', 'матерчатые рукавицы' и даже 'кожаные рукавицы'. Название записано в четырех пунктах Вологодской области (АРНГ).

Поволоче́нки (знач.? Угрюмово Петринев. Волог., АРНГ). Ср.: «**Поволо́к, поволо́ка, поволо́чка**... *арх. нвг. прм. верх,* покрышка шубы. Китайки на поволоку купил; || *твр.* крытая холстом овчинная шуба, тулуп» (Даль).

Несколько названий образованы от глаголов, имеющих значение 'одеть, надеть'. Все это редкие названия.

Оде́вки 'матерчатые рукавицы' (Анисимово Варнав. Горьк., АРНГ).

Оде́жки — то же (Непогодиха Варнав. Горьк., АРНГ).

Надеву́шки — то же (Заболотье Лесн. Калин., АРНГ).

Наде́выши — «варежки без резинки» (Сухоречье Воскр. Горьк., АРНГ).

На́дерги (знач.? Лом Подосин. Киров., АРНГ).

Поддёргиши (знач.? Княжево Бабушк. Волог., АРНГ).

Поддёршки (знач.? — «надеваются под кожаные». Мишаково Чебсар. Волог., АРНГ).

* * *

За пределами рассмотренных нами групп осталось еще несколько редких названий.

Во́тты. «**Во́тты**... Шерстяные рукавицы. „Мурманские (норвежские) шерстяные рукавицы". Арх. Даль. „Они привозятся из Норвегии". Кем. Арх., Данилевский, 1870» (СРНГ, вып. 5).

Дырова́тки — охотничьи рукавицы из мягкой кожи специального покроя. Ср. Амур. Иванова, 1968 (КСРНГ).

Кипичи́ — рваные рукавицы (Деревянное, Ладва Прион. КАССР; АРНГ).

Куля́пки, куля́пы, кура́пы — холщовые рукавицы; вязаные рукавицы. Названия отмечены в двух пунктах в районе Весьегон. Волог. и в Ковригино Сокол. Иванов (АРНГ).

---

[69] Этимологический словарь русского языка, т. 1, вып. 3. М., 1968; С. И. Котков. Очерки по лексике. . ., стр. 182.

[70] Библиотека ГААО, лл. 16, 27 об.

Лапáнки (знач.? Некрасово Рамешк. Калин., АРНГ).

Лямýшки (знач.? Медведиха Рамешк. Калин., АРНГ).

Мáнечки, мáньки — рукавицы без пальцев (вышитые, из тонкого материала надевали во время обряда венчания; из грубого холста — рабочие). Названия отмечены в трех пунктах Устьян. Арх. (АРНГ).

Отыжóвки — рукавицы из холста, рабочие. Отмечено в двух пунктах Вожегод. Волог. (АРНГ).

Пакýли, пакýльки — «рукавицы из холста, а по-карельски — вачёги» (Язвиха Сандов. Калин.). В значении 'варежки' записано еще в двух пунктах на западе Вологодской области (АРНГ).

Пáкши — вязаные рукавицы. Название отмечено в шести пунктах Вологодской области, южнее Белого озера (АРНГ).

Тигýхи, тягýхи, тягýши. «*Тигýши* — [рукавицы] из кожи с одним пальцем» (Бураково Демян. Новг.); «*Тягýхи* — рыбацкие рукавицы» (Палиха Осташк. Калин.); *тягýши* (Осташк. Калин., АРНГ).

Хомýтные рукавицы (знач.? Вахрушево Волог. Волог., АРНГ).

По-видимому, часть этих названий также следовало бы распределить по выделенным нами группам. В нашем обзоре возможны также и пропуски; какая-то часть названий может быть прибавлена по мере введения в оборот новых диалектологических и исторических материалов. Все это, однако, вряд ли изменит общую картину распределения названий по нескольким группам в соответствии с основными и второстепенными принципами наименования. Полезен и применим по отношению ко многим пластам лексики сам путь историко-лексикологических и этимологических исследований по лексико-семантическим группам слов.[71] Необходима при этом возможно большая детализация в таких группах, полное привлечение диалектологических и исторических данных, а по мере необходимости — и данных из истории материальной (или духовной) культуры.

---

[71] Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. — Езиковедски изследвания в чест академик Ст. Младенов. София, 1957.

И. А. ПОПОВ

Из истории слов пассивного лексического пласта одного севернорусского говора

Для исследования русских народных говоров актуальной является проблема изменения говоров в советский период, изменения постепенного и непрерывного, происходящего на наших глазах, отчего данная проблема становится еще более живой, обширной и неисчерпаемой.

На изучение динамики говоров на разных уровнях диалектологи давно обратили внимание. Из имеющихся исследований вырисовывается определенный круг закономерностей происходящих изменений, однако требуются все новые и новые факты, почерпнутые путем непосредственного наблюдения над живой народной речью для всестороннего описания этой динамики, особенно в сфере чрезвычайно обширного и пока еще недостаточно изученного словарного состава.

В перестройке диалектной системы особое место занимает процесс выхода из активного употребления старой, традиционной диалектной лексики. Время выхода из употребления диалектных слов особенно трудно фиксировать, так как они существуют в сфере устного общения и далеко не все отмечены в записях диалектологов и любителей живого народного слова и вошли в словари. Поэтому только длительное изучение лексики современного говора, наблюдение над функционированием в нем слов в разное время, в речи лиц разного возраста, разного социального положения, а также оценка слов самими говорящими с точки зрения употребительности, актуальности, жизненности этих слов позволяют проникнуть в пассивный лексический пласт говора. Но и такое изучение не всегда может способствовать выявлению слов, потерявших свою былую употребительность в говоре, сохранившихся лишь в памяти (и редко встречаемых в речи) лиц старшего возраста. В этом случае особую ценность приобретают старые диалектологические записи, записи прежних лет, опираясь на которые можно затронуть, всколыхнуть и тот пассивный пласт

лексики, который, в силу ряда объективных причин, находится сейчас в говоре на грани забвения. Такой взгляд на лексику современного говора с позиций старой лексической системы дает возможность обнаружить, во-первых, слова, переставшие функционировать в современном говоре, неизвестные теперь даже старшему поколению, во-вторых, слова, которые в наше время еще известны узкому кругу людей, но практически уже уступили место другим словам в говоре. Однако для такого сравнительного наблюдения и изучения необходимо располагать определенным кругом сведений о лексике говора в прошлом. Такие материалы имеются далеко не всегда.

Говор деревни Княщина Староладожского сельсовета Волховского района Ленинградской области позволяет вести его современное изучение с учетом материалов, собранных ранее в этой деревне или на прилегающей территории.

Одним из ранних источников, дающим материал для сравнения, является словарик «Слов ладожских», составленный в 1865 г. Н. Кедровым на территории Новоладожского уезда.[1]

Позднее, в 1913 г., в деревне Княщина, селе Старая Ладога и в ряде других населенных пунктов Новоладожского уезда были сделаны записи экспедицией проф. Н. М. Каринского.

Экспедиционное обследование этого района под руководством Н. М. Каринского продолжалось в 30-е годы (Е. П. Луппова, Ф. П. Филин, С. А. Шамахов). Богатая наблюдениями монография Ф. П. Филина «Исследование о лексике русских говоров»[2] включает материалы, собранные автором в 1933 г. на территории Староладожского сельсовета, в состав которого входит и Княщина.

В диссертации Е. П. Лупповой «Староладожский говор», к сожалению, не опубликованной, имеется обширный словарь, объединяющий лексические материалы, собранные автором в 1933—1939 гг. в с. Старая Ладога, расположенном в полукилометре от Княщины, и ее окрестностях.[3]

В 1954 г. диалектологические исследования в Староладожском сельсовете расширились в связи с работой над Диалектологическим атласом русского языка и экспедиция Ленинградского педагогического института им. Покровского (под руководством доц. Е. П. Лупповой) детально обследовала говор д. Княщина по программе для этого атласа.

В 1955 г. эти исследования были продолжены, причем впервые ленинградскими диалектологами был применен магнитофон.

---

[1] Живая старина, вып. III—IV, 1898, сс. 400—408.

[2] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, сс. 7—207.

[3] Этот словарь передан автором в Картотеку Словаря русских народных говоров (ЛО Института русского языка АН СССР).

В 1967—1969 гг. в Княщине собирались материалы для Общеславянского лингвистического атласа и Словаря русских народных говоров.[4]

Таким образом, в настоящее время имеются материалы, собранные в этом пункте или на прилегающей территории в разное время на протяжении последних 100 лет.

Следует отметить, что говор в районе Старой Ладоги, этого древнего опорного пункта славян на р. Волхов до возникновения Новгорода, в существенных своих частях однотипен. Е. П. Луппова по этому поводу писала: «Говоры северного Приволховья относятся к западной или новгородской группе северновеликорусского наречия. Вся указанная территория характеризуется однотипными говорами, но степень устойчивости отдельных диалектных явлений не одинакова в настоящее время в разных пунктах».[5]

По современной диалектологической классификации эти говоры относятся к Ладого-Тихвинской группе говоров северного наречия.[6]

Процесс изменения княщинского говора охватил разные группы лексики. Внешнее влияние, воздействие терминологии агрономической науки, новых условий механизированного труда, широкое влияние литературного языка привело к вытеснению старых диалектных названий сельскохозяйственных культур, орудий, процессов ручного труда, названий людей по роду выполняемой ими деятельности, земельных участков, угодий и т. д.

В исследованиях по диалектологии не раз обращалось внимание на выход из употребления старых названий сельскохозяйственных культур. Такое изменение имеет место и в княщинском говоре. Оно захватило такие старые местные названия, как *жи́то*, *бо́вытъ*, *карто́фъ*, *карто́фка*, *карто́фья*, *борка́н*, *ка́лега* и некоторые другие.

Общеславянское слово *жито*, известное кроме русского в украинском, белорусском, болгарском, чешском, польском, словенским, сербском, а также старославянском и древнерусском языках в значениях ‘рожь’, ‘зерновой хлеб’, в говоре д. Княщина, как и во многих северо-западных русских говорах,[7] употреблялось в значении ‘ячмень’. Татищев по этому поводу заметил: «Ячменю же дали звание жито».[8]

---

[4] Об изучении говоров северного Приволховья см. также в статье Е. П. Лупповой «Некоторые особенности изменения фонетической системы говоров северного Приволховья» (Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 173, Л., 1958, сс. 216—217.

[5] Е. П. Луппова. Некоторые особенности. . ., с. 216.

[6] Русская диалектология. М., 1964, сс. 264, 265.

[7] Там же, с. 215.

[8] В. Татищев. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. (Картотека Словаря русского языка XVIII в.).

Вытеснение в староладожском говоре слова *жито* 'ячмень' литературным синонимом наметилось еще в 30-е годы XX в. Ф. П. Филин, обращая внимание на это, писал, что слово *жито* «теперь начинает быстро выходить из употребления, так как его заменяют соответствующие литературные слова».[9] Однако выход слова из активного употребления не привел к полному забвению его в наши дни. В говоре современной Княщины оно известно по воспоминаниям и самими говорящими осознается как старое слово: Сеяли-то жито, жито раньше говорили, по-старому жито, по-теперешнему ячмень (1967).

Если *жито* все-таки сравнительно легко вспоминают при ответе на вопрос, как ячмень раньше называли, то слово *овыть* 'яровая рожь' известно теперь еще менее и далеко не всем. В Вопроснике общеславянского лингвистического атласа спрашивается о том, как называют хлеба, которые сеют весной. С большим трудом удалось узнать старое, теперь, бесспорно, архаичное название *овыть*: Овыть — это весной яровая, называют (1967). Сейчас это слово легко может быть не замечено собирателями. В 30-е годы Ф. П. Филин писал об этом слове: «Раньше употреблялось исключительно *ободь*, *оводь*, и *рожь* (д. Позем), теперь — *яровая рожь*, *озимая рожь*».[10] По материалам Ф. П. Филина, слово *оводь (ободь, оудь)* было известно кроме говоров Староладожского сельсовета в некоторых новгородских говорах.

В материалах, собранных в районе Ладоги в прошлом, встречаются разные варианты названия картофеля: *картошка*, *картофель* (ж. р.), *картофья*, *картофка*. Из них в современном княщинском говоре — общерусское *картошка*, *картофель* (ж. р.), очень редко *картофка*, первая фиксация которого в ладожских говорах относится к 1865 г.:[11] Корытце картошку сечь (1967); Картофель была замечательная; Кака картофель; Картофели много везде (1967); Давай картофку насыплю (1968). В то же время слова *картофь*, *картофья* информантами старшего возраста воспринимаются сейчас в Княщине как чужие, неизвестные. Между тем слово *картофь* последовательно отмечалось в этих говорах начиная с 1865 г. (К. Кедров) рядом исследователей: Ф. П. Филиным (в Староладожском сельсовете в 1933 г.), Е. П. Лупповой (картофь копать — Старая Ладога, 1933—1939), диалектологической экспедицией Ленинградского педагогического института в 1954 г. (мы картофь всю заморозили — Княщина). Позднее следы этого слова теряются. По-видимому, экспедиция 1954 г. застала в Княщине последних людей, которые

---

[9] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров, с. 112.

[10] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров, с. 177.

[11] Н. Кедров. Слова ладожские. — Живая старина, вып. III—IV, 1898. Слово *картофка* встречается также в архангельских, новгородских, олонецких, вологодских, псковских, пермских, рязанских, саратовских, уральских, томских говорах (КСРНГ).

употребляли слово *картофь*, известное на обширной территории севернорусских, среднерусских, южнорусских говоров (Новг., Волог., Твер., Перм., Моск., Влад., Дон., Сарат., Ряз., Казан.), на Урале, в Сибири, Сев. Казахстане — КСРНГ.

Слово *картофья*, упоминаемое в словаре Н. Кедрова, в современном княщинском говоре не встречается. По свидетельству других источников, оно употреблялось раньше еще в говорах Слободского уезда Вятской губернии (Шишкин, 1881 — КСРНГ).

Распространение общерусской сельскохозяйственной терминологии привело также к вытеснению слов *боркáн* 'морковь' и *кáлега* 'брюква'. Это очевидно как из наблюдений над говором, так и из тех оценок, которые дают названным словам сами говорящие: Раньше говорили боркан, теперь не зовут так, теперь по-культурному говорят. Боркан уже редко, морковка все. Борканы тоже не говорят, а морковкой. Мы-то мало называли (говорит женщина 67 лет), папка называл, он помер в 99 годов, война началась, помер в ту зиму. Старики борканы говорили, папка говорил, борканину в щи. По-теперешнему брюква, а по-нашему калега.

Изменения в лексике затронули и названия старых сельскохозяйственных орудий.

Из старых названий этих орудий название цепа — *прúуз* хорошо сохранилось в памяти жителей деревни, однако названия его частей забываются. Сейчас ручку цепа иначе не называют как *палка*. Но в материалах, приводимых Ф. П. Филиным, в записях экспедиции 1954 г. отмечалось другое название этой части — *мáтка* (в последних с оговоркой, что название это известно не всем). Ф. П. Филин писал в своей работе, что такие названия, как *приуз*, *матка* (ручка цепа), *цепец*, *цепинка* и некоторые другие «встречаются лишь в разговоре с единоличниками, которые молотят вручную, а также еще держатся в воспоминаниях колхозников»,[12] что перечисленные слова принадлежат к группе «исчезающих терминов, так как молотьба цепами после коллективизации совершенно вышла из употребления».[13] Следствием этого явилось постепенное забвение слова *матка* в указанном значении. В записях экспедиции 1954 г. отмечаются еще оба названия этой части цепа — *матка* и *палка*, хотя обращается внимание на то, что слово *матка* известно не всем. В записях 1967—1968 гг. слово *матка* уже не встречается, и поиски его в говоре оказались безрезультатными: старое специальное название заменилось другим, общенародным, понятным каждому, — *палка*.

Аналогичные изменения произошли в жизни слова *цепéц*. В дополнение к приведенному высказыванию Ф. П. Филина

---

[12] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров, с. 176.
[13] Там же, с. 175.

нужно добавить, что экспедиция 1954 г. отмечала его в речи только некоторых жителей деревни старшего возраста.

Сильно сузилась сфера употребления отмечавшегося в 30-е годы слова *вя́зка* 'соломенный жгут, которым перевязывают сноп', так как при широком применении в сельском хозяйстве машин надобность в этой операции ручного труда резко сократилась. Сейчас это слово встречается обычно в воспоминаниях о прошлом, о том, как проводилась уборка урожая в старину: Вязки делаешь, ржаной сноп вязкой вязали, вязку свертишь; Вязка, когда жнешь овес, рожь, завязываешь сноп (1967). Слово это отмечалось также в говорах архангельских, вологодских, московских, в говорах Урала, Сибири — Том., Кемер., Новосиб. (КСРНГ).

Из старой сельскохозяйственной терминологии практически перестало употребляться в современном княщинском говоре слово *назе́м*, которое встречается в словаре староладожского говора Е. П. Лупповой (1933—1939). Его вытеснило слово литературного языка *навоз*: Незамедленно поезжай навоз возить; Сейчас-то говорят навоз, а раньше много назему. Не так давно еще бросили говорить (1967).

Позабываются некоторые названия лиц по роду выполняемой ими деятельности. Так, в 30-х годах в говорах Староладожского сельсовета были отмечены слова с суффиксом *-щиц-*: *жа́льщица* 'жница', *до́йщица* 'доярка'.[14] Эти слова встречались и на соседней территории: За бабой Соней и молодая жальщица не успеет (Мстин. Новг. Чагишева, КСРНГ); Дойщица (Осташк. Калинин. Копорский, 1946, КСРНГ).

Применение комбайнов на уборке урожая сделало ненужным использование ручного труда «жальщиц», и это слово встречается сейчас изредка в рассказах о прошлом: Жальщицы пошли, эта жальщица много нажинала. По словам жителей деревни, слово *жальщица* сейчас употребляется редко: сейчас редко, раньше часто говорили.

Если случается сейчас иногда жатва вручную, то употребляется общерусское слово *баба*, а не *жальщица*: У нас бабы жнут (1967).

Слово *дойщица* вспоминают сейчас с трудом — оно заменилось общерусским словом *доярка*: Коровница, доярка, по-теперешнему доярка; Это дойщицы, а теперь-то стали доярки (1968).

Выходят из употребления старые названия земельных участков, угодий и т. п., например *ляди́на*, *ни́ва*, *исхо́жа*.

Общеславянское слово *лядина*, имеющее в Княщине значение 'болото, сырое топкое место', известно с рядом близких или не совпадающих значений в других славянских языках: белорус-

[14] Там же, с. 183.

ском, украинском, болгарском, сербском, словенском. В русских говорах в XIX—XX вв. это слово имело богатую систему значений.[15] Одно из них было отмечено в 1933 г. на территории Староладожского сельсовета — 'сухой бугорок среди болота'.[16] В том же значении употреблялось и слово *ля́да*. Как видно, значение 'сухой бугорок среди болота' не совпадает с тем, которое записано в Княщине в 1954 и 1967—1968 гг., — 'болото; топкое, сырое место': Лядина называют мох, топучина, сыро, моховое место (1968); Лядина, вот где-нибудь сырое место, значит, топко, болотисто, далече здесь есть (1954). Такое расхождение в значениях можно объяснить, по-видимому, разной семантикой этого слова на территории Староладожского сельсовета, в связи с чем можно вспомнить «замеченную исследователями диалектной лексики общую особенность древних многозначных русских диалектных слов — частое наличие в них противоположных значений».[17]

Однако в данном случае представляет интерес не столько этот факт, сколько то, как слово *лядина* функционирует в современном говоре. Оказывается, что вместо него почти всегда встречается слово *болото*. Вопрос о том, известны ли слова *ляда*, *лядина*, одних информантов, женщин 65—75 лет, проживших почти безвыездно в деревне, затруднял, другие, вспоминая, поясняли, что слово *лядина* встречается сейчас редко: Лядиной мало называют сыро место.

Таким образом, слово лядина вытеснено (или вытесняется) в современном говоре словом *болото*. Слово *ляда* совсем неизвестно в княщинском говоре.

Как ни парадоксально, но не так легко вспоминается сейчас носителями традиционного говора и общеславянское слово *нива* с диалектным значением 'небольшой участок пахотной земли в лесу, засевавшийся рожью, овсом или ячменем.'

Это слово с значением 'обработанное поле' известно в украинском, польском, болгарском, чешском, сербском, словенском, нижнелужицком, а также в старославянском и древнерусском языках.[18] Оу села на Нѣжатине нивѣ (Пов. вр. лет — Срезневский). Оно было излюбленным у писателей XVIII—XIX вв. в значениях 'засеянное поле, пашня; хлеба, растущие на пашне':

---

[15] Подробнее см. о развитии значений в слове *лядина* и о его этимологии в статье О. Г. Пороховой «Слова ляда, лядина и нива в русских народных говорах» (в сб.: Лексика русских народных говоров. М.—Л., 1965, сс. 175—191), а также разработку О. Г. Пороховой этого слова в кн.: Ф. П. Филин. Проект Словаря русских народных говоров. М.—Л., 1961, сс. 184—189.

[16] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров, с. 128.

[17] О. Г. Порохова. Слова *ляда*, *лядина* и *нива*. . ., с. 184.

[18] О развитии значений слова *нива* см.: О. Г. Порохова. Слова *ляда*, *лядина* и *нива*. . ., с. 175—191.

Крестьянин пашет с великим тщанием — нива, конечно, не господская (Радищев, «Путешествие», 1790, с. 15);[19]

. . . Коль скоро дождь густой на нивах зашумит,
Иль облаки прогнав их солнце осушит.

(Ломоносов, Соч., I, 1751, с. 396)

Какая-то во ржи жила на ниве птаха,
А с нею дочь ее жила.

(Сумароков, Соч., VI, 1787, с. 131)

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк.

(Пушкин, «Евгений Онегин»)

В этих значениях слово *нива* вошло во все словари литературного языка.

В говорах, в отличие от литературного языка, слово *нива* имеет сложную семантическую структуру.[20]

В говоре д. Княщина слово *нива* употреблялось в значении близком, но не тождественном литературному. Местное значение слова обозначает не пашню вообще, а небольшой участок, засеянный рожью, овсом или ячменем, находящийся в лесу, вдали от деревни: Посеяна нива, в лесу маленькая середочка земли, там посеяны рожь, овес, ячмень (1954). Ср. в рукописном словаре Е. П. Лупповой *нива* — ‘небольшая площадь земли (пахотной), находящаяся в отдалении, кругом огороженная изгородью’ (Мяк., 1933—1939). Ср. также у Ф. П. Филина *нива* — ‘пашня’.[21]

Слово *нива* сохранялось в говоре, пока существовали маленькие пахотные участки, разработанные где-либо в лесу, очевидно, при единоличном хозяйстве. Однако применение машинной техники в колхозах привело к ликвидации этих небольших лесных участков, неудобных для обработки их машинами. Вместе с ними ушло из активного употребления и слово *нива*. Оно сохранилось лишь в памяти некоторых людей старшего возраста: Нива — старое, сейчас не говорят. Вместе с тем литературное слово *нива*, с более широким значением, не оказало заметного влияния на традиционный говор.

В современном княщинском говоре вышло из употребления слово *исхóжа* ‘пастбище, загон для скота’, вытесненное общерусскими литературными синонимами *пастбище*, *загон*. Вспоминая о прошлом, информант рассказывает: Исхожа — пастбище — и, переключаясь на современность, продолжает: Неогорожены и огорожены загоны сейчас, в загонах пастух пасет.

---

[19] Примеры взяты из Картотеки русского языка XVIII в.

[20] См. разработку этого слова О. Г. Пороховой в кн.: Ф. П. Филин. Проект Словаря русских народных говоров, сс. 189—197.

[21] Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров, с. 126.

Слово *исхожа* известно в этих говорах по материалам Н. Кедрова «Слова ладожские» (1865), наблюдениям Ф. П. Филина (1933) и Е. П. Лупповой: Когда корову на исхожу выпустил? (1936—1939).

Процесс архаизации диалектной лексики охватил разные тематические группы.

Не все даже старые жители деревни знают сейчас слово *коре́ц*. Только некоторые из них вспоминают: Корец и ковшик — одно и то же; Когда скажешь корец, когда и ковшик; Ковшиком больше все, ковшиком; Еще корец, кажется, называли, теперь по-культурному. Интересно, что в материалах экспедиции 1954 г. отмечалось назначение этого старого ковша — *корца*, применявшегося для черпания воды в бане, что сейчас установить было бы затруднительно.

Начинают смешивать старое слово *клеть* и слово *кладо́вка* ‘род чулана в сенях’: В сенях-то зашивают, кто называет кладовка, а кто клеть; Раньше называли клеть, в этих сенях отгорожена дощечками (1969).

Сейчас нелегко узнать о существовании старого слова *кри́чина* ‘льдина’, отмеченного в словаре Н. Кедрова. Никаких сведений в материалах последних десятилетий об это слове в княщинском говоре не обнаруживается. В записях экспедиции 1954 г. встречается только общерусское слово *льдина*: Льдины большански; Больша льдина, меленька ли льдина. Собирателям не удалось натолкнуться на другое, диалектное название льдины, которое отмечал Н. Кедров, так как оно ушло в пассивный запас. Но слово это совсем не исчезло и до наших дней, хотя действительно многими позабыто. Вот несколько примеров, записанных в 1968 г.: Кричина, было это слово; Кричина лежит на берегу, долго тает; Оторвет кусок льдины, говорят кричина; Поплывемте на кричины; Его (дерево, растущее на берегу) подпехнуло кричиной; На кричины были оторвавши от берега.

Из источников диалектной лексики прежних лет известно, что слово *кричина* ‘льдина’ употреблялось в говорах Карелии, на Белом море (Мурзаевы), в олонецких говорах отмечено слово *кри́ца* ‘большая льдина’ (Куликовский).

Утратили употребительность такие местные слова с грубоэкспрессивной окраской, как *у́доробье*, *обаку́ла*.

Слово *удоробье* впервые было отмечено в ладожском говоре Н. Кедровым — ‘дурак, бестолковый человек, вялый, безжизненный’. В настоящее время только некоторые в Княщине знают, что *удоробье* — ‘глуповатый или пьяный человек’. Какое удоробье несчастно; Пьяный идет, машет, удоробье размахавши, пьяный дурак, не все дома (1969).

В словарике Н. Кедрова имеется также слово *обаку́ла* ‘плут, обманщик’ и глагол *обакулить* ‘обмануть’: Нет, брат, его не обакулишь.

В Княщине было записано слово *баку́ла* ‘обманщик, лжец’: Он такой бакула, все врет (1968). Слово помнят сейчас не все даже старые жители деревни. Глагол *обакулить* совершенно неизвестен.

В русских говорах есть ряд образований с этим корнем: *бакулина*, *бакулка*, *бакулы*, *бакульник*, *бакульница*, *бакульщик*, *бакульщица*, *бакулить*, *бакульничать*.[22] Близко к княщинскому *бакула* белорусское *обакула* с тем же значением ‘обманщик’: О, ён великий обакула, кажному протрець бакулы.[23] Ср. также белор. *обакулить*, *обакуливать* ‘обманывать, надувать’.[24]

Н. Кедров со ссылкой на народную песню, поместил в словарик ладожских слов слово *белу́тки* ‘глаза’: Его видно по белуткам, что гуляе по межуткам. Слово имело экспрессивную окраску. Оно зафиксировано также в Петергоф. Петерб., Пск., Осташк., Твер.[25]

История слова уходит в глубь веков: оно соотносительно по происхождению с древнерусским *белотъкъ* ‘белок’ (XV в.). Ранняя фиксация его как диалектного относится к середине прошлого века (Кедров, Даль).

В современном княщинском говоре оно вышло из активного употребления, встречается очень редко, имеет колеблющееся ударение (*белу́ток* и *белуто́к*) и три значения:

1) ‘яичный белок’: В яичке белуток и желуток. Ср. пск. *белуто́к* и *белудо́к*;[26]

2) ‘глазной белок’: Режет пониже белутка. Ср. пск. *белуто́к*;[27]

3) мн. ‘глаза’ (в экспрессивно окрашенной фразе): Белутки-то вывалила.

Тот, кто помнит это слово, старается подчеркнуть, что сейчас оно забывается. Одна из собеседниц сказала: Белутки не помню, когда слыхала, пожилые, верно, говорят, когда девушкой была (сейчас ей 75 лет).

Интересно отметить, что в псковских говорах это слово распространено широко, о чем свидетельствуют многочисленные примеры в «Псковском областном словаре»,[28] не сопровождающиеся какими-либо ограничительными пометами.

* * *

Рассмотренными примерами не исчерпывается круг слов, перешедших в пассивный запас в княщинском говоре, известных или

---

[22] Словарь русских народных говоров, вып. II. М.—Л., 1966.
[23] И. И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
[24] Там же.
[25] Словарь русских народных говоров, вып. II.
[26] Там же; Псковский областной словарь, вып. I. Изд. ЛГУ, 1967.
[27] Словарь русских народных говоров, вып. II.
[28] Псковский областной словарь, вып. I.

сохранившихся в памяти лишь отдельных носителей традиционного говора.

Изменения затронули разные тематические группы лексики. Оттесняются на второй план не только слова, называющие выходящие из употребления реалии (*корец*, *приуз*, *матка* и т. п.), но и другие названия, вытесняемые литературными синонимами (*назем*, *кричина*, *удоробье* и т. п.). Эти слова уже не являются средством общения для широкого круга говорящих. Они представляют собой осколки старой исчезающей диалектной системы. Как таковые, они не все могли бы стать предметом описания, если бы их выявлению в современном говоре не способствовали ранее созданные источники диалектной лексики этого говора.

Очевидно, роль старых источников диалектной лексики при собирании материала в современных условиях должна все более возрастать по мере дальнейшего разрушения диалектных лексических систем, перемещения большего количества диалектных слов в пассивный лексический запас говора, по мере того как эти слова становятся все менее доступными собирателям, хотя еще и не утрачены говором. Проверка ранее собранных сведений позволяет выяснить дальнейшую судьбу диалектных слов.

В пассивном запасе княщинского говора (как и в других говорах) существуют две группы лексики с точки зрения ее употребительности.

1. Слова, которые свободно употребляются говорящими в рассказах о прошлом, в воспоминаниях. В рассказах на современные обыденные темы их можно не встретить.

2. Слова, которые вспоминаются информантами, если эти слова назвать. Вне этой ситуации рассчитывать на их появление в речи сейчас невозможно: они вытеснены литературными синонимами. Причем употребление слова в речи, его семантика не оставляют сомнения в том, что воспроизводится старое диалектное слово. Таких слов много. Они постепенно забываются в среде данного коллектива. Не случайно собирателям часто приходится слышать: «Вот если бы вы приехали пораньше, вам старых слов наговорили бы старики, мы не знаем».

В связи с происходящими в лексике изменениями правильность показа в областном словаре места слова в лексической системе говора зависит от правильности оценки его при собирании материала. Большее внимание должно быть уделено всякого рода комментариям, пометам относительно того, как слово функционирует в речи. В самом деле, одна лишь фиксация слова *кричина*, например, может создать ложное представление о том, как это слово сейчас функционирует в говоре. В действительности оно уже вытеснено словом *льдина* и в повседневном употреблении его вряд ли встретишь. Но ограничиваться фиксацией только

льдины тоже нельзя, так как это исказит историческую перспективу и не отразит время перестройки лексической системы говора в данном ее звене.

Привлечение старых источников при собирании диалектной лексики в наши дни необходимо потому, что собирателям сейчас приходится иметь дело с теми информантами, которые вообще меньше употребляли диалектных слов по сравнению с их предшественниками. Они владеют значительной частью этого материала пассивно. Такое состояние определенной части диалектной лексики может длиться очень долго. То, что, по наблюдениям диалектологов, в 30-е годы приобрело тенденцию к исчезновению, еще сохраняется нередко в пассивном запасе в наши дни.

О. Г. ПОРОХОВА

Лексика с неполногласием и полногласием в былинах

В статье рассматривается употребление слов с неполногласием и сооветствующих им полногласных форм в былинах в записях разного времени (с XVII по XX в.).[1]

Поскольку в период со второй половины XVIII по XX в. носителями устной народной поэзии являются преимущественно крестьяне, в этот период ее язык может изучаться как одна из сфер (хотя и особая) диалектной речи.[2] Однако в более ранние периоды существования восточнославянского фольклора, когда он был принадлежностью очень разных социальных слоев общества, в том числе далеких от крестьянства, принадлежащих к наиболее образованным слоям городского населения, его язык — одна из областей применения наддиалектного народно-литературного языка. Истоки и начало нормализации этой формы языка, сложившейся на народно-речевой основе и связанной с различными сферами социально-политической и культурной жизни древнерусского общества, уходят в древнейший, дописьменный период.[3] Древняя восточнославянская народная поэзия в настоящее время изучена очень мало. Однако ясно, что чем более единой становится социальная принадлежность носителей фольклора, тем более язык народной словесности сближается с их бытовым языком. Вместе с тем в каждом ее жанре консервировались древние языковые особенности, становящиеся традици-

[1] В работе анализируются преимущественно былины с сюжетами, которые известны по записям XVII—XVIII вв. Другие привлекаются, как правило, лишь для сравнения.

[2] Именно так рассматривается устная народная словесность в работах А. П. Евгеньевой, Л. И. Баранниковой и др.

[3] О существовании древнейшего восточнославянского устного народно-литературного языка говорят многие ученые (А. А. Шахматов, Ф. П. Филин, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов, Д. С. Лихачев и мн. др.). См. о нем и его изучении в кн.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

онными, специфичными именно для этого жанра. С течением времени, накапливаясь, они отличали язык того или иного жанра фольклора не только от бытовой речи крестьян, но и от нефольклорного языка в целом. Как известно, в былинах — одном из наиболее значительных древних и «высоких» жанров устной словесности, имеющем очень устойчивые художественные и языковые традиции, — достаточно элементов, отличающих их язык как от современного обиходно-бытового языка крестьян, так и от современного литературного языка. Они присутствуют, как правило, в традиционных частях текста, т. е. частях, повторяющихся без изменения во многих былинах. Сохранение и постоянное воспроизведение устойчивых языковых оборотов не только обеспечивает единство былин при их неоднократном повторении, но и является одним из художественных средств этого жанра.

Давно замечено, что в былинах употребляется большое количество лексики с неполногласием, однако до сих пор остается неясным, каким образом слова с неполногласием, являющиеся принадлежностью прежде всего сфер письменного языка, проникают в произведения устного народного творчества, особенно в значительном количестве именно в былины.

Исследователи языка фольклора и диалектов еще никогда не касались также вопроса о конкретном характере использования лексики в неполногласной и полногласной форме в фольклоре и о соотношении ее употребления здесь и в диалектной бытовой речи. Последнее могло начать разрабатываться только после того, как было установлено наличие лексики с неполногласием в обиходной речи диалектов.[4] Сопоставление характера употребления лексики с неполногласием и полногласием в былинах, бытовой речи диалектов и письменном языке разных эпох и является предметом рассмотрения в настоящей статье.

Исследователи полагают, что к периоду появления старославянского языка на Руси народно-литературный устный восточнославянский язык имел уже долгую историю. Он обслуживал различные области социально-политической и культурной жизни (дипломатические, юридические, обрядовые и др.). В отличие от языка бытового народно-литературный язык был определенным образом нормализован и литературно обработан и во многих случаях исключал диалектные элементы. Язык народной поэзии — одна из наиболее прогрессивных его сфер, сближенных с живым бытовым языком, отражающая изменения последнего, хотя и имеющая свои специфические особенности. В лексике они выражались в устойчивом употреблении и художественном использова-

[4] О наличии лексики с неполногласием в диалектах см. в наших статьях «О лексике с неполногласием и полногласием в русских народных говорах», ч. I (в сб. «Диалектная лексика. 1969», Л., 1971) и ч. II (в сб. «Диалектная лексика. 1971». Л., 1972). Здесь же о работах, касающихся этого вопроса.

нии ряда слов и словосочетаний, устаревших в нефольклорном языке. С приходом на Русь письменности, а иногда, видимо, и раньше, в результате общения с древними болгарами народно-литературный язык как в устном, так позднее и письменном варианте начинает пополняться средствами древнеболгарского и церковнославянского языков, среди которых была лексика с неполногласием. Обогащение народно-литературного языка лексикой с неполногласием происходило также через разговорный язык городов — городские койне.

Устная народная поэзия как одна из сфер языка художественного общностью своего художественного метода тесно связана со всеми литературными произведениями древнерусской письменности независимо от типа языка, на котором они написаны. «Древнерусский этикет» свойствен не только литературе, но и всему древнерусскому искусству в целом.[5] Литературный этикет — это употребление условных устойчивых языковых формул, характерное как для письменной литературы, так и для устного народного творчества. В результате этой общности фольклор и письменная древнерусская литература взаимодействуют в развитии своих художественных методов. Кроме того, они имеют взаимные сюжетные заимствования.[6]

Заметим, что тесный и многосторонний контакт фольклора и письменности, длящийся в течение нескольких веков, вплоть до образования русского национального языка, имел большое значение для развития и нефольклорного языка. Многие ученые (Ф. П. Филин, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов и др.) указывают на большую роль языка народной словесности как языка наддиалектного не только в выработке разговорных городских койне, но и в формировании языка восточнославянской народности в целом.[7]

В период XVII—XX вв., от которых сохранились записи былин, характер существования былин очень изменяется.[8] В XVII—начале XVIII в. они еще жили, как в древности, в разных социальных кругах, а также имели исполнителей-профессионалов — скоморохов, которые являлись и их переносчиками на различные территории русской земли. Жанр былин в эти эпохи переживал еще период расцвета, хотя новые сюжеты уже, по-

---

[5] Д. С. Лихачев. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. — Тр. Отд. древнерусск. литер. Ин-та литературы, т. XX. М.—Л., 1964; В. П. Адрианова-Перетц. Историческая литература XI—начала XV вв. и народная поэзия. — Тр. Отд. древнерусск. литер. Ин-та литературы, т. VIII. М.—Л., 1951.

[6] См.: Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970.

[7] См. об изучении этого вопроса в кн.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи. . ., сс. 24—25 и др.

[8] См.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. М.—Л., 1953; т. II. М.—Л., 1955; В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955; А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. Л., 1966, и др.

видимому, не создавались. Во второй половине XVIII в. былины все более оттесняются на периферию русской земли — ее Север и Юг, живые традиции их исполнения остаются лишь в среде крестьянства и городского мещанства, исполнители-профессионалы исчезают. В середине XIX в. былины сохраняются в среде северного крестьянства и южного казачества, но уже в конце века, в связи с проникновением капиталистических отношений в деревню, начинается упадок этого жанра, который стал осознаваться только пережитком старины. В XX в., особенно после Октябрьской революции, происходит полное разложение былинного жанра, обусловленное разными, прежде всего социальными, причинами: коренными социальными преобразованиями деревни, проникновением в деревню новой городской культуры и т. п.

Следовало бы рассматривать отдельно материал, относящийся к языку былин к записях разных веков. Однако древнейшие из них, относящиеся к XVII и XVIII вв., очень немногочисленны и могут дать интересные сведения большей частью только при сопоставлении с текстами более позднего времени, представленными, как известно, в большом количестве. Поэтому в статье анализируются вместе записи былин разных периодов, хотя при этом всегда учитывается их своеобразие.

Большое значение для изучения нашей темы имеет рассмотрение лексики в традиционно повторяющихся формулах. Сопоставление лексики традиционных мест в записях былин разного времени наиболее определенно покажет характер изменения ее употребления.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Сложный вопрос, не получивший в некоторых случаях окончательного решения, о том, являются ли тексты былин XVII—XVIII вв. пересказами былин с литературно-книжной обработкой или точными записями устного их исполнения, имеет к нашей теме прямое отношение, так как литературная обработка вносила в тексты былин значительное количество книжной лексики, в том числе, конечно, и слов с неполногласием.[9] Однако уже сейчас с достаточной определенностью выяснено, что среди записей былин XVII в. есть тексты, очень близкие к оргиналу, являющиеся записью с голоса или по памяти.[10] Следовательно, особенности использования в них лексики с неполногласием и полногласием сохранены. Из записей XVIII в. только былины сборника Кирши

[9] Определению того, какие из неполногласных форм, встречающихся в записях былин XVII—XVIII вв., являются позднейшими книжными напластованиями, могло бы помочь исследование ритмики их стиха. Изучение этого вопроса — особая задача.

[10] См.: Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв. М.—Л., 1960. Здесь приводятся все существующие мнения исследователей по этому вопросу. Тексты былин, из которых нами взяты только наиболее достоверно близкие к устному исполнению, исследуются по этому изданию и указанному ниже изданию Сборника Кирши Данилова.

Данилова,[11] видимо, достаточно близки к устному исполнению былин. Этот сборник был переписан с текстов, которые являлись частично записью с голоса, частично пересказами устного исполнения. Только в отдельных случаях здесь встречаются тексты, переписанные из книг.[12] Вместе с тем лишь в XIX в. появляются записи, предусматривающие точность воспроизведения текста, записываемого непосредственно с устного исполнения, и содержащие сведения о личности исполнителя.

Сравнением территориального своеобразия использования в былинах лексики с неполногласием и полногласием мы не занимались[13] и потому из записей XIX—XX вв., когда живое исполнение былин остается преимущественно на Севере в среде крестьян, а также у южного казачества, мы привлекаем к рассмотрению только северные. На Юге былины получают особые формы исполнения с музыкальным аккомпанементом. Кроме того, былины на Юге по своим сюжетам далеки от былин древних записей. Важно также и то, что северные былины имеют наиболее точные, классические в этом смысле записи (Гильфердинга, Рыбникова и др.).

Ниже предлагается список, в котором показываются все случаи употребления лексики с неполногласием и полногласием в изученных нами записях былин XVII—XVIII вв. Примеры лексики из записей былин XIX—XX вв. будут даваться в тексте исследования.[14]

XVII в. Былина об Иване Годиновиче (считается записью с устного исполнения)[15] — н е п о л н о г л а с и е: ко стольному

---

[11] Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М.—Л., 1958.

[12] Б. Н. П у т и л о в. Сб. Кирши Данилова и его место в русской фольклористике. — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М.—Л., 1958, с. 537.

[13] Использование в былинах большего или меньшего количества слов с неполногласием и полногласием обусловлено, видимо, не лингвогеографическими, а социальными и стилистическими причинами. Следует также иметь в виду, что лексика с неполногласием в говорах появилась в результате контактов с книжным языком, а лексика с полногласием, отсутствующая в литературном языке, в диалектах является остатком элементов, бывших ранее общевосточнославянскими. Это дает возможность утверждать a priori, что определенной, единой, четко ограниченной территории их употребления в говорах установить будет невозможно.

[14] Нами использованы материалы из следующих сборников: А. Ф. Г и л ь ф е р д и н г. Онежские былины. Сб. ОРЯС, т. LIX. СПб., 1894; т. X. СПб., 1896; т. LXI. СПб., 1900; П. Н. Р ы б н и к о в. Песни, т. I. М., 1861; т. II. М., 1862; т. III. Петрозаводск, 1864; т. IV, СПб., 1867; А. Д. Г р и г о р ь е в. Архангельские былины и исторические песни, собр. в 1898—1901 гг., т. I. М., 1904; т. III. СПб., 1910; А. М а р к о в. Беломорские былины. М., 1901; Н. Е. О н ч у к о в. Печорские былины, т. I. СПб., 1904; Былины Севера, т. I. Мезень и Печора. М.—Л., 1938; Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941; Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи). М.—Л., 1961.

[15] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв., № 43.

граду ко Киеву (1 раз), перстни злаченые, лань златорогая, буйна глава, здраво; полногласие: молод (молодый) Иван Годинович, молода Настасья, под городом Черниговом, поедем мы ко городу, добрые молодцы, молодой молодец, ворота стекольчатые, приворотнички, дружина хоробрая, головы не отстал, волосы долгие.

Отрывок неизвестной былины об Алеше Поповиче (возможно, тоже запись с голоса) [16] — неполногласие: млад Алеша Попович, меду сладкого, здравие; полногласие: корова.

Былина о Михаиле Потоке (текст записан с голоса или по памяти) [17] — неполногласие: град (многократно в препозиции и постпозиции) — в славном граде Киеве, во Киев град, ко граду Киеву и под., меды сладкие, владыку; полногласие: стена городовая, Золотая Орда, золота казна, в полон возьму, сторожа крепкая, громким (человеческим) голосом, похороня его.

Былина о Ставре Годиновиче (запись с литературной обработкой) [18] — неполногласие: стольный град Чернигов (1 раз); полногласие: грозен посол, молод Василий Иванович (многократно), платье дорогоценное, головы сломил, молодецкая потеха (и постпозитивно), колечка позолоченная.

XVIII в. Былина об Иване Годиновиче [19] — неполногласие: град в постпозиции (Киев град); полногласие: во стольном во городе во Киеве и под., молоды Иванушка Годинович, молодец, молода (молодая) жена, голова, дружинушка хоробрая, голос.

Былина о Михаиле Потоке (1-й вар.) [20] — неполногласие: град постпозитивно (Киев град), здравствуй; полногласие: во городе во Киеве, молод Добрыня Никитич и под., молода (молодая) жена, молодец, голова, головушка, голос, золото, бережок, похоронили, деревянный крест.

Былина о Михаиле Потоке (2-й вар.) (копия)[21] — неполногласие: град (пре- и постпозитивно), меды сладкие, в ограде класть; полногласие: во всем городе Киеве (1 раз), всем городом отдали, золота казна, Золотая Орда, в полон взять, сторожей крепких, громким (человеческим) голосом, похороня его.

Былина о Михаиле Потоке (3-й вар.) (копия) [22] — то же соотношение, только в одинаковом сочетании один раз полногласная форма, в другом — неполногласная: во

---

[16] Там же, № 27.
[17] Там же, № 37.
[18] Там же, № 45.
[19] Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. сс. 97—105.
[20] Там же, сс. 148—155.
[21] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв., № 39.
[22] Там же, № 40.

всем городе (граде) Киеве, и один раз употреблено не человеческий голос, а глас, см. также не сторожей, а сторожа.

Былина о Михаиле Потоке (4-й вар.) (копия) [23] — неполногласие: во славном граде Киеве, от града Киева и под., громким (человеческим) гласом (5 раз), меды сладкие; полногласие: ежживал по городам купчиной (1 раз), громким богатырским голосом (1 раз), хоронятся, Золотой Орды, в полон возьму, сторожи крепкие.

Былина о Михаиле Потоке (5-й вар.) (копия с копии) [24] — неполногласие: град (многократно), меды сладкие, платье драгоценное, граждане; полногласие: золота казна, Золотая Орда, сторожа крепкая, человеческим (богатырским) голосом, в полон возьмем, похороня его, золото волоченое, на восточную сторону.

Былина о Ставре Годиновиче (1-й вар.) (список с более древнего оригинала, который был записью с голоса) [25] — неполногласие: млад посол (млад) Василий Иванович (многократно), стольный град Чернигов (и постпозитивно); полногласие: молода жена, золото аравийское, золота казна, волосы женские, кудри молодецкие, потеха молодецкая, маковка у шатра золотая, плащи золотыя, колечко золотое, здоровье, хоромы опришенные.

Былина о Ставре Годиновиче (2-й вар.)[26] — неполногласие: град (постпозитивно), крюки по булату злачены; полногласие: во стольном было во городе во Киеве, города Киева, молода жена, волосы женски (долги), добры (удалы и др.) молодцы, золотые тавлеи, дальняя орда — Золотая земля, ворота, поздоровались, голова, кольцо позолоченное.

Былина о Михаиле Даниловиче (копия с записи изустной) [27] — неполногласие: во стольном граде Киеве (8 раз) и постпозитивно Киев-град (многократно), млад Михаил сын Данилович (многократно), меду сладкого, злат венец, злата казна, на главу свою, ограда каменная, драгоценное платье; полногласие: из города Киева (1 раз), буйная голова, молодец, богатырь хоронится, в Золотой Орде, в сторону, шатру полотняному, шелом, племя развел.

Былина об Илье Муромце (1-й вар.) (копия, близкая к прототипу устной записи) [28] — неполногласие: во славном граде Морове (многократно, в том числе постпозитивно) и под., громким гласом, через ограду каменную; полногласие:

---

[23] Там же, № 41.
[24] Там же, № 36.
[25] Там же, № 44.
[26] Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым, ос. 90—97.
[27] Былины в записях и пересказах XVII—XVIII вв., № 28.
[28] Там же, № 1.

которого ты города ? (дважды, но в ответе на этот вопрос неполногласие: уроженец града Морова), в полон взять, добрый молодец, золота казна, четыре стороны.

Былина об Илье Муромце (2-й вар.) (запись, близкая к устному исполнению) [29] — неполногласие: град (постпозитивно, препозитивно и в свободном употреблении — в вопросе и ответе: которого ты града?); полногласие: добра молодца, золота казна, в полон взять.

Былина об Илье Муромце (3-й вар.) (книжная переработка) [30] — неполногласие: град препозитивно; полногласие: препозитивно в славном городе Муроме и под., в том числе в вопросах: давно ль из города? и ответах: уроженец города Мурома, молодец, молодого жеребчика, золотая казна, крест золотой, полонить, в полон взять, на все четыре стороны.

Список слов с неполногласием и полногласием, употребляющихся в записях былин XVII—XVIII вв., показывает одно чрезвычайно интересное обстоятельство. Среди записей былин, текстуально близких к устному исполнению, имеются такие, в которых содержится большее количество лексики с неполногласием, чем в записях, считающихся копиями (ср. былину о Ставре Годиновиче — XVII в., о Михаиле Потоке — XVIII в., 5-й вар. с преобладанием полногласия, хотя в них более вероятно позднейшее привнесение лексики с неполногласием в результате неоднократности переписывания текста). Это является еще одним подтверждением того, что в записях былин уже с XVII в. проявлялось стремление сохранить особенности языка текста подлинника, в том числе полногласную или неполногласную огласовку слов.

Переходя к рассмотрению конкретного материала лексики былин, обратим внимание на то, что среди лексики с неполногласием и полногласием, встречающейся в записях былин, имеются слова, использующиеся в свободном употреблении, т. е. вне каких-либо устойчивых для былин или фразеологически обусловленных лексических сочетаний, а также слова, как правило, встречающиеся именно в составе таких сочетаний или с определенным, достаточно замкнутым кругом слов. При анализе материала мы будем конкретно указывать, какой характер связи с другими словами имеет то или иное слово.

В записях былин среди лексики с неполногласием и полногласием имеются слова, использующиеся здесь только в какой-либо одной — полногласной или неполногласной форме. Другие слова известны в былинах в той и другой форме.

Остановимся сначала на первой группе слов. Постоянство употребления их только в одной — полногласной или неполно-

---

[29] Там же, № 2.
[30] Там же, № 10.

гласной форме в одних случаях является следствием закрепления или преобладания такой формы во всех сферах русского языка (часто в связи с семантическим ее расхождением с другим словом пары), в других — результатом установления традиции исключительного использования одной из древних форм именно в былинах.

Рассмотрим слова, которые используются в былинах только в одной форме в результате ее закрепления в соответствующем значении в русском языке в целом. При этом другие, параллельные им формы, как правило, сначала в древнерусском языке также существовали, но потом были утрачены, хотя в диалектах в некоторых случаях они остаются до настоящего времени. Такие слова используются в былинах обычно в свободном употреблении, т. е. вне каких-либо устойчивых или привычных для былин сочетаниях, хотя иногда встречаются и в традиционных оборотах.

Только в полногласной форме известно в былинах (в записях XVIII—XX вв.) слово *похоронить*. В письменном языке еще в XVII в. параллельно с полногласной формой могла употребляться и неполногласная — *похранить* с характерным для этого времени жанровым или контекстуальным их делением.[31] Исследователи предполагают, однако, что слова с корнем *хран-* в таком значении какое-то время были известны и в разговорном языке.[32] В XVIII в. в письменности неполногласная форма нам уже неизвестна.[33] В языке былин прочно укрепилась наиболее устойчивая в языке — полногласная форма, соответствующая позднейшей литературной.

В бытовой речи диалектов в некоторых случаях слова с корнем *хран-* сохранились даже в XX в. См. запись 1937 г. (Мышк. Яросл. — в говоре костромской северной группы): Марью-то

---

[31] Е. М. Иссерлин. Слова с полногласием и неполногласием в литературном языке второй половины XVII в. — В кн.: Сб. трудов Московск. заочного полиграф. ин-та, вып. 6, 1958, сс. 203—205.

[32] См. о том, что слово *схранить* употребляется в древних летописях в «речах» князей, т. е. в разговорном языке определенных социальных кругов: Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи. — В сб.: Памятники древнерусской письменности. М., 1968, с. 84. Здесь же см. о методике выявления фактов живой речи в прямой речи летописей.

[33] Сведения о характере употребления лексики в различные периоды извлечены из «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. I. СПб., 1893; т. II. СПб., 1895; т. III. СПБ., 1903), картотек древнерусских словарей Института русского языка (Москва): Краткого словаря языка XI—XVII вв. (ДРС) и Словаря древнерусского языка XI—XVI вв. (названия древнерусских памятников даются в сокращениях, принятых в этих источниках); картотек русского языка Института языкознания АН СССР (Ленинград): Картотеки Словаря русского языка XVIII в., Картотеки лексики русского литературного языка XIX—XX вв., Картотеки Словаря русских народных говоров. Использованы также толковые словари русского языка.

похранили в среду (КОС).[34] Однако здесь значительно преобладает форма с полногласием, а источником неполногласной, возможно, является церковнославянская лексика, связанная с религиозно-церковным культом.

Прилагательное *сладкий* употребляется в устойчивом для былин сочетании *меды сладкие*, в котором оно является постоянным эпитетом и никогда не заменяется параллельной полногласной формой. *Сладкий* в значении 'сладкий' уже с древнейшего времени было употребительным во всех сферах языка,[35] хотя полногласное *солодкий* сохранилось как единственная возможная форма в украинском языке и изредка встречается еще в XVII в. в русских деловых памятниках. В XVIII в. в русской письменности *солод-* употребляется уже только в значении, связанном с солодом (см. *солод*, *солодеть* и под. в современных значениях). В говорах XIX—XX вв. имеется большое количество слов с корнем *слад-* в значении 'сладкий', многие из которых неизвестны в современном литературном языке: *сладкоед*, *сладкомордый* (привередливый в еде), *сластена*, *слащавый* (сладковатый), *сладимый* (сладковатый), *сладить* (сластить), *слажать* (становиться сладким), *сладчить*, *сластить*, *сластунья* (женщина, любящая сладкое) и т. д. Это также подтверждает, что корень в неполногласной огласовке рано входит во все сферы древнерусского и русского языка. Однако в говорах в значении 'сладкий' до сих пор используется и слово с полногласием — *солодкий* (Брян. Орл., 1902. Ягодки солодки. Смол.—КОС), *сладко* и *солодко* 'сладко' (Опоч. Пск., 1855 — КОС), *солоденький* 'сладенький', *солодить* 'сластить' (Невельск. — ПОС), *солодимый* 'имеющий сладковатый привкус': Мне вот давали медвежину кровь пить. . . Я ее гребую, она какая-то солодимая (ДОС) и т. д. Обратим внимание на то, что слово с полногласием известно в основном в говорах русского Юга и Запада, т. е. на территориях, близких к Украине и Белоруссии, где такая форма сохранилась и в литературном языке.

В былинах с XVIII в. употребляется только полногласная форма слова *хорониться* в значении 'прятаться'. В этот период форма *хорониться* уже разделилась с неполногласной семантически и в письменном языке (*хорониться* 'прятаться, скрываться от кого-либо', *храниться* 'сохраняться, сберегаться от опасности, утраты, потери').[36] Однако в говорах отсутствие разделе-

[34] КОС — материалы картотеки Словаря русских народных говоров Института языкознания (Ленинград), в работе используются также картотека Псковского областного словаря ЛГУ (ПОС) и Картотека Словаря д. Деулино Рязанского района Рязанской обл. (Институт русского языка, Москва) (ДОС).

[35] См. о его раннем проникновении в восточнославянский язык, например: Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

[36] См. в Картотеке русского языка XVIII в.: Червячки зная своих неприятелей (пчел) далеко под плевы хоронилися, так что их с трудом доста-

ния семантики этих форм существует до настоящего времени.[37]

Только в неполногласной форме в записях былин XVIII в. выступает слово *ограда* ‘забор, стена, решетка’: В ограде класть в могилу (былина о Михаиле Потоке, 2-й вар.). Слово *ограда* в этом значении известно издревле в разных жанрах письменности, есть оно и в диалектах.[38]

Встречающееся в записях былин XVIII—XX вв. слово *граждане* ‘лица, пользующиеся всеми правами государства’ имело в древности параллельную семантически идентичную форму *горожане*, которая в нефольклорном языке примерно с XV в. была потеснена неполногласной формой и продолжала сохраняться только в новом для нее значении ‘жители города’. Слово *граждане* в значении ‘жители города’ в литературном языке также могло употребляться вплоть до последней четверти XIX в.

В былине о Михаиле Потоке (5-й вар., XVIII в.) *граждане* употребляется в первом значении: И великий князь взговорит таково слово: Ой еси вы, граждане и все мужики киевляня, думайте да не продумайтесь. В других вариантах XVIII в. былины обращение князя сформулировано иначе: Ой еси, князи и бояря, думайте накрепко да не продумайте или под. Сопоставив эти примеры, можно предположить, что в первом из них гражданами называются только князья и бояре. Однако, видимо, слово *граждане* могло употребляться в былинах и в значении ‘жители города’: И приехал Илья Муромец в Чернигов град, И выходят от заутрени, И спрашивал он у граждан у черниговцев (Рыбников, II, 5). Таким образом, значения этого слова в былинах соответствуют литературному языку. Известно оно и в говорах XIX—XX вв.[39]

Сторона в значении ‘бок, сторона’ в известных нам записях былин с XVII по XX в. обычно употребляется только в полногласной огласовке. См. в XIX в.: Приходили оны к мужику оны Ко Викулы ко Сеятелевичу, А хотят соху бросить в сторону, А не могут-то сохи поднять (Гильфердинг, III, 4).[40] В этом бы-

---

вать можно было (Лепех. Путеш., ч. I, 1771). Ср.: Проезжают то место по ночам и зело хоронятся, отнюдь не спят и не дремлют (Путеш. П. А. Толстого, 1697—1699).

[37] См. в современных псковских говорах: *хоронять* ‘охранять’: Я кладбище хороняю (Самохв. — ПОС).

[38] О слове *ограда* в диалектах см. еще в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием. . .», ч. II.

[39] См. об изучении слова *гражданин*, а также об его употреблении в русских говорах в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием. . .», ч. II.

[40] Ср. встретившийся нам случай употребления (в записях XIX в.) в этом значении неполногласной формы: Своротилось главище на праву страну А ще тулово да на левую (Гильфердинг, II, 210). Употребление слова *страна* диктуется здесь ритмикой стиха.

лины отличаются от древнерусского письменного языка. Еще в XVII в. в памятниках письменности в значении ‘бок, сторона’ могло быть употреблено как слово *сторона*, так и *страна*, при этом без особого жанрово-контекстуального деления. Например: По обѣимъ странамъ рѣки. . . і по инымъ стороннимъ рекамъ живут государские люди Руские (Опис. Сибири, с. 378); Начаша же къ городку приступати со всехъ странъ (Есиповская летопись по Сычевскому сп., с. 152) — с разночтениями *сторона* в трех побочных списках.[41] В начале XVIII в. слова *сторона* и *страна* также были дублетами, но позже неполногласная форма в этом значении используется только в памятниках высокого стиля.[42] Только в XIX в. для всех сфер языка, в том числе диалектов, в значении ‘бок, сторона’ становится обычным слово *сторона*.

Рассмотрение слов, употребляющихся в былинах только в какой-либо одной — полногласной или неполногласной форме, соответствующей форме современного литературного языка, показывает, что в языке былин, обычно в частях текста, не связанных с традиционными оборотами, отражались изменения, происходящие в нефольклорном языке. Уже в былинах ранних записей используются те формы некоторых слов, которые стали нормой только в позднейшем литературно-национальном языке (*похоронить*, *сладкий*).

Если у форм с полногласием и неполногласием происходит семантическая специализация, в языке былин быстро устанавливается четкая определенность использования таких форм (*хорониться* ‘прятаться’, *ограда* ‘изгородь около могилы’, *сторона* ‘бок, сторона’). В этом язык былин отличается от обиходно-бытового языка диалектов, где до настоящего времени существуют обе формы слов, иногда в лексической системе одного говора.

Таким образом, упорядочение употребления некоторых лексических вариантов в былинах могло происходить раньше, чем в других сферах языка, в том числе и в языке письменном.

Вторая из указанных нами подгрупп лексики, использующейся в былинах только в одной форме, отличается от первой тем, что входящие в нее (обычно полногласные) слова употребляются в былинах в форме, вышедшей из употребления в общенародном языке. Эти слова употребляются в словосочетаниях,

---

[41] Цит. по: Сибирские летописи. СПб., 1907.

[42] Материалы Картотеки русского языка XVIII в. показывают, что в начале века обе формы используются как дублеты, в том числе в деловой письменности и в словарях. См.: Русско-голландский лексикон 1717 г.: На той стране (стороне); в Примечаниях к Ведомостям 1729 г. (О прибывании воды в Неве): На страну, с которой ветер веет. Ср. в середине XVIII в. в сочинениях высокого стиля: Их острые мечи как молнии сверкали. . . Они, покинув нас, во все страны текли (Сумароков, Гамлет) и под.

www.ruslang.ru

которые первоначально известны и в общенародном языке как обозначения определенных реалий или как устойчивые обороты, но потом здесь утрачены или трансформировались.

Слово *городовой* 'городской' употребляется в исследованных нами былинах часто в сочетании *стена городовая*. Известно в записях былин XVII—XX вв.[43] Неполногласная огласовка для этого прилагательного в русском языке всегда была неупотребительна. Сочетание *стена городовая* в значении 'стена, возводившаяся для обороны древнего города' обычно для древнерусских памятников (здесь же имеется сочетание *городовая крепость*). Например: Степью городовая стѣна камена зделана кирпичная (Опис. Сибири, с. 383). Таким образом, в записях былин XVII в. сочетание *стена городовая* — еще живое явление языка. В XVIII—XIX вв. лексическая сочетаемость слова *городовой* в литературном языке очень расширяется, оно часто употребляется в административной терминологии: *городовой магистрат*, *городовое положение*, *городовой* (в значении существительного) и др., а сочетание *городовая стена* как обозначение реалии, переставшей быть актуальной, делается неупотребительным. В записях фольклора XIX в. сочетаемость слова также довольно широка. См. в былинах кроме сочетания *стена городовая*: Силушка стоит городовая, Силушка стоит армия (Гильфердинг, II, 128), ворота городовые (Ончуков, Печорские былины, 67), пьяница городовая (Гильфердинг, I, 169). В XX в. слово *городовой* 'городской' в литературном языке устаревает, здесь возобладало слово *городской*. Однако в говорах оно употребляется достаточно широко с разными существительными, но не со словом *стена*: городовой хлеб, человек (Трубч. Брян., 1957 — КОС), городовая жизнь (ПОС, 1962) и под.

Таким образом, в записях былин XVIII—XX вв. *стена городовая* — уже только традиционно использующееся сочетание, обозначающее реалию древнего времени.

Сочетание *сторожа крепкая* (реже *сторожи крепкие*) в значении 'группа вооруженных людей, несущая охрану', являющееся термином, также употребляется в записях былин с XVII по XX в.

Слова *сторожа* и *стража* известны в памятниках с древнейшего времени. Они имеют значение охраны, как военной, так и невоенной, и разделяются в употреблении жанрами или тематикой окружающего контекста. В летописях используются оба слова, хотя господствует здесь полногласная форма,[44] которая

---

[43] См. примеры употребления в записях былин XIX в.: Гильфердинг, I, 44; Рыбников, I, 63; XX в.: Былины Пудожского края, 1941; Ставер, исп. Ремезов; Былины Печоры и Зимнего берега, 1956; Нарьян-Мар, Иван Годинович, исп. Пономарев, и под.

[44] См. об этом: Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке. Л., 1970, с. 125.

в некоторых значениях является единственной.[45] То и другое слово может использоваться в сочетании с прилагательным *крепкий*,[46] однако и в нем преобладает употребление слова в полногласной форме. В XVIII в. слово *сторожа* имеет живое употребление в деловых и повествовательных памятниках, в том числе в сочетании *сторожа крепкая*.[47] По данным Картотеки русского языка XVIII в. в конце века сочетание *сторожа крепкая* выходит из употребления, а слово *стража* становится употребительным во всех жанрах.[48] Именно с этого времени сочетание *сторожа крепкая* делается в былинах традиционным.

В бытовой речи говоров слово *сторожа* известно и в XX в., но употребляется вне сочетания со словом *крепкий*: *сторожа* 'стража' — Смол., 1914. Пск., Смол.; 'очередь сторожить' — Покр. Влад., 1910. Яросл.; 'отряд для охраны' — Симб.; 'доска, прибитая к длинной палке, используемая сторожем как било' — Ростов. Яросл. (КОС) и др.

В записях былин XVII—XX вв. имеется терминологическое сочетание *взять в полон* 'взять в плен', в котором слово *полон* употребляется всегда в полногласной форме. В древнерусских памятниках письменности известны обе формы существительного — *плен* и *полон*.[49] Они не имеют четкого стилистического деления.[50] Однако в сочетании *в полон взять* даже в XVIII в. обычна именно полногласная форма существительного.[51] Таким образом, для былин XVII—XVIII вв. сочетание *взять в полон* — живое явление языка. В XIX в. в этом сочетании в литературном языке начинает употребляться неполногласная форма. В былинах продолжает бытовать и позднее только сочетание со словом в полногласной форме — *взять в полон*, которое становится здесь традиционным. В говорах известна и та и другая форма. *Полон*, видимо, забывается. См. его употребление с не-

---

[45] См. об исключительности полногласной формы в некоторых значениях: там же, с. 126.

[46] Поставили на крѣпку сторожу от поганыхъ (Мам. поб. — Сл. Срезневского); За крепкими стражама (Каз. лет. — ДРС).

[47] Учинить заставы и сторожи крепкие (ПЗС); За крепкими сторожами (Чулков, Пригожая повариха).

[48] В первой половине века оно известно в сочинениях высокого стиля — Тредьяковского, Эмина, Петрова: Где стражи очеса и под., а позднее — у Богдановича, Капниста, Радищева: Взять под стражу.

[49] О соотношении употребления этих форм в древнерусских памятниках письменности см. в кн.: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л. 1949, сс. 86—97.

[50] См. об этом: Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика. . ., с. 94.

[51] Сочетание *в полон взять* широко употребляется в первой и второй трети XVIII в. в сочинениях повествовательного и делового жанра (Пам. Сиб. ист., Петр. I, Ведомости и под.). Слово *плен* в этот период также достаточно известно, однако оно чаще встречается в памятниках высокого стиля (Тредиаковский, Ломоносов, Петров) и обычно в других сочетаниях (например, *вовлечь во плен*).

обычной сочетаемостью: Мы сюда приехали, как в полон ввалились (Остров. — ПОС, 1961).

Дружина хоробрая. Полногласная форма прилагательного *хоробрый* характерна в былинах именно для этого сочетания, в котором оно известно с XVII по XX в. и никогда не заменяется неполногласной, хотя в других случаях слово *храбрый* в былинах используется. См. в XIX в.: Добрую дружину хоробрую (Рыбников, I, 20 и мн. др.), но Храбрая поездка молодецкая (Гильфердинг, III, 188).[52]

В древнерусском письменном языке слова *храбрый* и *хоробрый* были равноправны. Они встречаются в летописях и литературных памятниках. Заметим, что в «Слове о полку Игореве» имеются обе формы (Ольгово хороброе гнездо; Ольговичи храбрыи князи, храбрые полки). Но уже в XVI—XVII вв. в письменности преобладала неполногласная форма. Сочетание *дружина хоробрая*, возможно, всегда являлось специфически фольклорным, употребляющимся для обозначения древней княжеской дружины.[53] Из древнерусских памятников оно известно нам только в «Повести об Азове» (XVII в.), где, как известно, очень сильно влияние фольклорного языка. В XVIII в. в письменном языке прилагательное *хоробрый* употребляется очень мало.[54] В диалектах оно сохраняется до настоящего времени, хотя здесь употребляется и слово *храбрый.*[55] В говорах достаточно широко представлены и другие слова с полногласным корнем: *хоробриться*, *хоробиться*, *хоробро*, *хоробрость* и др.

Особо следует рассмотреть слово *приворотник* (*приворотничек*) ‘сторож у ворот’ (обычно во мн. ч.), которое также известно в записях былин XVII—XX вв. всегда в полногласной форме. См. в XIX в.: Так вошел-то как Добрыня на почестен пир, Там придворники стоят да приворотники (Гильфердинг, II, 93—94); XX в.: У ворот-то теперь приворотников (Былины Пудожского края, 1941, Про Ставра, исп. Ремизов) и под. В древнерусском языке известны две формы этого слова — *приворотник* и неполногласная *привратник.* Еще в XIX в. в литературном языке употребляются обе формы, но первая уже становится

---

[52] См. в поздней исторической песне о нападении литовцев на Москву. Дружина да весьма храбра (Гильфердинг, I, 460), здесь же, однако, неоднократно используется и сочетание *дружина хоробрая.*

[53] Ср. в древнерусских памятниках устойчивое терминологическое сочетание *дружина молодшая*, которое также включает прилагательное, использующееся в нем всегда в полногласной форме (см. о нем: Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика. . ., с. 83).

[54] В Картотеке русского языка XVIII в. оно отсутствует. См. *хоробрясь*: Но я ее лукавств не примечал, И только хоробрясь червонцами стучал (Чулков, Начало пустослов.).

[55] *Храбрый* записано в Пск. и Твер. губ., а *хоробрый* — в Пск., Новг., Олон., Вят., Волог. (КОС).

устаревшей.[56] *Приворотник* в значении 'сторож у ворот' известно в говорах XIX—XX вв. (см. Южно-Сиб., 1947): Приворотник, отворяй! (Сиб. — КОС) и др.[57]

Из сказанного следует, что в былинах *приворотник* только в XIX—XX вв. начинает употребляться как традиционное слово, естественно использующееся при описании древнего быта.

Таким образом, в былинах некоторые слова всегда используются только в одной (полногласной), устаревшей в общенародном языке форме. Обычно это слова, входящие в сочетания, известные ранее в разных жанрах письменного языка как обозначения реалий древних эпох или как устойчивые языковые обороты.

Если в одних случаях соответствующих неполногласных форм в языке не существовало вовсе (*городовой* — см. сочетание *городовая стена*), то в других — неполногласные параллели имелись (*полон—плен*, *сторожа—стража*, *хоробрый—храбрый*). В сочетании *взять в плен* в литературном языке неполногласная форма заменила полногласную. Остальные из рассмотренных сочетаний не получили такой трансформации и также устарели, как и те реалии, которые они обозначали.

Устаревшими в письменном языке и традиционными в былинах эти сочетания становятся в очень разное время (*стена городовая* — с начала XVIII в., *сторожа крепкая* — с конца XVIII в., *взять в полон* — только в XIX в). На примере таких сочетаний видно, как в былинах накапливаются элементы, устаревшие в общем языке.

В былинах традиционно сохраняются также словосочетания, сформировавшиеся, возможно, в самих былинах (*дружина хоробрая*). Такие сочетания особенно подчеркивают характерную особенность былин — устойчивое употребление в них древних форм языка при описании древнего быта.

Употребление в былинах устаревших в литратурно-письменном языке слов и сочетаний, обозначающих древние реалии, вытекает из существа жанра былин — сочинений, всегда повествующих о давно прошедших временах. По мнению исследователей фольклора, основные художественные особенности жанра былин, среди которых было и использование архаизации языка, сформировались в эпоху начала расцвета этого жанра — период

---

[56] См.: Словарь современного русского литературного языка, т. II. М.—Л., 1961 (приворотник — *устар.*), ср.: Словарь церковно-славянского и русского языка. СПб., 1847, где оба слова помещаются без помет.

[57] Здесь известны и другие значения этого слова, в частности 'свадебный чин — человек, открывающий ворота для поезжан' (Енис., 1860 г. — КОС и др.). В этом значении иногда употребляется форма с неполногласием (*привратник*, Судог. Влад. — КОС). Слово *привратник* в говорах XX в. отмечается также в конкретизированном значении 'сторож у ворот поскотины, следящий за тем, чтобы скот не вышел на поля' (Сиб., 1958 — КОС).

татарского нашествия, когда, по словам Добролюбова, «горько было настоящее положение народа, обманутого в своих ожиданиях, он невольно сравнивал нынешние события с преданиями о временах давно минувших и грустно запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира... Только во время бедствий родной земли вспомнил он минувшую славу и обратился к разработке старинных преданий».[58]

В использовании устаревших слов с полногласием былины отличаются от бытового языка диалектов, где, хотя эти слова известны, они употребляются вне сочетаний, характерных для былин, и не имеют стилистического задания. Их использование в бытовой речи говоров — лишь один из примеров более длительного сохранения в диалектах слов, ставших в литературном языке устаревшими. Они часто существуют здесь параллельно с неполногласными словами, утвердившимися в литературном языке, в чем сказывается отсутствие в говорах четкой языковой нормализации. Вместе с тем сохранению в языке былин и обиходно-бытовой речи многих слов с полногласием, устаревших в литературном языке, в какой-то мере способствовало взаимодействие этих разных функциональных сфер диалектной речи.

Некоторые из описанных выше и другие особенности употребления в былинах лексики с неполногласием и полногласием выясняются при анализе слов, которые в них могут варьироваться, т. е. употребляться в одном и том же значении как в полногласной, так и неполногласной форме. Иногда такое варьирование наблюдается на протяжении всего времени записей былин, в других случаях — только в какой-либо один, часто непродолжительный период. Оно имеет большее или меньшее использование, встречается как у слов, входящих в привычные, повторяющиеся в былинах сочетания, так и у слов в их свободном употреблении. Слова с полногласными и неполногласными корнями могут быть морфонологическими вариантами. Варьирование ряда слов ограничено определенными грамматическими условиями и пределами лексической сочетаемости.

В одной записи былины в определенных сочетаниях большей частью употребляется одна из варьирующихся форм, но и в этих случаях могут встречаться разные формы. Варьирование некоторых пар слов осложняется тем, что в определенном сочетании используется слово только в одной огласовке.

Поскольку в нашей работе анализируются далеко не все существующие тексты записей былин, то в той части, где будет говориться об ограниченной возможности или отсутствии употребления той или иной формы, мы можем указать только некоторые тенденции в характере их использования.

---

[58] Н. А. Добролюбов, Собр. соч., в трех томах, т. I, М., 1950, с. 291.

На протяжении всего времени записи былин в них варьируются слова *младый — молодой* (*млад—молод*), *град—город*, а также слова с корнями *злат-* и *золот-*. Слова этих пар употребляются параллельно как в разных записях былин одного времени, так иногда и в одной и той же записи.

Младой—молодой *(млад—молод). Млад—молод* — краткая форма, употребляющаяся в былинах вплоть до XX в.[59] в древней атрибутивной функции, которая в литературном языке была утрачена несколько веков тому назад.[60] Как *млад—младой*,так и *молод—молодой* в сочетании с каким-либо мужским именем присутствуют в каждой из записей былин, как правило, только в одной — полногласной или неполногласной — форме, но здесь же в сочетании с другими существительными они могут употребляться и в другой форме. К р а т к а я ф о р м а — XVII в.: Иван Годинович и Ставер Годинович — молод (варьируется с полной формой *молодый*); Алеша Попович — млад; XVIII в.: Иван Годинович и Михаил Поток (1-й вар.) — молод; Ставер Годинович (1-й вар.) и Михаил Данилович — млад; XIX в.: млад (Рыбников, II, 21, Ставер Годинович). П о л н а я ф о р м а — XVIII в.: Михаил Поток — молодый Михаил Поток, Молодой посол; XIX в.: молодой Ставер сын Годинович, но младой посол (Гильфердинг, I, 21, Ставер Годинович). Эти прилагательные в сочетании с женским именем и существительными женского рода встретились нам только в полногласной форме: молода (молодая) жена, молода Настасья Королевична и под. До XX в. в былинах краткие прилагательные всегда предшествовали существительному. В XX в. они могут стоять как препозитивно, как и постпозитивно. Поражает стойкость вариантности в былинах слов *молодой* и *младой* и даже архаичных атрибутивных форм *млад* и *молод*. Причины, способствующие этой стойкости, нужно искать как в языке древних эпох, так и в лексических особенностях современных говоров.

Слово в неполногласной форме *младый—млад*, так же как и полногласное *молодой—молод*, в письменном древнерусском языке было чрезвычайно активно. Вплоть до XVII в. оно широко использовалось во всех жанрах, а в разговорнике XV в. употребляется как слово обиходного языка.[61] В древнерусском языке имелись устойчивые сочетания, в которых варьировались слова

---

[59] В былинах нет возможности отделить краткие формы прилагательных от стяженных форм полных прилагательных, которые могли попасть сюда из бытовой речи диалектов. Достоверно краткая форма имеется только в единственном числе мужского рода.

[60] См. об употреблении этих форм в фольклоре в статье Е. Б. Артеменко «К вопросу об употреблении архаизмов в языке русского фольклора» (Славянский сб., II, вып. филолог. Воронеж, 1958, с. 128 и след.).

[61] Рѣчь тонкословія Греческаго. Русско-греческие разговорники. См. об этом: Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963, с. 373.

с неполногласием и полногласием (*из млада — из молода*). Еще в середине XVIII в. слово *младый* наряду со словом *молодой* могло присутствовать в сочинениях среднего стиля, не нарушая его норм, лишь в конце века *младый* — слово высокого слога.[62] *Младой* (*млад*) и другие слова с корнем *млад-* достаточно широко известны в современных диалектах: *Млад* 'молодой' (Кем. Арх., 1910 — КОС); А младший еще млад (Себеж. — ПОС, 1961); в атрибутивной функции — *млад месяц*: на млад месяц дождь будет (д. Веретье — ДОС);[63] *младый* — ен младый мужчина (Опоч. — ПОС, 1961); *смлада* 'смолоду', *млад* (сущ.) и *младенская* 'детская болезнь — родимчик', *младен* и *младень* 'младенец'; *младыш* 'младший брат; *младик* 'молодой месяц', *младоумная* 'глуповатая' и т. д. Некоторые из этих слов могут употребляться как варианты к соответствующим полногласным лексемам в говоре одного населенного пункта.

В некоторых сочетаниях слова с корнем *молод-* не варьируются со словами в неполногласной форме. Устойчиво употребляются *молодой молодец*, *добрый молодец*, *потеха молодецкая*. *Мóлодец* — специфически русское образование, связанное с тематикой, далекой от церковнославянской книжности, не имеющее соответственной неполногласной формы. В сочетаниях *потеха молодецкая*, являющемся термином,[64] и *молодой молодец*, характерном для языка былин, ко времени появления на Руси неполногласных форм употребление прилагательного в полногласной форме было, видимо, уже достаточно привычным. К эпохе XVII в. сочетание *потеха молодецкая* устаревает. Вместе с сочетанием *молодой молодец* оно сохраняется только в языке былин, где, как уже говорилось, является обычным использование элементов древнего языка при описании древнего быта.

Град—город. Эти слова варьируются преимущественно в препозиции к названию города (например: под городом Черниговом — к стольному граду Киеву), а постпозитивно употребляется обычно слово с неполногласием (во Киев-град). В свободном употреблении (без названия города) возможны обе формы: поедем к городу (XVII в. — Иван Годинович); которого ты города? которого ты града? (XVIII в. — Илья Муромец, 1-й и 2-й вар.). В записях былин XIX—XX вв. полногласные формы нам встретились

---

[62] В. В. Замкова. Славянизмы в высоком слоге середины XVIII в. (в печати).

[63] В статье Е. Б. Артеменко «К вопросу об употреблении архаизмов. . .» говорится, что употребление кратких прилагательных в атрибутивной функции — принадлежность только языка фольклора. Однако, как видно из этого примера, они могут присутствовать и в современной обиходно-бытовой речи говоров.

[64] По свидетельству А. П. Евгеньевой, *потеха молодецкая* — технический термин, обозначающий 'спортивное воинское, богатырское состязание' (см.: А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 330).

и в постпозиции: в Волын-городе (Гильфердинг, II, 142). Та и другая форма может использоваться при одном и том же исполнении былины: в Нове-городе, Киев-град (Ставер, исп. Осташев, 1942).[65]

Здесь же заметим, что из пары *градской—городской* форма с неполногласием употребляется редко. Нам она встретилась только в записях XIX в.: Все градские люди (Рыбников, I, 89), ср. *городской*: Хоть во тех женись деревнях во простых, да не в городских-то (Марков, 330).

История слов *град* и *город* в древнерусском и русском письменном языке изучена довольно подробно. Нам приходилось рассматривать употребление этих слов в русских говорах.[66] Слова *город* и *град* употребляются в древнерусских памятниках самых разнообразных жанров. Исследователи предполагают, что в первые века своего существования в древнерусском языке слово *град* было фактом живой речи (причем у лиц разной социальной принадлежности) и варьировалось здесь с полногласным *город* даже в устойчивых словосочетаниях-штампах.[67] В диалектах XIX—XX вв. оба слова в значении 'город', а также прилагательные *градской* и *городской* употребляются в обиходно-бытовой речи, иногда в говоре одного населенного пункта.

Таким образом, поддержанию употребления слов *младый* (*млад*) и *град*, а также их вариантности с соответствующими полногласными формами способствовали как древние традиции их использования в древнерусском языке, так и устойчивость употребления слов с этими корнями в обиходно-бытовой речи современных диалектов. Наличие такой лексики в былинах в свою очередь оказывало влияние на их употребление в обиходной речи говоров.

Вариантность отдельных лексем может быть частью морфонологического варьирования соответствующих полногласных и неполногласных форм. В былинах варьируются слова с корнями *злат-* и *золот-*.

Злато—золото. Вариантность этих слов известна нам в былинах только XIX в. (ранее встречается одна, полногласная, форма). Неполногласная форма используется обычно в сочетании *злато-серебро*, но есть и вне его: злато многое множество (Рыбников, I, 28 — Михайло Поток).[68] Изредка она употребля-

---

[65] Былины Печоры и Зимнего берега.

[66] Об изучении употребления этих слов в древнерусском языке и о характере их использования в русских говорах см. в нашей статье «О лексике с неполногласием и полногласием. . .», ч. II.

[67] См. об этом: Т. Н. Кандаурова. Полногласная и неполногласная лексика в прямой речи летописи, с. 84, и др. См. также слово *грады* в древнерусских разговорниках XI—XII вв. (по сп. XIV в.) и XV в. (Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья, сс. 383 и 373).

[68] Песни, собранные Рыбниковым. Изд. 2-е, т. I. М., 1909; т. II. М., 1910.

ется вместе с полногласной: злато-серебро (2 раза) и сребро-золото (Михайло Поток, Пашкова, 1941).[69]

Златой—золотой (злат—золот). Неполногласные формы встречаются реже, чем полногласные, и круг существительных, с которыми они сочетаются, у́же. В XIX в. употребляются, как правило, их краткие формы (возможно, что в некоторых случаях это не краткие прилагательные, а стяженные формы полных): золота казна, золото кольцо, золота звонка труба, золоты венцы, а также злат венец, злата милостыня. В сочетании *Золотая Орда* используется, как правило, прилагательное в полной полногласной форме.

Злаченый—золоченый. В XIX—XX вв. это прилагательное может употребляться в одной и той же записи в неполногласной и полногласной форме, иногда с одним и тем же существительным: злачен и золочен перстень (Рыбников, I, 137); перстни злаченые и золоты венцы (Рыбников, I, 12 — Михайло Поток); стремя золоченое, перстнями золочеными, колечко золоченое, но венцам злаченым (Ставер, Пашкова)[70] и под., хотя в целом для полногласной формы более характерно разнообразие существительных, с которыми она сочетается.

Прилагательное *позолоченный* встретилось нам только в полной полногласной форме. Оно может быть использовано в одном исполнении былины наряду с неполногласными формами других прилагательных с корнем *злат-*: кольцо позолоченное, но крюки по булату злачены (XVIII в., Ставер, 2-й вар.).

В былинах отражаются сложные отношения, имеющиеся у слов с корнями *злат-* и *золот-* в древнерусской письменности, где употребление слов *злато* и *золото* мотивируется жанрово-контекстуально, а *златой*, *злаченый* могут использоваться наряду со своими полногласными параллелями в деловой письменности, иногда в одном и том же памятнике (чѣпь злату, чару злату, ковшь золотъ. С. Вр. 200 — ДРС). Исследователи полагают, что неполногласные формы всех этих слов проникли в древнерусскую пору и в разговорную речь, где могли варьироваться с полногласными в словесных сочетаниях — штампах.[71] Интересно, что слово *злато* (наряду с *золото*), а также *златый* (в сочетании *златый мастер*) и *злат* встречаются в разговорниках XV и XVI в.[72] Позднее, в XVIII в., в письменности разных жанров довольно свободно используются как *золото*, *золотой*, так и *злато*, *златой*. В XIX в. слова *злато*, *златой* широко употреби-

---

[69] Былины Пудожского края.

[70] Там же.

[71] См. об этом: Т. Н. К а н д а у р о в а. Полногласная и неполногласная лексика. . ., сс. 84, 87 и др.

[72] Л. С. К о в т у н. Русская лексикография эпохи средневековья, с. 373; Б. А. Л а р и н. Парижский словарь московитов 1586 г. Рига, 1948.

тельны в поэзии.[73] В былинах употребление этих слов соответствует их использованию в письменном древнерусском языке. Как и в письменности, здесь свободнее, чем *злато—золото*, варьируются *златой—золотой* (*злат—золот*) и особенно *злаченый—золоченый*.

Слова с корнем *злат-* известны в бытовой речи диалектов: *злато* 'золото' (Красногород. — ПОС, 1961), *златница* 'монета' (Кольск. Арх., 1885), *злаченый* 'золоченый' (Кем. Арх., 1910). Однако здесь слов с этим корнем записано значительно меньше, чем, например, с корнем *млад-*. Большую роль в употреблении слов с корнем *злат-* в бытовой речи диалектов играло их наличие в фольклоре.

В былинах употребляются сложные прилагательные с корнем *злат-*, иногда известные нам и в литературно-письменных сочинениях нового времени. *Златорогий*: Он нашел-то ведь лань да златорогую, Он привел-то ей да ко двору к царю (Марков, 181). *Златоверхий*: А позволь мне-ка-ва выстроить три терема, А три терема златоверхиих (Гильфердинг, III, 191). Оба слова нам известны и в литературе XIX—XX вв. *Златоверховатый*: И идет [Добрыня] во терем златоверховатый (Рыбников, II, 19). Некоторые из этих слов являются, конечно, независимыми образованиями разных художественных сфер языка — литературно-письменного и народной поэзии, но другие, видимо, имеют единый источник — устный народно-литературный язык. Они употребляются в древнерусских литературных сочинениях, близких по языку к народной поэзии. Например, *златоверхий* и *златокованный* встречаются в «Слове о полку Игореве».[74]

Мы показали случаи варьирования неполногласных и полногласных лексем и морф, как правило, встречающихся во все периоды записей былин.

В других случаях варьирование слов с неполногласием и полногласием наблюдается в течение непродолжительного периода или вообще используется очень редко.

Неполногласные и полногласные варианты слов *влас—волос* и *врата—ворота* известны только в XIX в. В записях XVII—XVIII вв. они встретились нам только в полногласной форме: ворота стекольчатые, волосы долгие (XVII в., Иван Годинович), ворота (XVIII в. Ставер, 2-й вар.). В письменном языке XVII—XVIII вв. преобладают именно полногласные формы этих слов,

[73] Р. М. Цейтлин. Из истории употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в русской художественной речи конца XVIII—нач. XIX вв. — В сб.: Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964.

[74] Это было замечено еще учеником А. А. Шахматова В. А. Аносовым, работа которого известна по отзыву А. А. Шахматова. См. о нем: В. В. Виноградов. Отзывы А. А. Шахматова о сочинениях на соискание медалей студентов Санкт-Петербургского университета. — Докл. и сообщ. инст. русск. языка, вып. 1. М.—Л., 1948.

а их неполногласные варианты являются книжными, позднее устарело-поэтическими словами. Для диалектов XIX—XX вв. слово *влас* вообще не характерно, *врата* встречаются изредка, при этом чаще в сочетании *царские врата* — названии церковной реалии. Слова в неполногласной огласовке, обозначающие церковные реалии в говорах, как правило, не теряют связи с этой сферой представлений. Именно как церковно-религиозные или книжные эти слова употребляются и в записях фольклора XIX в.: У кого в царских вратах. . . загорится свеча золотом повитая, тот — король (Рыбников, II, 274) (ср. его в заклинаниях, для которых вообще характерно употребление книжной и церковной лексики: Николай отворяет морскую глубину, поднимает железные врата — Майков, Великорусские заклинания):[75] У него на голове семь власов ангельских (Петрозав. — Рыбников, I, 35); А голова у чюда и человеческа А власы до пояса (Мез., Арх. — Григорьев, III, 60).

Несколько другой характер имеет вариантность слов *драгоценный* и *дорогоценный*. Они варьируются в записях былин с XVII по XIX в., однако эта вариантность встречается в очень редких случаях. В былинах чаще употребляется неполногласная форма *драгоценный* — XVII в.: дорогоценное платье (Ставер Годинович); XVIII в.: драгоценное платье (Михаил Данилович, Михаил Поток, 5-й вар.); XIX в.: Надевал он на себя одежину дорогоценную (Гильфердинг, II, 76); Нагрузили они да ровно три сумы Да того ноне платья да драгоценного (Мезен. Арх. — Григорьев, III, 626); одежа драгоценная (Гильфердинг, II, 111); дары драгоценные (Рыбников, I, 40—41) и под. В записях XX в. нам встретилось только слово с неполногласием. Ограниченность этой вариантности объясняется, видимо, не ранним приобретением одним из слов пары четкой стилистически-функциональной окраски, как в показанных выше случаях, а малой жизнеспособностью слова *дорогоценный* в языке в целом.

Слово с неполногласием *драгоценный* издревле получает широкое распространение в памятниках разных жанров. Полногласная форма *дорогоценный* (известная нам в древнерусской письменности только с XVI в.), возможно, является поздним русским переоформлением слова *драгоценный*. Оба слова встречаются в памятниках делового, а также повествовательного жанра.[76] В XVIII в. из этих двух форм в письменности решительно возобладала неполногласная. Даже в бытовой речи говоров зафиксировано только слово с неполногласием, хотя здесь оно имеет более конкретизированное, чем в литературном языке, значение —

---

[75] Записки Русского географического общества, т. II. СПб., 1868, с. 457.

[76] См. *драгоценный*: товары драгоценные (Х. Род.), книги драгоценные (Девг. Д. и др.), *дорогоценный*: дорогоценное украшение (Косм., 1670), дарами дорогоценными дарити (Аз. Пов.), дорогоценным сокровищем (Пам. См. вр.).

'дорогой по цене': Летось не было корму, драгоценный корм, продали корову (Остр. — ПОС, 1960).[77]

Нежизнеспособность полногласного дублета из этой пары привела к уничтожению вариантности слов *драгоценный* и *дорогоценный* во всех сферах языка, в том числе и былинах.

Рассмотренный материал показывает, что варьирование неполногласных и полногласных форм в ранних записях былин соответствует вариантности этих слов в древнерусском языке. В сформировавшемся национальном литературно-письменном и литературно-устном языке такое варьирование не сохраняется, а остается только в говорах. В былинах оно продолжает традиционно существовать. Те пары слов, которые являлись устойчиво употребительными в нефольклорном языке, варьируются и в былинах на протяжении длительного времени (*младый—молодой*, *град—город*, слова с корнями *злат-* и *золот-*). Оба слова этих пар широко используются в письменности с древнейшего времени до конца XIX в. Они известны также в обиходно-бытовой речи современных диалектов. Наоборот, те пары, слова с неполногласием которых в фольклорном языке не имели широкого распространения, став принадлежностью только книжных, высоких сфер письменности, и не употребляются в бытовой речи современных говоров, варьируются в былинах значительно менее активно (*влас—волос*, *врата—ворота)*. Слово с неполногласием из таких пар и здесь используется только в случаях, когда контекст связан с религиозно-церковной или книжной тематикой.

Интересно отметить, что в былинах не встречаются вовсе вариантные пары, слова с неполногласием которых рано и четко ограничены в восточнославянском языке сферами высокой письменности (*гладный*, *мразный*, *хладность* и др.).

Однако и в варьировании слов с неполногласием и полногласием язык фольклора издревле имел свои особенности. В былинах это варьирование, с одной стороны, получает своеобразную, присущую только сфере народной поэзии грамматическую нормализацию, а с другой — в части свободного варьирования дает возможность сказителям былин показать индивидуальные особенности использования в своей речи этих форм. Употребление слов с неполногласием и полногласием в языке былин и современном литературном языке имеет значительные отличия. При существовании у языка народной поэзии только устной формы в ней труднее, чем в языке письменном, закрепить особенности употребления слова какими-либо нормами, строго их регламентировать, но проще придать слову нужный в данный момент стилистический облик общей ситуацией говорения. Характер слова

[77] См. также слово *драгоценство* 'драгоценности': Там много драгоценства (Пушк., 1927— ПОС).

в фольклоре, как устной форме языка,[78] выражается не только словами, но и рядом иных, не собственно языковых средств — интонацией, жестами и т. д. Поэтому слова с неполногласием и полногласием в былинах варьируются значительно свободнее, чем в литературном языке, а разница между такими вариантами не является, как в литературном языке, чисто стилистическо-функциональной.

Что касается соотношения употребления вариантных слов с неполногласием и полногласием в языке былин и современной обиходно-бытовой речи говоров, то и здесь имеется заметная разница.

Варианты полногласных и неполногласных форм в бытовой речи говоров существуют до настоящего времени, но в отличие от языка былин они здесь не имеют, видимо, четких норм употребления. Как и в описанной выше группе лексики с неполногласием и полногласием, невариантной в былинах, сохранению в фольклоре и бытовой речи современных диалектов слов, варьирующих форму, в какой-то мере способствовало взаимодействие этих функциональных сфер диалектной речи. Однако замечено, что вообще язык современного фольклора имеет значительно меньше влияния на бытовую речь диалектов, чем современный литературно-письменный язык на литературно-устный. Формы современного литературно-художественного языка и литературно-бытовой речи, несмотря на разницу, существующую между языком устным и письменным, не во всех, но во многих случаях сближены, сосуществуют и взаимно проникают друг в друга. Различию восприятия слова в бытовой и народно-поэтической сферах современных диалектов способствует большая разница в их функционировании. На употребление слова в былинах влияет торжественность обстановки, в которой они исполняются, общий строй былинной речи, их сюжетная специфика. К тому же своеобразный оттенок слова в фольклоре может восприниматься не как принадлежность самого слова, а вытекать из всей ситуации, в которой оно произносится, из художественного облика исполняемого произведения.

* * *

Из всего сказанного об употреблении лексики с неполногласием и полногласием в былинах следует, что в характере ее использования отражаются существенные особенности языка «высоких» жанров фольклора.

Рассмотрение такой лексики в частях текста былин, не связанных с традиционными оборотами, показывает прогрессив-

[78] См.: Т. С. Коготкова. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966.

ность языка фольклора, чутко отражающего изменения, происходящие в нефольклорном языке. Уже в былинах ранних записей обычно встречаются те из двух возможных форм, а также те значения слов с неполногласием и полногласием, которые стали единственно возможными в позднейшем национальном литературном языке.

Однако традиционные обороты былин сохраняют и с течением времени накапливают старые, вышедшие из употребления в литературном языке неполногласные и полногласные формы. Включающие такие формы устаревшие в нефольклорном языке словосочетания естественно используются здесь как обозначения реалий древних эпох или как древние языковые обороты, поскольку былины всегда являются повествованием о событиях давно прошедшего времени.

В некоторых случаях в былинах употребляются слова в двух — неполногласной и полногласной — формах. Из таких пар здесь известны те, которые в древнерусском языке существовали длительное время в письменности всех жанров и вариантность которых была утрачена лишь в эпоху создания национального русского литературного языка. Их сохранение является также одним из примеров стилизации языка древних эпох. Кроме того, оно дает возможность сказителям творчески использовать употребление неполногласных и полногласных форм: в большей или меньшей степени архаизировать свое повествование.

Несмотря на несомненное взаимное влияние разных функциональных сфер диалектов, использование слов с неполногласием и полногласием в былинах отличается не только от современного литературного языка, но и от бытовой речи диалектов. В бытовой речи диалекты сохраняют большое количество устаревших в литературном языке элементов. Известны здесь и многие из слов с полногласием и неполногласием, утраченные в литературном языке, в том числе в двух формах — без тех грамматико-стилистических различий, какие характерны для них в былинах. Не будучи средством художественной выразительности, устаревшие в литературном языке полногласные и неполногласные формы являются в бытовой речи говоров обычными словами диалекта.

Все сказанное о языке былин еще раз подтверждает слова В. Г. Белинского о том, что «форма русской народной поэзии вообще оригинальна в высшей степени», она «совершенно соответствует ее содержанию».[79]

---

[79] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1954, с. 427.

О. Д. КУЗНЕЦОВА

К истории вхождения областных слов в русский литературный язык (вторая половина XIX в.)

Одной из сторон общего процесса демократизации русского языка во второй половине XIX в. являлось пополнение словарного состава литературного языка словами и выражениями, пришедшими из народных говоров.[1]

При рассмотрении конкретной истории слов, пришедших из говоров, обращают на себя внимание следующие моменты: период времени, на протяжении которого происходило утверждение отдельных областных слов в литературном языке (он мог быть различным для отдельных слов: одни слова, попадая в литературный язык, сразу теряли местную окраску и начинали употребляться нейтрально, другие продолжительное время употреблялись в художественной литературе с особым стилистическим заданием, использовались писателями только в речи персонажей), и различные конкретные обстоятельства, замедляющие или ускоряющие вхождение слова в литературной язык.

Особый интерес при прослеживании истории слов представляют те семантические процессы, которые происходят в значениях и употреблениях диалектных слов и тех слов литературного языка, с которыми они были близки или совпадали в значениях: «Соприкосновение слов разного источника в едином литературном контексте вызывало к жизни многообразные стилистико-семантические изменения в этих словах. Теряли отпечаток особой сниженности, „простонародности“ многие просторечные или областные слова. Это нередко сопровождалось и прямым изменением их значений».[2]

---

[1] См.: Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М.—Л., 1965, сс. 480—495; Л. И. Балахонова. Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке. — В сб.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 18—36.

[2] Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка, с. 40.

История вхождения и утверждения отдельного слова в литературном языке в каждом случае индивидуальна, своеобразна, зависит от различных причин языкового и внеязыкового порядка.

В статье рассматривается история двух слов современного литературного языка, областных по происхождению. Слова эти различны и никак не связаны между собой, но в их истории есть нечто общее, что позволяет рассматривать их в одной статье. Этим общим является один источник, из которого они пришли в литературный язык (диалекты), и время вхождения в литературный язык (вторая половина—конец XIX в.).

Подсолнух

В XIX в. в русском литературном языке для обозначения растения Helianthus annuus L. употреблялось слово *подсолнечник*. Оно зарегистрировано уже словарями XVIII в.: Вейсманна (1731) и Нордстета (1782) и вошло в Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г.

В этот период (XVIII в.—первая половина XIX в.) слово *подсолнечник* свободно употребляется не только для обозначения растения Helianthus annuus L., но и в значении, теперь ему не свойственном, — 'семена растения Helianthus annuus L.', причем в последнем значении преимущественно во множественном числе. Такое употребление встречается и позднее, ср., например, у Н. Успенского: Недалеко от барского дома на бревне сидит толстая дворовая девка и грызет подсолнечники (Глаз на глаз, IV, 1883, с. 298).

Подсолнечник было не единственным наименованием зерен этого растения. Наряду с ним употреблялись сочетания: *семечки* (*семена*, *семенки*, *зерна*) *подсолнечные*; см., например, у А. И. Левитова: Якова Петровича дочь под навесом у лавки сидела и грызла зерна подсолнечные (Яков Петрович Сыроед, в сб. 1866 г.). Заметим, что это обстоятельство могло быть благоприятным для появления в разговорном литературном языке нового слова.

До середины XIX в. литературный язык не знал слова *подсолнух*. Но говорам оно было известно: по данным Картотеки Словаря русских народных говоров, последнее встречалось на юге европейской части России. Это согласуется и с историей развеления этой культуры в России (подсолнечник получил распространение вначале именно здесь, т. е. в южной и юго-восточной полосе России, точнее, в Воронежской и Саратовской губерниях).

Как слово нелитературное, местное, оно регистрировалось известными собирателями диалектных слов. *Подсолнух* записал, например, в Обоянском уезде Курской губ. Машкин (1859), в Терской и Кубанской областях — Водарский (1897). С указанием на распространение в Воронежской губ. слово было вклю-

чено в Дополнение к Опыту (1858). Находим его и в ответах на академическую программу: из Козловского уезда Тамбовской губ. (Прогр. № 135, 1897), из Касимовского уезда Рязанской губ. (Прогр. № 111, 1897). В 1898 г. *подсолнух* было записано в Ачинском уезде Енисейской губ. Записи этого слова в диалектах продолжались и в самом начале XX в.: Мещов. Калуж. (1916), Яросл., г. Ветлуга Костром. (1910) и Белгор. Курск. (1926) и др.

Можно привести и другие свидетельства, подтверждающие, что в середине XIX в. слово *подсолнух* не было литературным. Даль, например, приведя его рядом со словом *подсолнечник*, указал не территориальную ограниченность слова, сопроводив его пометой «южное».

В журнале «Экономические записки» за 1860 г. в текстах на сельскохозяйственные темы ни разу не встретилось слово *подсолнух*, между тем как *подсолнечник* употребляется часто.

В Русском энциклопедическом словаре Березина (т. IV, 1876) упомянутое растение названо *подсолнечником*, и *подсолнухом* (малым) называется другое растение — Lunula oculus Christi.

Хотя в Ботаническом словаре Н. Анненкова (1878), где собраны местные названия растений, при латинском наименовании Helianthus annuus L. приведены оба слова (*подсолнечник* и *подсолнух*), однако отношение автора к слову *подсолнух* как к слову местному, диалектному проявилось отчетливо: имеется не только указание на бытование его в Курской и Воронежской областях, но, кроме того, при слове *подсолнух* находим замечание: «измененное от подсолнечник». Иными словами, для Н. Анненкова общепринятым названием растения в этом случае было *подсолнечник*.

Не исключена возможность использования слова в журнальной литературе самой середины XIX в., особенно в корреспонденциях с юга. Очевидно, одной из первых фиксаций слова *подсолнух* можно считать употребление его в статье Х. Гербановского «Огородничество в окрестностях Одессы», напечатанной в Трудах Вольного экономического общества за 1850 г., где не случайно это слово поясняется литературным *подсолнечник*: Подсолнух или подсолнечник высаживается на бакшах, большею частью для отенения почвы.[3]

Между тем во второй половине XIX в. слово *подсолнух* начинает использоваться в художественной литературе. В этот период оно чаще всего употребляется как наименование семян этого растения. См. у Салтыкова-Щедрина: Стоит у дверей кабака баба и грызет подсолнухи (Помпадуры и помпадурши, 1863—1874).

Наряду с этим уже известно употребление слова и для обозначения самого растения Helianthus annuus L. (преимущественно

[3] Х. Гербановский. Огородничество в окрестностях Одессы. — Тр. имп. Вольного экономического общества, т. II, отд. III. СПб., 1850, с. 172.

у писателей — выходцев из южной России: Л. Толстого, Салтыкова-Щедрина, Мельникова-Печерского, Г. Успенского, Гарина-Михайловского и др.). Так, у Л. Толстого: Перед светлыми, большими окнами многих домов, за огородками, поднимаются выше хат темнозеленые раины, нежные светлолиственные акации с белыми душистыми цветами, и тут же нагло блестящие желтые подсолнухи (Казаки, 1863).

Обращает на себя внимание непродолжительный срок, на протяжении которого новое слово получает все «права гражданства» и становится обычным словом литературного языка. Через два-три десятилетия, в самом конце XIX—начале XX в. подсолнух уже свободно употребляется в художественной литературе, причем самыми различными писателями, что безусловно говорит о закреплении слова в литературном языке. Встречается оно у М. Горького, Л. Андреева, Бунина, Вересаева, А. Н. Толстого, Серафимовича, Ляшко, Телешова и других писателей того времени. Интересно, что в значении 'семена этого растения' в разговорном бытовом языке *подсолнух* становится единственным наименованием, а *подсолнечник* в указанном значении выходит из употребления: в художественной литературе этого времени уже не встречается примеров использования его в значении 'семена растения Helianthus annuus L.'.

Причину относительно быстрого вхождения слова в литературный язык следует искать прежде всего в реальной истории культуры подсолнечника в России. Как известно, с сороковых годов XIX в., когда это растение стало использоваться для производства масла (точнее — с 1841 г., когда крестьянин Бокарев из слободы Алексеевка в Воронежской губернии впервые на ручной маслобойне получил масло из семян подсолнечника), посевы его в южной и юго-восточной России стали стремительно расти, вытесняя другие культуры. Достаточно сказать, что в 1860 г. в Бирюченском уезде Воронежской губернии (именно там находилась слобода Алексеевка) было уже 160 маслобоен и вся восточная половина этого уезда была занята под посевы подсолнечника.[4] По сведениям Полной энциклопедии русского сельского хозяйства (т. VII, 1902, с. 394), в 1846 г. в окрестностях Саратова подсолнечником было засеяно только 53 десятины, в 1852 г. — уже 900 десятин, а в 1853 г. — 1250 десятин.

Естественно, поэтому, что в разговорный литературный язык попадает и получает в нем широкое распространение то местное название, которое употребительно было именно в этой части России.

То, что *подсолнух* в конце XIX в. уже хорошо знакомое литературному языку слово, подтверждается и другими фактами.

---

[4] А. Терентьев. О разведении подсолнечников. — Экон. записки 1860. СПб., 1861, с. 223.

Если взять, например, Земледельческую газету за 1894 г., то в различных ее отделах: в Вопросах и ответах, в местных корреспонденциях, а также в статьях земледельцев-практиков можно встретить оба названия, как *подсолнечник*, так и *подсолнух*, причем нередко некоторые авторы предпочитают слово *подсолнух*.

Так, в отделе Вопросы и ответы в вопросе (№ 10) — *подсолнечник*, а в ответе на него (№ 13) — *подсолнух* (о мочке семян подсолнуха); в объявлениях — *подсолнечник* (№ 4 и № 13) и *подсолнух* (№ 3, № 5): подсолнух грызовой, в Наградах по выставке полевых семян (№ 20): подсолнух грызовой. Автор корреспонденции «Из практики 1893 г. в юго-западном крае» употребляет слово *подсолнечник*, а автор корреспонденции «Из Воронежской губернии» — *подсолнух*, в корреспонденции из Воронежской губернии (№ 28) находим также *подсолнух* (Подсолнух масличный растет роскошно: ствол толстый, лист широкий). В статье Галушинского «Практические заметки по культуре грызового подсолнуха в Курской губ.» употребляется *подсолнечник* и *подсолнух*, причем чаще *подсолнух*, а в статье А. Рабиновича (Опыт посева разных масличных культур, чечевицы, и кукурузы, № 50) — *подсолнух*.

В этот период слово *подсолнух* можно встретить не только в языке газет, все же ближе стоящем к разговорному языку, но даже в энциклопедических и специальных справочниках. Так, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т. XXIV, 1898) приведены как равноправные оба названия: «Helianthus annuus L. (обыкновенный подсолнечник, подсолнух)». Так же в Полной энциклопедии русского сельского хозяйства (т. VII, 1902): Подсолнечник или подсолнух принадлежит к семейству сложноцветных. В упомянутом справочнике в статье, посвященной этому растению, употребляются оба названия, правда, в количественном отношении преобладает название *подсолнечник*.

Между прочим в этой же статье встречаем прилагательное *подсолнуховый* (подсолнуховый стебель).

В Энциклопедическом словаре издания Гранат (7-е изд., 1914) статья названа *подсолнух*, причем ее автор (Якушкин) пользуется только этим словом для наименования упомянутого растения.

Период некоторого соперничества двух слов в специальной литературе был непродолжительным. Да и для этого времени (конец XIX—начало XX в.) название *подсолнечник* все же остается господствующим.[5] Ряд специальных справочников того времени приводит одно название.[6]

---

[5] Ср. названия статей, публиковавшихся в самом конце XIX в.: Золотарев, «Разведение подсолнечника» (1897), Веселовский, «Разведение подсолнечника» (1885), Я. Шрейнер, «Важнейшие враги подсолнечника» (1898).

[6] П. А л а б и н, Словарь растений. СПб., 1879; П. Е. В о л к е н ш т е й н. Садовый словарь. СПб., 1899.

В Иллюстрированном сельскохозяйственном словаре С. М. Богданова (1891) в статье *Подсолнечник* только раз встретилось *подсолнух*.

В исследовании о подсолнечнике А. Людоговского (1870),[7] занимавшего кафедру земледелия в Петербургском земледельческом институте, упомянутое растение ни разу не названо *подсолнухом* — его автор использует исключительно название *подсолнечник*.

В книге преподавателя Сельскохозяйственной академии И. А. Стебута [8] при преимущественном использовании слова *подсолнечник* только три раза встретилось слово *подсолнух* (В масляном подсолнухе различают в свою очередь два сорта, с. 359). Так же в книге Д. Н. Прянишникова, в которой только три раза встретилось *подсолнух*. [9]

Нетрудно заметить, что в связи с закреплением слова *подсолнух* в литературном языке происходит «размежевание» сфер употребления двух слов: нового *подсолнух* и старого *подсолнечник*, обозначающих одно и то же растение: Helianthus annuus L. *Подсолнух*, пришедшее из говоров, укрепляется в разговорном литературном языке уже в конце XIX—начале XX в. От него известны производные: *подсолнушек* и *подсолнуховый*. Старое слово *подсолнечник*, уступив новому слову сферу разговорной речи (оно там встречается редко), продолжает занимать твердые позиции в сфере языка научного и официального. *Подсолнух*, иногда употреблявшийся в конце XIX—начале XX в. наряду с *подсолнечником* и в специальных работах, теперь совсем исчезает из научного языка.

Подсолнечник в современном литературном языке — это научный термин, служащий для обозначения растения Helianthus annuus L. В специальных справочниках и книгах употребляется только это наименование.[10]

Ср. также у И. В. Якушкина в «Растениеводстве»: Подсолнечник — одно из самых высокостебельных растений, принадлежит к семейству сложноцветных (М., 1947, с. 260).

Такое положение двух рассматриваемых слов в литературном языке нашло отражение и в современных толковых словарях: в семнадцатитомном Словаре современного русского литературного языка и в четырехтомном Словаре русского языка слово *подсолнух* имеет помету *разговорное*.

---

[7] А. Людоговский. Подсолнечник. Принятие, распределение и движение минеральных питательных веществ в связи с образованием органического вещества. СПб., 1870.

[8] И. А. Стебут. Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России, т. I, ч. 2. М., 1884.

[9] Д. Н. Прянишников. Частное земледелие. 2-е изд. М., 1901.

[10] См., например: Лекарственные растения. Минск, 1968; Энциклопедический словарь эфирномасличных и ядовитых растений. М., 1951; Энциклопедический сельскохозяйственный словарь-справочник. М., 1959.

С размежеванием стилистических сфер употребления слов связано и разделение их по значениям. Как мы уже говорили, в связи с закреплением слова *подсолнух* в разговорном языке старое слово *подсолнечник* утратило значение ‘семена растения Helianthus annuus L.’, некогда употребительное в разговорной речи, и, наоборот, *подсолнух* в этом значении в разговорной бытовой речи к концу XIX в. получило большое распространение.[11]

Обочина

Слово *обочина* принадлежит к многочисленному гнезду слов, распространенных как в южнорусских, так и в севернорусских диалектах. Значения всех этих слов так или иначе связаны с понятием ‘бок, боковая сторона’. См., наречия *обочá* ‘бок о бок’, ‘рядом’, ‘сбоку’ (И обоча пойдем, печальны мы головушки, И со твоей пойдем печальной молодой женой — Барсов, Причитания, III, с. 232), *óбочь* ‘сбоку’ (Пск., Осташк., Твер., Карпов, 1855; Дон., Миртов, 1929), существительные *óбочень* а) ‘полоса земли вдоль дороги’ (Даль), б) ‘боковой ветер’ (Всю дорогу óбочень был — Олон., Опыт, 1852), в) ‘косая изгородь’ (Петрозав. Олон., Куликовский, 1885—1898), *óбочни*, мн. ‘соседи, живущие бок о бок’ (Пск., Осташк. Твер., Карпов, 1855), *обóчив* ‘плохо, криво сложенный стог’ (Моск., Иванова, 1968), *обóчка* ‘круглый без дна лубочный короб, на который натягивается полотно для решета или сита’ (Симб., Наумов, 1874), *обóчье* ‘сено, смешанное со снегом, по бокам стога или скирда’ (Яросл., 1858).

Слово *обóчина* записано в говорах в нескольких значениях: ‘боковая часть, бок, склон, скат’ (На возвышение обочин требуется земли и щебню — Сарат., Доп. Оп., 1858; Крутая обочина недолго стоит — Даль, Пословицы, с. 735), ‘обочина спичечной коробки’ (Моск., Водарский), ‘боковая часть дороги, улицы’ (Лужск., Петерб., Срезневская; Пск., Смол., Копаневич; Шуйск. Иван., Водарский), ‘наружная боковая часть стога сена или соломы’ (Обочина-то почерневши, а внутри сену ничего не стало — Лужск. Петерб., Срезневская), ‘щетина, взятая с боков свиньи’ (Великоуст. Волог., Иваницкий).

Указанное слово не получило отражения в Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. Оно зарегистрировано как слово областное Дополнением к Опыту (1858). Между тем для обозначения боковой части дороги (для наименования именно этой реалии слово *обочина* чаще всего употребляется в современном литературном языке) Словарем 1847 г. отмечено другое слово,

---

[11] В статье не рассматриваются синонимические отношения слова *подсолнух* в указанном значении с другими словами, как *семя*, *семена*, *семечки*, получившими к этому времени распространение в литературном языке — история отношений этих слов может быть предметом особой статьи.

существовавшее в специальном употреблении, — *обрез*: Пут. Сообщ. Пространство между дорожною канавою и границею дорожной полосы. Последнее имеется и в словаре Даля: обрезом зовут также дорожную полосу от канавы до полотна или ездовой полосы. Действительно, слово *обрез* в упомянутом значении встречается в специальной литературе того времени. В руководстве В. Казнакова по устройству и ремонту дорог, предназначенном для земств (1887), боковая часть дороги называется автором *обрезом*: «Часть дорожной полосы, занятая под проезд, называется дорожным или ездовым полотном, а остающиеся пространства по сторонам дорожной полосы называются обрезами».[12]

Однако для специалистов *обрез* не было единственным наименованием боковой части дороги. Еще в первой половине XIX в. в специальных сочинениях упомянутую реалию уже называли *обочиной*. Например, в Записке майора Волкова (руководство для офицеров генерального штаба) употребляется только *обочина*: «Поверхность дороги для удобного во всякое время проезда должна быть покрыта твердою одеждою на некоторой части своей ширины, устроенного из материала, способного сопротивляться трению колес повозок и сохранить покрытую ею землю от действия дождевой воды. Остальная часть поверхности дороги остается просто земляным полотном; она может представлять один или два пути, параллельных покрытой части, смотря по тому, в средине или с одного края устроена одежда. Сии боковые пути называются обочинами и служат для пешеходов. Они часто назначаются для хранения ремонтного материала».[13] Так же — в «Записке о построении торцовых образцовых шоссе» ген.-лейт. Дестрема: «Между барьерами и дорожными канавами оставлены будут две обочины».[14]

Известный терминологический словарь Бурнашева, представляющий собой собрание народной терминологии сельского хозяйства и кустарных промыслов и ремесел, уже называет в упоминавшемся значении слово *обочина*.

Но необходимо заметить, что *обочина* имеет в этом словаре лишь ссылочную статью. Автор отсылает читателя к другому слову: Обóчина. То же, что и тамба в шоссейных дорогах. Действительно, описание реалии находим при слове *Тамба* ('часть дороги от барьера шоссе до края канавы, утрамбованная землей без щебня').[15]

---

[12] В. К а з н а к о в. Сборник земских дорожных построек, вып. 1. Устройство и содержание грунтовых дорог. СПб., 1877, с. 26.

[13] Майор В о л к о в. Записка для руководства при начертании и построении дорог. Пер. с фр. поручика Комарова. — Журнал путей сообщения, кн. 29. СПб., 1834, сс. 46—47.

[14] Генерал-лейтенант Д е с т р е м. Записка о построении торцовых образцовых шоссе. — Журнал путей сообщения, кн. 30. СПб., 1834, с. 42.

[15] В. Б у р н а ш е в. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т. II. СПб., 1844.

Подобный лексикографический прием, очевидно, не случаен. Здесь видим отношение автора к слову *обочина* как к слову необщепринятому, малоизвестному. На это же указывают и данные энциклопедических словарей, вышедших несколько позже словаря Бурнашева. В них так же, как и у Бурнашева, статья разрабатывается при слове *Тамба*, а на слово *обочина* находим только отсылку.[16]

Таким образом, надо думать, что слово *обочина* в середине XIX в. хотя еще не было литературным, общенародным словом, но уже было известно в качестве русского, народного названия боковой части дороги.

Подтверждением этому может служить тот факт, что французско-русские словари первой половины XIX в. (и несколько позже) слово accotement переводят описательно, как во всех тех случаях, когда в русском языке отсутствует соответствующий эквивалент.

В «Полном французско-русском словаре» Н. П. Макарова (ч. I), изданном в 1875 г., значение французского слова accotement передано словами ‘боковое пространство дороги’.

В шестидесятых-семидесятых годах слово *обочина* встречается у отдельных специалистов, например А. Гофмейстер в своих статьях часто пользуется этим словом. Так, в статье 1863 г. боковая часть дороги уверенно называется им *обочиной*: «Случается тоже, что по просушке жидкой грязи, сдвинутой с коры шоссе на обочины, она не убирается, но разравнивается тут же на обочинах; чрез это обочины теряют должный уклон, а дорога профиль».[17] Так же — в статье 1871 г.: «При 2.5 саж. ширине каменной части шоссе размеры полагаются: верхняя ширина земляного полотна. . . 4.5 саж., ширина двух обочин. . . 2 саж.».[18] У этого автора нет другого названия упомянутой реалии, кроме обочины.

Однако в специальном употреблении характерным для этого периода является наличие нескольких слов со значением ‘боковой части дороги’. Последнее объясняется тем, что еще не было твердого терминологического значения ‘боковой части дороги’. В этом убеждает просмотр специальных руководств и статей того времени. В упоминавшемся руководстве В. Казнакова только дважды используется слово *обрез*, а в дальнейшем автор к нему не прибегает; при необходимости же говорить об этой реалии

---

[16] См. «Русский энциклопедический словарь» И. Н. Березина (т. III, 1876) и «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» Ф. Толля (т. II. СПб., 1861).

[17] А. Гофмейстер. Практические заметки о шоссе и его ремонте. — Журн. Главн. Упр. путей сообщения и публ. зданий, кн. 1. СПб., 1863, с. 5.

[18] А. Гофмейстер. О результатах наблюдений над щебеночным слоем *шоссе* и об устройстве проселочных шоссе. — ЖМПС, т. XIX, кн. V, СПб., 1871, сс. 4—5.

он называет ее то 'края шоссе', то 'стороны, бока дороги': «Снег, навеянный во время метели в виде сугробов, сгребается треугольником и откидывается им по сторонам проезжей полосы».[19] Но чаще всего он оперирует представлениями и понятиями только о дорожном полотне и ездовой полосе.

Также и другие авторы пользуются главным образом понятиями 'земляное полотно' и 'щебеночная насыпь или проездная полоса'. Так, например, в книге Е. Головачева, вышедшей в 1870 г., на 200 страницах только 6 раз встретилось слово *обочина*, ни разу не употреблено было слово *обрез*.[20] И другой автор, К. Бакуринский (1871),[21] предпочитает оперировать преимущественно понятиями о земляном полотне и проездной полосе; надо сказать, что в тех редких случаях, когда автор говорит о боковой части дороги, он пользуется обычно словом *обочина*, *обрез* употреблено только один раз.

В самом конце XIX в. слово *обочина* застаем в качестве единственного и широко употребительного термина в дорожном деле в значении 'боковой части дороги'. Так, в руководстве для студентов института инженеров путей сообщения М. А. Ляхницкого, написанного на основе курса лекций, прочитанных им в 1884 г., имеется раздел, называемый *Обочины*. Таким образом, это термин дорожного строительства. При первом употреблении в книге, как и другие специальные термины, автор отмечает его особо — слово *обочина* набрано курсивом и при нем дается разъяснение: «По обеим сторонам проезжую часть обрамливают обочины ВД и СЕ, не служащие совсем или служащие лишь в исключительных случаях для проезда экипажей; они назначаются для складывания материалов, необходимых при содержании дороги, для упора дорожной одежды, покрывающей проезжую часть, и для прохода путников».[22]

В дальнейшем употребление слова *обочина* в книге не отличается от употребления других слов. Также в переводах М. А. Ляхницкого специальных пособий, сделанных им в восьмидесятых годах, например в книге Ф. Лесслля «Проезжие дороги» [23] и в брошюре О. Шульце «О построении шоссейных дорог».[24]

---

[19] В. Казнаков. Сборник земских дорожных построек, вып. 1. Устройство и содержание грунтовых дорог. СПб., 1877, сс. 67—68.

[20] Е. Головачев. Об устройстве земских дорог и отношении их к железным путям для развития производительности России, вып. 1. Киев, 1870.

[21] К. Бакуринский. Заметки о ремонте щебеночного слоя шоссе. — ЖМПС, т. XIX, кн. VI, 1871, сс. 144—199.

[22] М. А. Ляхницкий. Обыкновенные дороги. Руководство для студентов института инженеров путей сообщения. СПб., 1889, с. 36.

[23] Ф. Лесслль. Проезжие дороги. Пер. М. А. Ляхницкий. СПб., 1884.

[24] Отто Шульце. О построении шоссейных дорог. — Пер. М. А. Ляхницкий. СПб., 1886.

Точно так же использует это слово К. К. Вебер, автор практического руководства по строительству дорог различного типа. Первое употребление слова *обочина*, как все другие термины в руководстве, отмечено кавычками: Остальные боковые, неодетые части полотна называются «обочинами».[25] И для этого автора слово *обочина* не имеет каких-либо стилистических отличий. То же в брошюре К. Бакуринского, вышедшей в 1893 г.: «Осушение обочин, а посредством их и основания щебеночного слоя ускоряется прорытыми поперек обочин воронками».[26]

Что касается других слов с этим значением, упоминавшихся ранее, то они выходят из употребления; за словом *обрез* закрепляется другое значение — 'пространство между внешним краем боковой канавы и границей отчуждения'.

Правомерным поэтому надо считать упрек, адресованный рецензентом составителю военного словаря на пяти языках в том, что французское слово accotements он перевел как 'боковое пространство дороги' в то время как, по словам критика, есть особый термин «обочина».[27]

Интересно, что в художественной литературе второй половины XIX в. уже встречаем использование слова *обочина* в отмеченном значении. Ср., например, у Погосского совершенно обычное, современное употребление слова: [для встречи роты] Капитан с дочерью стал на обочине дороги (Неспособный человек, I, с. 85; напечатано в журнале «Досуг и дело» между 1867 и 1875 гг.). Так же — у С. Максимова (Крылатые слова, 1890, с. 17). Очевидно, это были еще единичные употребления слова.

Использование слова *обочина* Куприным в произведениях 90-х годов стилистически нейтрально, ср., например, в «Ночлеге», впервые напечатанном в 1895 г.: Офицеры шли не в рядах — вольность, на которую высшее начальство смотрело в походе сквозь пальцы, — а обочиною, с правой стороны дороги (I, с. 189) — и в «Олесе», вышедшей в 1898 г.: Мы шли обочиной дороги (V, с. 123).

Очередные издания Русско-французского и Французско-русского словаря Н. П. Макарова свидетельствуют также о том, что слово *обочина* со значением 'боковая часть дороги' в самом конце XIX—начале XX в. имелось в литературном русском языке. В девятом издании Полного русско-французского словаря Н. П. Макарова (СПб., 1900) находим слово *обочина*, также в Dictionnaire français-russe (Makaroff, 11 ed., 1902) слово Accotement переведено как 'обочина', 'окраина' (дороги).

---

[25] К. К. Вебер. Сооружение сельскохозяйственных, лесных, заводских и вообще промышленных подъездных путей. Практическое руководство по устройству грунтовых, рельсовых (постоянных и переносных) и канатных путей. СПб., 1892, с. 234.

[26] К. Бакуринский. О ремонте шоссе. СПб., 1893, с. 9.

[27] «Разведчик» за 1894 г., № 216, с. 991.

О закончившейся терминологизации указанного значения слова *обочина* в специальном употреблении свидетельствует использование его в «Полной энциклопедии сельского хозяйства» (т. III, 1900): Средняя часть полотна . . называется проезжею частью и обрамляется так называемыми обочинами, назначенными не для езды, а лишь для ремонта (с. 9). Терминологическое употребление слова здесь соответствует современному: «Обочина это боковая часть земляного полотна, предназначенная для обеспечения устойчивости средней проезжей части автомобильной дороги или верхнего строения железной дороги», — читаем мы в БСЭ (2-е изд., т. 30).

В указанном значении слово прочно входит в литературный оборот, о чем говорит его широкое употребление в современном литературном языке. Ср. у Серафимовича: Я торопливо беру за руль все еще пышащую теплом машину, откатываю к обочине, ставлю у самой канавы (Скитания, VI, с. 68) — или у Шолохова: Группа конных немцев двигалась по обочине железнодорожного полотна навстречу поезду (Тихий Дон, ч. VI, гл. 1).

К концу XIX в. относится употребление слова в литературном языке с более широким значением, известным и говорам,— 'боковая сторона, бок, окраина, край чего-либо', как *обочина горы*, *обочина леса*, *обочина поля* и т. д. В таком значении употреблено слово у Мамина-Сибиряка: Землянка Ковальчуков приткнулась на самой обочине небольшого увала (Белое золото, 3) — и М. Горького: На дачу он приехал вечером и пошел со станции обочиной соснового леса (Жизнь Клима Самгина, I). Так же — у Шолохова: По обочинам яра густо росли тополи и вербы (Тихий Дон, ч. VI, гл. 62).[28]

Надо сказать, что с конца XIX в. известно употребление слова *обочина* в этом значении в качестве термина, относящегося к сельскому хозяйству. Об этом свидетельствуют справочные издания специального характера. Так, в «Иллюстрированном сельскохозяйственном словаре» С. М. Богданова (1891) читаем: «Обочины, окраины полей, остающиеся нередко без обработки в зависимости от затруднения обрабатывать их орудиями и машинами».

Этот термин встречается в энциклопедических справочниках того времени, например, в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (т. 21, 1897) и в «Большой Энциклопедии» под ред. Южакова (т. XIV, 1904).

---

[28] В литературном языке сочетаемость слова стала более широкой, особенно в языке художественной литературы. Так, у Шолохова находим несколько неожиданное применение слова — *по обочинам щек*, *обочины тучи*: Над степью, заслонив солнце, в зените стояла вздыбленная ветром, густолиловая градовая туча. Белые обочины ее клубились и снежно блистали (Поднятая целина, гл. 36, изд. 1955, с. 308).

Позже такое употребление слова получило широкое распространение, оно стало привычным и в нашей периодической печати. Неслучайно употребление его в художественной литературе. Ср., например, у Лидина: Сосенки ближе к полю редели, и скоро все оно было перед ним в поднявшихся озимых, уже нежно слитых на обочинах с травой (Жаворонок, Свежий ветер, 48).

Примерно в то же время, что и предыдущие значения, *обочина* стало известно в литературном языке еще с одним значением — ‘отвод у простых саней или край тележного кузова, грядка’, очевидно, также пришедшим из говоров (впервые оно отмечено словарем Даля). Находим его у Короленко: Я слышал, как голова Саньки стукнулась об обочину саней (Феодалы, IV, 1).

Таким образом, слово *обочина* входит в литературное употребление сразу с несколькими значениями; каждое из этих значений имеет свой индивидуальный путь в литературный язык — у значения ‘боковая часть дороги’ он оказался наиболее сложным и длительным, продолжающимся почти на протяжении всего века; некоторые из значений, оформляясь как терминологические, тем не менее приобрели общенародное распространение.

Первым словарем после Словаря Даля, отметившим слово *обочина*, был «Толковый словарь» под ред. Ушакова: *обочина* в нем имеет два значения — ‘боковая часть дороги’ и ‘окраина край чего-н.’. В академическом Семнадцатитомном словаре зарегистрированы и другие значения — ‘окраина леса, поля’ и ‘отвод у простых саней или край тележного кузова, грядка’.

Л. И. БАЛАХОНОВА

Подберезовик или березовик? (К истории названия гриба Boletus scaber в русском языке XIX—XX вв.)

Многие систематические названия грибов были заимствованы русским литературным языком из народно-диалектной речи. Исходный образ, ассоциации, послужившие основанием для того или иного наименования гриба, возникшего в народном речевом обиходе, во многих случаях ясны, легко объяснимы. В этих наименованиях отражены характерные признаки, особенности реалии: внешний вид, качество, функциональное сходство, место произрастания и т. п. «Народ, признавая вполне влияние дерев на грибы, дал некоторым из них названия, происходящие от названия дерев, как напр.: березовик, осиновик, подорешник, дубовник», — писал об одной из устойчивых семантических моделей в названиях грибов большой знаток русской природы С. Аксаков.[1]

Для народной номенклатуры грибов характерно несколько типов словообразовательных моделей. Среди наименований грибов по типу деревьев выделяются ряды семантических дублетов, словообразовательная структура которых представляет собой сочетание основы относительного прилагательного (от названия дерева), общей для каждого ряда, с синонимичными суффиксами *-ик*, *-ник*, *-овик* при префиксе *под-* или без него:[2] *осиновик—осинник—подосиновик—подосинник*; *березовик—подберезовик—подберезник*; *дубовик—поддубовик—поддубник* и др. Приведенные словообразовательные варианты не равноценны в лингвогеографическом или синхронном аспектах. Являясь по своему происхождению словами различной географической локализации, одни из них раньше или позже утвердились в общенародном языке

[1] С. Т. Аксаков. Замечания и наблюдения охотника брать грибы. — Собр. соч., т. 4, М., 1956, с. 592.

[2] См. о семантических и словообразовательных моделях в названиях грибов в кн.: В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М., 1967, сс. 149—202.

(хотя некоторые только на какой-то период), другие так и остались диалектными словами.

Кроме приведенных однокоренных вариантов (*березовик—подберезовик—подберезник*) в разных русских говорах существовали и другие наименования гриба Boletus scaber: *грибан*, *обабка*, *обабок*, *бабка*, *козак*, *колосовик*, *подгреб*, *челыш*, *черныш*, *целик*, *целыш*, *серушка*, *серый гриб*, *березовый гриб*, *черный гриб* и др.,[3] однако членами лексической системы общенародного языка в тот или иной период стали только эти однокоренные названия, очевидно, в силу того «влияния дерев на грибы», т. е. тех ассоциативных связей, о которых писал С. Аксаков.

Первым общерусским наименованием из рассматриваемых вариантов стало слово *березовик*, употреблявшееся, как показывают источники, в говорах Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Вологодской и Владимирской губерний.[4] Именно это слово канонизировали словари XVIII в. в качестве общенародного наименования гриба Boletus scaber. Словари же в XVIII в., как известно, являлись одним из основных источников всей ботанической терминологии.

Отсутствие литературного эквивалента было одним из основных критериев отбора и включения в словари диалектизмов, и в том числе и диалектных терминов, которые во многих случаях входили с этого времени в состав общерусской терминологической лексики. Словари узаконивали, определяли место слова с ограниченной территорией бытования в лексической системе общенародного языка.[5]

Начиная со Словаря Нордстета 1780 г.,[6] слово *березовик* последовательно отмечается словарями русского литературного языка и специальными словарями как систематическое название гриба Boletus scaber. Точно таким же образом в XVIII в. из разных местных наименований гриба Boletus versipellis в общенародном языке закрепляется аналогичная беспрефиксальная лексема — *осиновик*. В первом в России «Ботаническом словаре» 1781 г.[7] помещены оба названия — *березовик* и *осиновик*, их пре-

---

[3] Ср. в этом отношении замечание В. А. Меркуловой: «Названия груздя, рыжика и белянки исключительно устойчивы во всех говорах русского языка и не имеют синонимов, названия же белого гриба, подберезовика и подосиновика чрезвычайно дробны и многообразны» (В. А. Меркулова. Очерки по русской народной номенклатуре растений, с. 158).

[4] См.: Картотека Словаря русских народных говоров ИРЯЗ.

[5] Ср.: «Первый период в развитии русской ботанической терминологии, продолжавшийся от начала 50—60 гг. XVIII в., это период введения ботанических народных понятий в письменную литературу» (Л. А. Щербакова. История русской ботанической (морфологической) терминологии. — Тр. Инст. истории естествознания и техники, т. 39, 1960, с. 203).

[6] Российский, с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом, ч. 1. СПб., 1780.

[7] А. Майер. Ботанический подробный словарь или травник, т. I. СПб., 1781.

фиксальных вариантов в этом словаре нет, но уже в Словаре Академии Российской 1789—1794 гг. наряду со словом *осиновик* помещен его префиксальный вариант — *подосиновик*, не сопровождающийся при этом никакими стилистическими ремарками. Слово же *березовик* остается и в этом словаре единственным литературным названием соответствующего гриба.

С конца XVIII в. именно это название встречаем в научной, учебной, художественной и другой литературе. Ср.: В лесах растут . . . грибы: грузди, березовики, сосновиками называемые, волнухи, рыжики и лубянки;[8] Березовик есть один из обыкновеннейших грибов, употребляемых у нас в пищу; [9] Скушавши за ужином шесть сковородок грибов в сметане, к утру [Тихон Алексеевич] лежал на том столе, где накануне кушал вкусные березовики; [10] В некоторых местах (например, в Смоленской губернии) березовик называется колосовиками, потому что впервые появляется в то время, когда начинает колоситься рожь; [11] Сюда же относятся многие из съедобных грибов, напр., белый гриб (боровик), березовик.[12]

Следует заметить, что при параллелизме употребления в литературном языке XIX в. двух вариантов названия гриба Boletus versipellis — *осиновик* и *подосиновик* — слово *березовик* в контекстах и словарях этого времени оказывается вместе не только с однотипной беспрефиксальной лексемой — *осиновик*, но и с его префиксальным вариантом. Ср., например, в «Санкт-петербургской флоре» К. Левина: *березовик—подосиновик*;[13] в Словаре П. Кеппена: *березовик—осиновик*;[14] в Словаре Л. Симонова: *березовик—подосиновик*;[15] в Словаре П. Волкенштейна: *березовик—подосиновик*[16] и т. д.

Несмотря на такое широкое употребление слова *березовик* в письменных источниках всех стилей и жанров, оно все-таки не осталось в общенародном языке XIX в. единственным обозначением данной реалии: в Словарь церковнославянского и русского языка 1847 г. включен заимствованный из народного языка префиксальный дублет слова *березовик*. Казалось бы, в силу естественного стремления к регулярности в образовании названий для родственных понятий авторы Словаря 1847 г. должны были взять местное название *подберезовик* (по аналогии с приведенной в этом

---

[8] Челищев. Путешествие. СПб., 1791, с. 127.
[9] К. Левин. Санкт-петербургская флора. СПб., 1843, с. 38.
[10] П. И. Мельников-Печерский. Непременный. — Собр. соч., т. I, М., 1963, с. 163.
[11] Д. Кайгородов. Собиратель грибов. СПб., 1891, с. 31.
[12] И. П. Бородин. Краткий учебник ботаники. СПб., 1910, с. 210.
[13] К. Левин. Санкт-петербургская флора, сс. 38—39.
[14] Словарь П. И. Кеппена. — Санктпетербургские ведомости, 1856, № 83.
[15] Л. Симонов. Словарь практичн. сведений, необходимых в жизни всякому. СПб., 1884, с. 134.
[16] П. Б. Волкенштейн. Садовый словарь. СПб., 1889.

словаре дублетной парой *осиновик—подосиновик*). Однако Словарь 1847 г. вводит в качестве дублета слово *подберезник* (оно употреблялось, судя по имеющимся источникам, в Вологодской, Архангельской, Калужской губерниях).[17] Слово же *подберезовик* либо не было известно составителям Словаря 1847 г., либо рассматривалось ими как менее распространенное местное слово. Несколько позднее, в период составления «Опыта областного великорусского словаря 1852 г.», слово *подберезовик* было прислано в Академию среди других слов Опоченского уезда Псковской губернии. Именно как псковское слово оно и было впервые зафиксировано в «Областном словаре» Академии: п о д б е р е з о в и к гриб, березовик — Псков. Опоч.[18] (Более поздние диалектные записи этого слова свидетельствуют об употреблении его также на территории Новгородской, Смоленской, Вологодской губерний, Калининской и Ленинградской областей).[19]

Таким образом, первая лексикографическая фиксация слова *подберезовик*, подтверждая факт бытования этого слова на территории русского языка, сразу противопоставила его в качестве локализма принятым общерусским наименованиям.

Как складываются взаимоотношения всех трех лексем во второй половине XIX в.? В этот период общенародная ботаническая терминология, в том числе и систематика грибов, еще продолжала вырабатываться, пополняться новыми названиями. Обозначения, уже введенные в научный оборот, снова пересматривались, сравнивались с новыми, параллельно употреблялись с ними. Одним из основных источников этих новых названий также оставались территориальные диалекты. Ученые, писатели, просто любители родного языка и родной природы, уроженцы разных мест России употребляли в своих книгах, статьях местные слова для названия тех или иных явлений и предметов природы, писали о необходимости широкого использования народных названий для создания научной ботанической терминологии. Так, автор «Описания полезных растений» П. Б. Бланк писал в предисловии к своей книге, что цель ее состоит не только в том, чтобы познакомить с растениями средней полосы, но и «в том, чтобы,

---

[17] См.: Картотека Словаря русских народных говоров ИРЯЗ. Ср. в украинском языке — *підберезник*.

[18] Правда, слово *подберезовик* наряду с другими диалектными названиями грибов можно встретить и до «Опыта областного словаря» в письменных источниках еще XVIII в., в тот период, когда ботаническая номенклатура только еще начала вырабатываться лексикографией и научно-учебной литературой. Ср.: До устья продолжается прекрасный сосновый бор, в коем родится множество всяких грибов, как: козлик, боровик, подберезовик, черный, рыжик, подосинник, груздь, волвень, мохомор, белянка, сыроежка (В. Ф. З у е в. Путешественные записки от СПб. до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787, с. 41).

[19] См.: Картотека Словаря русских народных говоров ИРЯЗ, а также: А. М е р к у л о в а. Очерки по русской народной номенклатуре растений, сс. 198—199.

выставив более усвоенные в народе названия растений, дать возможность ученым специалистам составить русскую номенклатуру оных».[20] Описывая грибы средней полосы России, П. Б. Бланк наряду с латинским, классификационным наименованием дает такое русское, которое представляется ему «наиболее приличным». Для гриба Boletus scaber таким «приличным» названием он считает название *скважник подберезовый* или *черный*. Что касается уже принятого наименования *березовик*, то автор считает его только «простонародным», хотя и широко распространенным. «Гриб этот, — пишет он, — известен в простонародии под многоразличными названиями; в разных местностях более общее — березовик».[21] Дальше в тексте П. Б. Бланк называет гриб по-разному, варьируя три названия — *березовик*, *скважник подберезовый* и *подберезник*, один раз называет его также *подберезовиком*: Трубочки (у подосинника), как и у подберезовика, сначала белые и едва заметные, а потом становятся светло-коричневые.[22]

Ряды синонимических названий растений, в том числе грибов, представил в своем «Ботаническом словаре» П. И. Анненков, значительно пополнив их за счет местных наименований, заимствованных из самых различных источников.[23] П. И. Анненков писал в предисловии к словарю, что цель его — собрать не только систематические («ученые, на латинском языке») названия, но и русские (т. е. «простонародные»).[24] Среди одиннадцати названий гриба Boletus scaber П. И. Анненков дает только два из рассматриваемых наименований: *березовик—подберезовик*.В одной из первых работ, специально посвященных описанию грибов, — «Собиратель грибов» автор ее Д. Кайгородов писал: «Я был бы благодарен за сообщение мне синонимов названий разных грибов, существующих в разных местностях нашего обширного отечества.[25] При каждом принятом общенародном названии гриба Д. Кайгородов помещает известные ему местные названия. Отношение однокоренных лексем *березовик—подберезовик* рассматривается им как отношение общепринятого наименования и его местного соответствия в ряду других местных названий: б е р е з о в и к, подберезовик, березовый гриб, черныш, колосовик, подгреб, бабка, обабок и др.[26]

---

[20] П. Б. Б л а н к. Описание полезных растений, дикорастущих в средней полосе Европейской России. М., 1861, с. II.

[21] Там же, с. 76.

[22] Там же, с. 80.

[23] П. И. А н н е н к о в. Ботанический словарь. Изд. II. СПб., 1878. В предисловии к словарю П. И. Анненков писал: «Почти безошибочно можно сказать, что я пересмотрел все, где только было писано что-нибудь о растениях» (с. XI).

[24] Там же, с. I.

[25] Д. К а й г о р о д о в. Собиратель грибов, Предисловие.

[26] Там же, с. 36.

Несмотря на употребление в работах этого времени разных названий, основным, систематическим наименованием гриба Boletus scaber во второй половине XIX в. и позже все же остается слово *березовик*, но его общерусским синонимом кроме слова *подберезник*, введенного словарем 1847 г., стало и слово *подберезовик*. Употребление его в общенародном языке после появления в «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г. сразу активизируется. Слово попадает, как мы видели, в специальную литературу и в разного рода словари либо в качестве народнодиалектного эквивалента основного наименования (без указаний на границы употребления), либо в качестве менее распространенного общенародного дублета. Без ограничительных помет слово дано в «Толковом словаре» В. И. Даля, откуда и заимствует его в свой «Ботанический словарь» П. И. Анненков, также без помет помещено оно в «Энциклопедических словарях» Брокгауза и Ефрона,[27] Граната [28] и т. д.

Отсутствие ограничительных помет, все большее использование слова *подберезовик* в разного рода научно-популярной и словарной литературе второй половины XIX в. свидетельствуют об усвоении его общенародным языком в качестве нейтрального члена лексической системы. Если в одних источниках этого времени основным эквивалентом слова *березовик* объявляется слово *подберезник*, то в других — *подберезовик*. Ср.: б е р е з о в и к гриб растущий в березниках; подберезник;[29] б е р е з о в и к, или подберезовик (B. Scaber, Tries) вместе с белым грибом, очень распространенный, очень известный и один из лучших съедобных грибов.[30] В художественной литературе второй половины XIX в. оба слова — *подберезник* и *подберезовик* — встречаются лишь эпизодически. Ср.: Как был бы я рад ходить с тобой, как в прошлом году по роще и отыскивать прелестные подберезники!;[31] Любенька пришла, жалуясь, что ей помешали собрать все сокровища рощи по части подберезников и поддубовиков;[32] Ее корзина уже наполнена до краев, причем там все больше белые и подберезовики.[33]

Соотношения трех однокоренных названий гриба Boletus scaber, сложившихся к концу XIX в., если судить по словарям,

---

[27] Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз и Ефрон, тт. 1—41. СПб., 1890—1907.

[28] Энциклопедический словарь т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°», тт. 1—58. Изд. 7, 1910—1948.

[29] Словарь Академии Российской, вып. 1. СПб., 1891.

[30] П. К у м м е р. Книжка для любителей грибов. (Практическое руководство к определению съедобных и несъедобных грибов). Изд. Паульсона, 1882. Пер. с нем. М. Мелиоранского. СПб., 1882, с. 76.

[31] Я. П. П о л о н с к и й. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (из письма И. С. Тургенева). — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников, т. II. М., 1969, с. 434.

[32] В. К р е с т о в с к и й. Встреча. — Собр. соч., т. 3, СПб., 1892, с. 60.

[33] С. В. К о в а л е в с к а я. Воспоминания и письма. М., 1961, с. 67.

сохраняются и в первой половине XX в.: слово *березовик* остается доминантой в синонимическом ряду.

В Словаре под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940) слова *подберезник* и *подберезовик* охарактеризованы как дублеты слова *березовик*, при этом *подберезник* — как его основной эквивалент: б е р е з о в и к березовый или черный гриб, подберезник. П о д б е р е з н и к и п о д б е р е з о в и к то же, что березовик.

В Семнадцатитомном словаре [34] слово *подберезовик* рассматривается как основной эквивалент доминанты, но и третье название — п о д б е р е з н и к — никаких ограничительных помет не имеет: б е р е з о в и к род грибов, растущих вблизи берез; иначе подберезовик. П о д б е р е з н и к то же, что подберезовик.[35]

Показания словарей в данном случае уже не отражают, а отчасти и не могут еще отразить действительного положения и соотношения семантических дублетов *березовик—подберезовик—подберезник* в живом словоупотреблении. Изменения отношений внутри синонимического ряда, устаревание, вытеснение из активного употребления одних названий, укрепление и победа других — процесс, как известно, подчас прихотливый. И все же во многих случаях можно объяснить причину возникновения в языковой стихии предпочтительности той или иной лексемы, установить объективные факторы жизнеспособности победившей лексемы. В данном случае большее соответствие внутренней формы лексическому значению у префиксальных названий *подберезовик—подберезник* (под березой растущий, находящийся), чем у беспрефиксального — *березовик*, нейтрального по своей внутренней форме (относящийся к березе),[36] делало их объективно более «правильными» обозначениями данной реалии. В свою очередь воздействие закона аналогии (*подосиновик*) не могло остаться безрезультатным при конкуренции в языке префиксальных названий и не сделать слово *подберезовик* потенциально более перспективным.

Действительно, в XX в., особенно в языке советского времени, исчезает из словоупотребления сравнительно мало употреблявшееся и ранее слово *подберезник*. (Правда, как уже говорилось выше, лексикографическая традиция оказалась настолько прочной, что слово *подберезник* исчезает только в последних по времени словарях.)[37] Если слово *подберезник* сравнительно легко уступило свои позиции в языке, то основное, проверенное временем обще-

---

[34] Словарь современного русского литературного языка, тт. 1—17. М.—Л., 1949—1965.

[35] Не только в толковых словарях, но даже в некоторых двуязычных словарях 50-х годов даны еще все три названия: *березовик — подберезовик — подберезник* (ср.: Русско-белорусский словарь. М., 1953).

[36] Ср. значения у слова *березовик*, отмеченные словарями XIX в.: 1) тетерев; 2) березовый сок — значения, невозможные у префиксальных образований *подберезовик—подберезник*.

[37] Словарь русского языка, тт. 1—4. М., 1957—1961; С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка. Изд. 4-е. М., 1961.

русское наименование *березовик* «вступает в решительную борьбу» со своим конкурентом. Борьба их в современном языке, особенно в письменной его разновидности, настолько осложнилась и за сферы употребления, и за право вообще удержаться в пределах литературного языка, что начали колебаться и позиции слова *подберезовик*, завоеванные им к началу XX в., и позиции слова *березовик*, утвердившиеся за ним еще в XVIII в. Иначе говоря, «диалектное происхождение» обоих слов снова стало ощущаться, но только в каждом случае для одного из них — в зависимости от предпочтительности того или иного варианта названия, даже в пределах одного функционального стиля. Стилистическая оценка обоих наименований поэтому оказывается у разных авторов работ по микологии, популярных статей о грибах и т. п. взаимоисключающей, противоположной, несмотря на оценку их в нормативных словарях как одинаково стилистически нейтральных. Одни авторы, сохраняя традицию, признают номенклатурным наименованием только слово *березовик*, отводя его варианту *подберезовик* в системе русского языка то место, которое он занимал в середине XIX в., т. е. расценивают его лишь как народнодиалектное, местное название в ряду других самых различных по структуре образований. Ср., например, в первом издании БСЭ (1927):[38] б е р е з о в и к (другие народные названия: подберезовик, черный гриб, обабок и др.). То же в статье Н. Н. Галахова: «Наши съедобные грибы» (1948): Вид гриба и его местные (народные) названия. . . Березовик (Boletus scaber Bull), подберезовик, березовый гриб, черный гриб, колосовик, подгреб, бабка. . .[39] То же в статье В. Федяева «Грибы — чудо природы» (1964): Березовик. Ценный гриб второй категории или третьей. . . Его местные названия — подберезовик, серый гриб, или серенький, черный гриб, или черныш, обабок.[40]

Следует отметить, что подобная трансформация произошла в языке советского периода и с дублетной парой *осиновик—подосиновик*.

Можно проследить четкую взаимосвязь в употреблении соответствующих пар *березовик—осиновик* и *подберезовик—подосиновик* в тех или иных контекстах последних десятилетий.

Обычно авторы предпочитают какую-либо одну словообразовательную модель того и другого наименования, префиксальную или беспрефиксальную, совсем не употребляя другую модель или рассматривая ее как народнодиалектную в том и другом случае. Так, если В. Федяев считает слово *березовик* номенклатурным названием, а его вариант *подберезовик* — местным, то соответ-

---

[38] Большая Советская Энциклопедия, тт. 1—65. М., 1929—1947.

[39] Н. Н. Г а л а х о в. Наши съедобные грибы. — Календарь русской природы, кн. 1. М., 1948, с. 208.

[40] В. Ф е д я е в. Грибы — чудо природы. М., Изд. «Московский рабочий», 1964, сс. 34—35.

ственно он классифицирует и пару *осиновик—подосиновик*: В народе осиновик называют подосиновиком, красным грибом, краснюком или красноголовиком.[41]

Автор многочисленных работ о грибах, написанных в 40—60-е годы, Б. П. Васильков признает систематическими названиями только беспрефиксальные формы — *березовик* и *осиновик*: К «хорошим», то есть к более ценным видам съедобных грибов, относятся следующие: белый гриб, осиновик, березовик, масленок поздний.[42]

И дальше в тексте и в приложенном к нему определителе употребляется только *березовик* и *осиновик*.[43]

В «Ботанике» П. М. Жуковского эти грибы также соответственно называются *березовиком* и *осиновиком*: Род содержит ряд ценных съедобных грибов: белый гриб, или боровик. . ., березовик (B. scaber), осиновик (B. versipellis) и др.[44]

В то же время в других подобных по стилю и жанру контекстах 40—60-х годов как раз наоборот: префиксальные варианты *подберезовик—подосиновик* признаются единственными общенародными наименованиями соответствующих реалий, беспрефиксальные же варианты если и встречаются, то характеризуются здесь как диалектные. Так, например, в книге Б. В. Андреста «Грибы» в номенклатурном перечне общенародных названий грибов в скобках приведены локально ограниченные названия, среди которых оказываются и *березовик*, и *осиновик*: подберезовик (березовик, обабок, бабка, серый гриб, черныш. . .), подосиновик (осиновик, обабок, красный, красноголовик).[45]

В тексте употребляются только *подберезовик*, *подосиновик*. Эти наименования употребляют также В. Г. Нестеров,[46] Л. И. Курсанов и И. А. Комарницкий,[47] М. В. Культиасов [48] и др. Ср. также: Простейшая структура представлена в современном литературном языке. Грибы: подосиновик, подберезовик, рыжик, груздь и т. д.,[49] Грибник, отправляясь в лес, хочет собрать побольше белых, подосиновиков, подберезовиков, волнушек.[50]

---

[41] Там же, с. 32.

[42] Б. П. Васильков. Съедобные и ядовитые грибы. Л., 1963, с. 7.

[43] См. также: газ. «Советская торговля», 16 VI 1955; Л. А. Маслов. Кулинария. М., 1957, и др.

[44] П. М. Жуковский. Ботаника. Изд. IV. М., 1964, с. 485.

[45] Б. В. Андрест. Грибы. М., 1968, с. 114.

[46] В. Г. Нестеров. Общее лесоводство. Изд. II. М., 1954, с. 124.

[47] Л. И. Курсанов, И. А. Комарницкий. Курс низших растений. М., 1945, с. 347.

[48] М. В. Культиасов. Ботаника. Систематика растений, ч. II. М., 1955, с. 148. См. также: И. А. Комарницкий, Л. В. Кудряшов, А. Л. Уранов. Систематика растений. М., 1962, с. 171, и др.

[49] В. А. Меркулова. Очерк по русской народной номенклатуре растений, с. 57.

[50] С. Борисов, А. Ливеровский. Грибная грамота. — Ленинградская правда, 8 VII 1971.

И, наконец, наряду с авторами, решительно предпочитающими тот или другой морфологический вариант, немало можно встретить и таких, которые параллельно употребляют обе словообразовательные модели, воспринимая их либо как стилистически нейтральные, либо если и дифференцируя, то не так решительно, как названные выше авторы.

Различие данных словообразовательных вариантов в этих контекстах обнаруживается в их большей или меньшей терминологичности и частоте употребления. Беспрефиксальные образования *березовик—осиновик* воспринимаются этими авторами как более «официальные», «книжные» наименования. Именно так их расценивает В. Солоухин в своем произведении «Третья охота», посвященном русскому лесу и его грибному богатству и продолжающем традиции С. Аксакова. Ср.: Редкое удовольствие — собирать челыши. Так у нас называют молодые подосиновики, или, более правильно, по-книжному, осиновики.[51] Несмотря на такую оценку беспрефиксального названия, в тексте В. Солоухин чаще употребляет префиксальные варианты — *подберезовик*, *подосиновик*. Под рисунками этих грибов он дает оба названия: на одних страницах — беспрефиксальные названия,[52] на других — префиксальные.[53] Ср. также у других авторов: Чаще всего березовики находят в березовом редколесье. . . Нередко подберезовик встречается и в хвойных лесах.[54] Дальше в тексте автор употребляет только слово *подберезовик*.

Обращает на себя внимание тот факт, что при параллельном употреблении обоих словообразовательных вариантов в одном и том же контексте частота употребления префиксального варианта обычно более высокая.

Диаметрально противоположная стилистическая оценка у одних авторов и параллелизм употребления у других авторов двух словообразовательных моделей свидетельствует об отсутствии стабилизации в положении их в современном литературном словоупотреблении; ни одна из них пока не закрепилась в качестве единственного, основного номенклатурного наименования.

И все же, несмотря на противоположность и неустойчивость в употреблении этих вариантов, источники дают возможность установить известную жанрово-стилистическую дифференциацию в их функционировании, а также, думается, дают возможность судить о перспективах и жизнеспособности каждого из них.

Параллелизм функционирования двух словообразовательных моделей *березовик* (*осиновик*) — *подберезовик* (*подосиновик*), хотя

---

[51] В. Солоухин. Третья охота. — Наука и жизнь, 1967, № 6, с. 97.
[52] Там же, сс. 99, 103.
[53] Там же, № 5, с. 104.
[54] Г. Кученова. За грибами. Калининград, 1960, с. 16. См. также: Н. Д. Кудинцов. Товароведение для кулинаров, ч. II, гл. 2. М., 1955, с. 90, и др.

имеет место в различных по характеру контекстах, все же ограничен сферой специального употребления и научно-популярной литературой. И здесь слово *березовик* имеет более узкую сферу применения. Если в «грибной», товароведческой, справочной, научно-популярной литературе мы встречаем тот и другой словообразовательный вариант названия, то в современной общей ботанической литературе употребляется преимущественно префиксальный вариант — *подберезовик* (примеры см. выше).

Что касается художественной литературы и особенно устной речи, то можно утверждать, что здесь префиксальный вариант занимает господствующее положение. Ср.: Чаще всего мы приносили маслят, подосиновиков, подберезовиков, сыроежек;[55] На опушках березовых рощиц. . . уже выстроились, словно выточенные капельки, подберезовики.[56]

В речевой практике носителей русского литературного языка нам ни разу не приходилось слышать, чтобы гриб Boletus scaber назывался *березовиком*, точно так же, как гриб Boletus versipellis — *осиновиком*. Живая устная речь в этом, как и в других случаях, оказывается более прогрессивной в усвоении того или иного слова, в то время как письменные источники дольше сохраняют традиционную форму или слово.

Функционирование префиксальных названий в составе устной речи не может не воздействовать в свою очередь на укрепление их во всех стилях и жанрах русского языка.

Если наименования *подберезовик*, *подосиновик* и не победили пока, о чем свидетельствуют письменные источники, то, очевидно, являются жизнеспособнее своих лексико-грамматических конкурентов в силу большей мотивированности, определенности своей внутренней формы.

---

[55] Н. Н. Л я ш к о. Никола из Лебедина. — Соб. соч., т. 2, М., 1955, с. 576.

[56] В. Г. Л и д и н. История одного дерева. — Повести, рассказы, воспоминания. М., 1954, с. 444.

Е. А. ЛЕВАШОВ

Названия лиц по местности в русских говорах и литературном языке

Названия лиц по местности (nomina regionalia) суть производные географических имен. Эти названия — один из самых обширных тематических разрядов русских существительных нарицательного значения: о том, каково их количество в языке, «всяк легко рассудит, кто несчетное множество земель, городов, сел, рек, озер и прочих мест представит».[1] Подобные названия, принадлежащие литературному языку, довольно полно изучены в словообразовательном отношении (производящие основы, образующие суффиксы, фономорфологические явления на морфемном шве); названия жителей городов и райцентров РСФСР собраны в специальном словаре.[2]

В то же время «отечественные имена»[3] — едва ли не единственная крупная тематическая группа существительных, еще недостаточно привлекшая внимание диалектологов, о чем свидетельствуют беглые наблюдения по словопроизводству «отечественных имен» в работах, посвященных лексике отдельных говоров, отсутствие обобщающих исследований по диалектному словообразованию таких существительных, единичные включения слов — названий

---

[1] М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. VII, М.—Л., 1952, с. 471.

[2] Словарь названий жителей. РСФСР. Под ред. А. М. Бабкина. М., 1964. См. также: З. С. Шеломенцева. Словарь названий жителей Киргизской ССР. Фрунзе, 1968. Создаются подобные словари и на материале белорусского (В. А. Горпинич) и украинского языков.

[3] Термин русской грамматической науки начала XVII—середины XIX вв. (М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, А. А. Барсов, Н. Греч, И. Давыдов, Г. Павский). Современные термины: патронимы, патронимические названия (от греч. πάτρᾱ 'отечество, родина'). См.: Г. Павский. Филологические наблюдения, т. I. СПб., 1850, с. 80; М. Chapiro. The derivational morphology of russian patrials. Lingua, vol. 16, № 1 (p. 1), № 2 (p. 2). Amsterdam, 1966; Е. А. Левашов. О патронимической лексике русского языка и ее лексикографическом описании. — В кн.: Современная русская лексикология. М., 1966.

жителей в областные словари прошлого и настоящего.[4] Лишь с недавнего времени названия жителей как топонимические производные стали обязательной частью системных описаний ареальной топонимики.[5]

Положение слов — названий жителей в языке определяется их семантическим и структурным происхождением от собственных имен. Уточним эту мысль.

Их словопроизводство: основная часть «отечественных имен» опирается на суффиксы общенародного языка.

Их значение: обобщенное содержание «отечественных имен» и конкретное содержание каждого отдельного наименования терминологично и едино для всех носителей языка: уроженец, обитатель такого-то населенного места, такой-то местности.

Их бытование в языке: зависимость от слов, не связанных с общими понятиями (связанных с понятиями единичными, формой выражения которых являются собственные имена), относит названия жителей в периферийную область языка.

Их употребление: производность от географических (топонимических, гидронимических, оронимических и т. д.) имен, более чем на $^{9}/_{10}$ известных лишь местному населению, делает конкретные патронимические наименования почти исключительной принадлежностью местной речи.

Итак, русские слова — названия жителей в своей массе являются общенародными по значению и структуре и местными по употреблению. Такие слова внедиалектны.

Лишь часть местных слов — названий жителей представляет собой «слова с теми же корнями и значениями, что и в литературном языке, но в ином аффиксальном оформлении».[6] Именно такие

---

[4] См. примеры таких вкраплений: **Ана́дырщик** — житель реки Анадыря (В. Богораз-Тан. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901); **Ваган** — житель р. Ваги (В. Даль. Толковый словарь. . ., т. 1, 1862); **Ветлу́жан** — житель Ветлужского края (Словарь русских народных говоров, вып. четвертый. Л., 1969); **Оло́нча** — говорят и *наша олонча* вм. *олончанин*, и *наши олонча* вм. *обыватели* Олонецкой губ. вообще (Г. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898); **Холмого́ра, холмого́ры** — жители города Холмогор (А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. СПб., 1907).

[5] См. вопросники по собиранию топонимической и оттопонимической лексики: Б. А. Ларин. Вопросник по топонимике. — Уч. зап. ЛГУ, № 267, 1960; А. И. Ященко. Принципы составления гидронимических региональных словарей. (На материале гидронимики Курской обл.). — В кн.: Межвузовская конференция по итогам научно-исследовательской работы за 1963 г. Программа и тезисы докладов. Череповецкий пед. инст. Вологда, 1964; Л. М. Майданова. Из опыта работы севернорусской топономической экспедиции. — В кн.: Вопросы топономастики, вып. 2. Свердловск, 1965; Э. Д. Барышникова и др. Программа и инструкция для топонимических экспедиций. Свердловск, 1968.

[6] Ф. П. Филин. Проект Словаря русских народных говоров. М.—Л., 1961, с. 36.

названия — и только они — и должны считаться диалектизмами.[7]

Из сказанного вытекает, что отнесение «отечественных имен» к диалектной лексике базируется не на семантической, а лишь на структурной основе. Возникает вопрос: в чем конкретное отличие диалектного патронимического словообразования от общенародного?

Патронимическое словообразование в современном литературном языке характеризуется следующими постулируемыми здесь положениями. В качестве производящих основ выступают основы топонимов или основы оттопонимических прилагательных на *-ск(ий)*. Отсюда вытекает деление образующих патронимических суффиксов на субстантивные (малопродуктивный *-анин/-янин* и непродуктивные *-ич*, *-ак/-як* и др.) и субстантивирующие [8] (*-ец* и *-чанин*). Непродуктивность (*-ич*, *-ак/-як*) или ограниченная продуктивность (*-анин/-янин*) субстантивных суффиксов в патронимических новообразованиях говорит о том, что производство слов — названий жителей непосредственно от топонимов — это затухающий в современной патронимике словообразовательный способ. Продуктивность субстантивирующего суффикса *-ец* и рост продуктивности субстантивирующего суффикса *-чанин* свидетельствуют о том, что образование слов — названий жителей от основ относительных (оттопонимических) прилагательных — активный и все более активизирующийся способ. Производство основной массы патронимов не прямо от основы топонимов, а опосредованно — через основы оттопонимических прилагательных на *-ск(ий)*[9] — является самой характерной чертой современного патронимического словообразования в литературном языке.[10]

Перейдем к конкретному диалектному материалу.[11] Категориальная однотипность производящих основ и разнообразие обра-

---

[7] «Основу любого говора русского языка составляет лексика, общая для всех говорящих по-русски (для всего русского народа); отличаются же говоры друг от друга и от общенародного (литературного) языка теми особенностями, которые и называются диалектизмами» (Ф. П. Сороколетов. Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка. — В сб.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 227).

[8] А. А. Дементьев. Названия лиц по местности с суффиксом *-ец*. — Русский язык в школе, 1946, № 2, с. 37.

[9] См. мнение Копердана о том, что центральным членом цепочки топоним — оттопонимическое прилагательное — патроним является адъектив: St. Koperdan. K tvoreniu substantiv a adjektiv z miestopisných názvov. — Jazykovedné stúdie, III. Bratislava, 1958, s. 89.

[10] Подробнее см.: Е. А. Левашов. Названия лиц по местности в современном русском языке. (Вопросы словообразования). Автореф. канд. дисс. Л., 1968.

[11] Материал в основном взят из «Словаря названий жителей», опирающегося в данном случае на местные источники — современные или недавнего прошлого.

зующих суффиксов требуют рассматривать его с точки зрения образующих суффиксов.

С у ф ф и к с ø. Патронимы с нулевым суффиксом: *белозер* (о. Белое, г. Белозерск), *большесел* (с. Большое Село, Яросл. обл.), *верхотур* (г. Верхотурье, Свердл. обл.), *вытегор* (р. и г. Вытегра, Волог. обл.), *каргопол* (г. Каргополь, Арханг. обл.), *красносел* (с. Красное-на-Волге, Костр. обл.), *краснояр* (г. Красноярск), *кушаль* (с. Кушалино, Калин. обл.), *куштозер* (с. Куштозеро, Арханг. обл.), *мосаль* (г. Мосальск, Калуж. обл.), *мураш* (с. Большое Мурашкино, Горьк. обл.), *нижегород* (г. Нижний Новгород), *новотор* (Новоторский р-н, Калин. обл.), *осташ* (г. Осташков, Калин. обл.), *павёл* (с. Павлово, Горьк. обл.), *пошехон* (г. Пошехонье-Володарск, Яросл. обл.), *пустозер* (с. Пустозерск, Арханг. обл.), *сергач* (г. Сергач, Горьк. обл.), *соликам* (г. Соликамск, Перм. обл.), *старорус* (г. Старая Русса, Новг. обл.), *устьцилем* (с. Усть-Цильма, Коми АССР), *холмогор* (с. Холмогоры, Арханг. обл.), *чистопол* (г. Чистополь, Тат. АССР) и др.

Текстуальные примеры: В зимнюю ненастную погоду, когда деревня чуть не до крыш утопает в сугробах снега, карпогол отправляется в извоз (П. Патунин, Каргопольщина, 1924, с. 31); — Ты — пошехон? — Да, пошехон. — А из какого места? — Да ермаковский (Песни и сказки Ярославской области, 1958, с. 92).

Лишенные суффикса — обязательной принадлежности обычного «отечественного имени», — бессуффиксальные патронимические наименования употребляются только местным населением. Лишь единицы из них вошли в литературный язык (например, *вытегор*, *осташ*). Под натиском суффиксальных образований бессуффиксальные патронимы уходят из местного обихода.

Городам, названия жителей которых бессуффиксальны, в среднем по 550—600 лет, т. е. среднее приблизительное время их возникновения относится к концу XIV—началу XV в. Разумеется, полутысячелетнее существование города — еще не залог того, что столь же давен соответствующий бессуффиксальный патроним,[12] и тем не менее очевидно, что бессуффиксальный словообразовательный патронимический тип весьма древен. Диалектные по происхождению и устные по употреблению, бессуффиксальные «отечественные имена» в древнерусском языке обнаруживаются через прозвища: «пятидесятник Петрушка Белозеров»[13] (1605), «тобольской казак Богдан Колмогор»[14] (1609) и др.

---

[12] Ср.: «Названия жителей в русском языке — слова не менее древние, чем названия населенных мест» (А. С у п е р а н с к а я. Что такое «чане». — Неделя, 16—22 X 1966).

[13] Акты Московского государства, т. 1. СПб., 1890, с. 74. *Белозеров* — прозвищное отчество, прозвище отца — *Белозер*. По времени бытования второе предшествует первому; стало быть, прозвище *Белозер* относится не позже, чем к концу XVI в.

[14] Акты исторические, т. II. СПб., 1841, с. 299.

С у ф ф и к с *-арь*. Примеры: *мышкарь* (пгт Мышкино, Яросл. обл.), *пежмарь* (р. Пежма, Волог. обл.), *скобарь* (Псковская обл.), *чунарь* (р. Чуна, Ирк. обл.).

Текстуальный пример: Иванов — местный, «коренной скобарь» из Патокина (Сов. Россия, 12 III 1966).

Суффикс *-арь* прослеживается с периода общеславянского единства и обозначает лиц мужского пола по роду их деятельности или в связи с орудием действия. Между тем в ряде славянских языков (в их диалектах) он известен в патронимическом значении (например, Пердов—пердар).[15] Применительно к русским говорам это его значение отмечается здесь впервые. Литературный язык знает лишь одно слово этой модели — *волгарь* (бытует в нем с последней четверти XIX в.).

С у ф ф и к с *-ан*: *ваган* (р. Вага, приток Сев. Двины), *варзужан* (с. Варзуга, Мурм. обл.), *ветлужан* (р. Ветлуга), *ильган* (с. Ильгощи, Калин. обл.), *черепан* (г. Череповец) и др. Форма мн. ч. — на *-ы* (*ваганы*, *черепаны*).

Текстуальные примеры: Черепаны, подлецы, || Шьют худые сапоги (Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. 321); А варзужане на своих лодочках с шестами запросто ходят по реке километров на двести от села. Отсюда и присловье—присказка: «Фараон на колеснице, варзужан на поезднице» (С. Панкратов, Солнечный ветер, 1963, с. 143).

Патронимическое значение суффикса *-ан* известно не только русскому языку. Так, патронимы на *-ан* распространены в чешском и словацком языках, где они — принадлежность как литературного языка, так и говоров (Praga—pražan, Brno—brňan, Moskva—moskvan, Florencia—florentan).[16]

С у ф ф и к с *-ач*: *леткач* (с. Летки, Морд. АССР), *саргач* (с. Сарга, Морд. АССР), *симач* (г. Сим, Челеб. обл.).

Суффикс *-ач* известен с общеславянской эпохи. В патронимическом значении он присутствует не только в русских диалектах,

---

[15] М. Сл. М л а д е н о в. Ихтиманский говор. София, 1966, с. 129. См. также: St. K o p e r d a n. K tvoreniu. . ., s. 87; И. И. К о в а л и к. Сравнительная характеристика словообразовательной категории названий лица в сербо-лужицких говорах. — В кн.: Всесоюзная конференция по славянской филологии 17—22 декабря 1962 г. Программа и тезисы докладов. Л., 1962, с. 93.

[16] M. D. Obyvatelská jména k cizim názvom osadnim. — Naše řěč, 1954, № 1—2, s. 190—192; A. J á n o š i k. Kvantita ženských foriem-anka (-ianka) k menám obyvatel'ov na -an. — Slovenská reč, 1946, číslo 3—4, 5—6 (Яношик отмечает, что древнейшая функция суффикса *-an* — обозначать жителя); Jan H o r e s k ý. Slovotvorná sústava slovenčiny. Bratislava, 1959, s. 94; E. J o n a. Mená obyvatelóv k novým miestnym názvom. — Slovenská reč, 1948—1949, číslo 7—8, s. 218—219; St. K o p e r d a n. K tvoreniu. . .. s. 85—86; Jan S t a n i s l a v. Dejiny slovenského jazyka, III. Bratislava, 1967, s. 244.

но и в нижнелужицком и словацком языках.[17] Русские патронимы на *-ач* несут в себе оттенок пренебрежения, фамильярного обращения, неуважения.

Суффикс мн. ч. *-ят(а)*: *бушневята* (с. Бушнево, Костр. обл.), *вишерята* (р. Вишера, приток Камы), *кикнурята* (с. Кикнур, Кировская обл.), *макарята* (г. Макарьев, Костр. обл.), *пестрята* (д. Пестревщина, Кировская обл.), *санчурята* (г. Санчурск, Кировская обл.), *чухломята* (г. Чухлома, Костр. обл.), *шенкурята* (г. Шенкурск, Арханг. обл.), *ярцевята* (с. Ярцево, Костр. обл.) и др. Ед. ч. — на *-ёнок/-онок* (*шенкуренок*, *санчуренок*).

Текстуальный пример: В Чухломе бывают по вторникам торги...; на этот день съезжаются из деревень чухломята (И. Корнилов, От Костромы до Соль-Галича, 1862, с. 32).

Суффиксы, представленные в материалах единичными примерами, — собир. *-ьё*: *пижаньё* (с. Пижанка, Кировская обл.); *-ай*: *ветлугай* (р. Ветлуга); *ень*: *островень* (г. Остров, Пск. обл.); *ёш(а)*: *макарёша* (г. Макарьев, Костр. обл.); *-уш(а)*: *вохмуша* (р. и с. Вохма, Костр. обл.); *-ыль*: *мордыль* (с. Мордово, Ворон. обл.); *-кас*: *вачкас* (пгт Вача, Горьк. обл.); *-щина*: *оханщина* (г. Оханск, Перм. обл.) и некоторые другие.

Текстуальный пример: — Да и то же самое, как мы, ветлугаи, дожились до того, что ни хлебов, ни водочки, ни табаку (В. Г. Короленко, В пустынных местах); Ветлугаи — довольно простодушный и гостеприимный народ, до сих пор сохранивший черты исконного русского быта (А. Жирмунский, В ветлужских дебрях.— Естествознание и география, 1915, № 2, с. 5); А до революции [я] работал на купцов-ветлугаев из Заветлужья (Вохомская правда, 21 III 1967).

Названия жителей, произведенные с помощью диалектных суффиксов, — островки в море местных «отечественных имен», опирающихся на общенародные патронимические суффиксы: *-анин/-янин* (типа *мосурянин* — с. Мосур, Калуж. обл.), *-ич* (типа *дугнич* — п. Дугна, Калуж. обл.), *-ак/-як* (типа *росляк* — с. Рослятино, Волог. обл.), всегда активный *-ец*.[18]

Для нас наибольший интерес представляет суффикс *-ец*. В патронимическом употреблении он был продуктивен во все эпохи

---

[17] И. И. Ковалик. Сравнительная характеристика..., с. 93; St. Koperdan. K tvoreniu..., s. 85.

[18] См. данные по «Словарю названий жителей»: «При анализе основной части словаря получается следующая картина: 2530 рассмотренных слов образованы при помощи 15 различных суффиксов. При этом 6 суффиксов (*-ец*, *-анин/-чанин*, *ø*, *-ич*, *-ак*, *-итин*) образуют 99% всех названий жителей, в то время как остальные суффиксы выступают в редких случаях» (В. Müller. Словарь названий жителей. РСФСР. Под ред. А. М. Бабкина. Zeitschrift für Slavistik, 1966, № 1, s. 123). В словарь вошли в основном производные от областных и районных центров; названия жителей деревень в своей совокупности дали бы несколько иную цифровую картину (не изменив ее сущности) — увеличение удельного веса диалектизмов.

существования русской письменности. Причина этой активности в том, что в словообразовательном процессе он выступает как заместитель суффикса относительных (оттопонимических) прилагательных *-ск-*: Андрѣи вяземьскыи князь приде с вяземци;[19] Казимиръ король. . . всем бояромъ брянскимъ и всѣмъ мужомъ бряньцомъ.[20] Суффикс *-ец* тем самым сопрягается с производящей основой (на *-ск-*), которая является в русском языке основным выразителем идеи принадлежности (шире — отношения). Оттопонимическое прилагательное на *-ск(ий)* оказалось структурно и семантически сопоставимым с оттопонимическим существительным на *-ец*.[21] Ср.: Коля и сам был калининский (В. Субботин, Опустите оружие) и: Коля и сам был калининец.

Для говоров (шире — для просторечия) характерно употребление оттопонимических субстантивированных прилагательных, для литературного языка — существительных на *-ец* (см.: Увар был калужанин, Мартын — орловец, и иногда подшучивал Мартын над Уваром: — Ну, калуцкий! . . Ваши они, калуцкие, мозговые. — С. Сергеев-Ценский, Валя). Патронимическая модель на *-ец* вторгается в говоры на правах общенародного и литературного эталона и тем самым теснит местные патронимические модели.[22] Таким образом, в диалектах превращение оттопонимического прилагательного в существительное идет не морфологическим, а морфолого-синтаксическим (по-видимому, наиболее древним) путем.

Подведем итог. При всем том, что ни говоры в целом, ни группа говоров в совокупности, ни хотя бы один из говоров в отдельности до сих пор исчерпывающе не обследованы с точки зрения механизма

---

[19] ПСРЛ, т. 1. М., 1962, с. 485 (Суздальская летопись, 1300 г.).

[20] Акты Западной России, т. 1. СПб., 1846, с. 67 (1450 г.).

[21] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III. М., 1968, с. 104.

[22] См. и ср.: «Названия лиц по месту жительства. Производящая основа — именная (название города, села, реки). Модель — сочетание этой основы с суффиксом *-ец* (фоминец, туринец). Данная модель еще только появляется в говорах под влиянием литературного языка. Значительно чаще в говоре для называния лиц по месту жительства употребляется прилагательное от названия городов (челябинский, свердловский, ирбитский) и деревень (ивановские, новоселовские, шипицинские)» (Л. В. Сахарный. Словообразование личных имен существительных в говорах Среднего Урала. — В кн.: Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963, с. 92). «В кругу обозначения лиц, образованных с помощью суффикса *-ец* от основ существительных, выделяется тип наименований, восходящих к географическим названиям и обозначающих уроженцев или жителей какой-либо страны, области, селения. . . Употребление личных существительных последнего типа (мурашинец, опаринец) более характерно для молодежи и вообще для носителей говора, сильнее затронутых влиянием литературной речи. В параллель им представители старшего поколения. . . употребляют чаще относительные прилагательные (обычно субстантивированные)» (В. В. Симонов. Словообразование имен существительных со значением лица в кировских говорах. — В кн.: Очерки по русскому языку, II. Киров, 1965, сс. 147—148).

производства и условий бытования слов — названий жителей, самые общие выводы намечаются весьма отчетливо. Главным основанием для них служит (при сознании скромности исследовательской базы) то, что ни один из имеющихся в распоряжении автора примеров не противоречит им.

В сфере образования и бытования «отечественных имен» русские говоры характеризуются следующими особенностями.

1. Общее понятие «житель, уроженец такого-то города, такой-то деревни, местности» выражается в говорах двояко: через субстантивированное оттопонимическое прилагательное на *-ск(ий)* и через существительное.

2. Помимо патронимических суффиксов, принадлежащих общенародному языку, говоры обладают собственным набором суффиксов того же значения. Эти суффиксы соединяются с полными или усеченными основами географических имен и потому носят только субстантивный характер.

3. «Отечественное имя», образованное по диалектной словообразовательной модели, как правило, обладает дублетом, соответствующим словопроизводной норме общенародного языка (*каргопол — каргополец, мышкарь — мышкинец, ветлугай — ветлужанин* и под.). При отсутствии такого дублета диалектный патроним поневоле становится словом литературного языка (*вачкас, окарь*).

4. Диалектные формы выражения патронимической идеи (субстантивированные оттопонимические прилагательные, а также существительные, оснащенные диалектными суффиксами) со сменой поколений все более вытесняются патронимами-существительными, образуемыми по общенародным словопроизводственным эталонам.

5. Почти все русские диалектные патронимические суффиксы представлены в том же значении в других славянских языках.

Н. С. КОТКОВА

Наименования русских поземельных мер в их истории

Среди наименований полевых участков и в древнерусских источниках, и в текстах XV—XVII вв. выделяются названия, соотносимые с названиями орудий земледелия и их частей: *плуг*, *соха*, *обжа* и некоторые другие.

Примеры употребления подобных названий до XV в. единичны, что легко объясняется содержанием памятников той эпохи, в массе своей церковных. В «Русской Правде» поземельной мерой оказывается *плуг*: В селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовьских а того на одно лето прибытка на 2 плуга 100 копен ржи (Р. Пр., 28). Данную меру обыкновенно приравнивают к 8 позднейшим десятинам.[1] Ее метрологическое значение определялось исчисляемым в кадях высевом зерна. Слово *плуг* выступает и как название единицы обложения: в известии о взимании киевским князем дани с вятичей говорится, что дань взималась от плуга (982, НІЛ, 130), есть упоминания о дани с *плуга*, которую требовали татары.[2]

В текстах более позднего времени встречаем указания и на доли *плуга*. Например, о четверти плуга с рожью узнаем из переяславской закладной 1554—1555 гг. (ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, д. 15, л. 11 об.); в порядных Спасо-Прилуцкого монастыря: (снял). . . з дочери его с Марьи, четверть плуга земли с насиянною рожью. . . и пахати . . . четверть плуга по старым межам да переложить земли и луги росчищати (Вологда, 1618, РИБ, XXXV, 151); Поредился. . . в деревню. . . на четверть плуга земли, в Ыгнатьевской жеребей, на пустую землю, и без хором. . . на той четверти плуга поставити изба да против избы сеник на подклете, да овин (Вологда, 1608, РИБ, XXXV, 147). *Плуг земли* обнаруживаем в списке с плужной грамоты: Се яз Марко, да яз Матфей Михе-

[1] См.: Л. В. Черепнин. Русская метрология. М., 1944, стр. 27.
[2] См.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. I. М., 1952, с. 506.

евы дети, что под нами великого князя плуг в Леонтьевском конце Захаровской и мы нынеча того плуга половину земли и двора и пожень, что к тому плугу тянет, отступились половины, пахать и владеть Володимеру Огапитову сыну (А. Арх. мон., I, 8). Из этих примеров явствует, что именуемая *плугом* поземельная мера делилась на половины и четверти. Так в то время обозначали и меру земельной площади, прежде всего пашни, и единицу обложения. В исследуемый период эти значения были неразрывно связаны. Исторически, надо полагать, употребление слова *плуг* в роли названия поземельной меры привело к его употреблению как названия единицы обложения. В свою очередь, поземельная мера получила свою номинацию от названия орудия пахоты. Ср. в серб. *плуг* — 'количество земли, вспахиваемой в течение дня'.

Установить компактный район распространения слова *плуг* как названия поземельной меры на основании прямых свидетельств не представляется возможным. Имеются, однако, другие, косвенные данные, которыми можно воспользоваться. Так, наряду с обозначением *плуг* встречаем и *плужище*: Купил есми. . . землю в Подборьской деревне, плужище Фоминское, Черное бывало (Устюг, 1523, РИБ, XIV, 801). Тебеньково *плужище* упоминается при разводе земель в духовной грамоте М. Петелиной (ок. 1440, АСЭИ, I, 228). О двух *плужищах* церковной пашни, из которых одно пахали на монастырь, а другое — для церкви Николы Чудотворца, сообщается в вологодских текстах XVI в. (АГР, I, 64); единицу обложения там также именовали *плугом*. «Вероятнее всего, — замечает Горская, — под этим названием фигурировала определенная по величине земельная площадь. . .,[3] здесь же с плугов собирали оброчный хлеб».[4]

О *плуге* — наименовании поземельной меры и, следовательно, единицы обложения узнаем из великокняжеских грамот 1455—1462 гг.: Волостелю. . . дают. . . с дву плуг полот(ь) мяса, мех овса. . . дают боран с дву плуг, да десятеро хлебов (АСЭИ, I, 260); и в Галиче и Соли Галичской: Дают. . . с дву плуг полот(ь) мяса, мех овса (АСЭИ, I, 261). В 1569 г. соловецкие крестьяне царскому сборщику платили поземельный оброк «с плужка».[5]

Видимо, с этим значением связана семантика прилагательного *плужная* (земля, пахота) в таких случаях: А велели. . . с тех указанных десятин и с монастырской плужной пахоты крестьяном хлеб ржаной и яровой жать (1688, АИ, V, 300); А у которых людей не достанет двором и огородом тое длины 42 сажен, опричь 6 сажен

---

[3] См.: Н. А. Горская. Земледельческие орудия в центральной части русского государства второй половины XVI—начала XVII века. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. III. М., 1959, стр. 147.

[4] См. там же, стр. 147—148.

[5] См.: И. А. Елизаровский. Лексика беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 55.

проездныя улицы, и тем посадцким людем велено подаваться в поле на плужыя земли Пятницкова сельца и Назимкова (1679, А. Арх. мон., II, 47); И впредь архимариту Корнилью с братьею тем островком Звягливцом и новою присадкою своим жеребьем по плужной земле владети (1514—1697, А. Арх. мон., I, 29); *плужной* названа и грамота о поступлении части земли из плуга во владение другому лицу (там же, 34). Слово *бесплужный* (о бедняке), записанное в д. Селино Тульской обл.,[6] первоначально, возможно, означало 'не имеющий земли'.

Выясняется: именование *плугом* определенной поземельной меры характерно было для области к востоку и северу от Москвы и далее к северу от Вологды.

Плуг в значении 'мера земли' известен памятникам украинской и белорусской письменности;[7] в польском — pług, pług mały, średni i wielki;[8] в сербском — *плуг земље*; в чешском — pluh а также — popluží,[9] ср.: *поплужное* 'татарский побор' и *поплужници* 'сборщики этого побора' в ханских грамотах конца XIII в.[10]

Соха как поземельный термин впервые встречается в новгородских берестяных грамотках XIII—XV вв.: На тых сохах семян нету ни деже (Арц. 1958—1962, 41); летописи свидетельствуют о *сохе* как названии единицы обложения в Новгороде и Пскове: И князь великый их въспросити, что их соха? И они сказали: 3 обжи соха, а обажа один человек на одной лошади ореть, а кто на трех лошадех и сам третей ореть, ино то соха (ПСРЛ, т. XX, 331).

Относительно ранние свидетельства аналогичного характера имеем по Владимиру: Дал есми. . . в дом. . . пустошь О[ме]л-[ьянову], да к тому есми ослободил купить своих земель черных тяглых на десять сох (1447—1455, АСЭИ, I, 200); Пашни в деревнях и починке полчетверты сохи (1462—1485, АСЭИ, I, 333).«Великий князь владимирский, — замечает Б. Д. Греков — пла-

---

[6] См.: Ф. П. Филин. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.—Л., 1936, стр. 68.

[7] См.: В. О. Винник. Назви одиниць виміру і ваги в українській мові, Київ, 1966, стр. 53—54; К. А. Скурат. З гісторыі лексіка-семантычнай групы слоў са значэннем меры даўжыні і плошчы ў старажытнай беларускай мове. — Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17—20 VI 1970). Минск, 1970, стр. 184.

[8] E. Stamm. Miary powierzchni w dawnej Polsche. Krakow, 1936, s. 3—4.

[9] A. Sedláček. Paméti a doklady o staročeských mirách a wahách. — Rozpravy České Akademie Věd a Umění. Praha, 1923, s. 56—58.

[10] См.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 506—507; А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. Изд. МГУ, 1960, стр. 47.

тил. . . в Орду в 1275 г. с сохи. . . соха, конечно является той же единицей, что и рало или плуг».[11]

В ряде мест сосуществовало *плужное* и *сошное* исчисление. Например, наряду с отмеченным выше бытованием в Северо-Восточной Руси поземельного термина *плуг* встречаем и такие факты: Ослободил есми емоу на Вологде купити земли на соху боярских и служых и черных тяглых земель, хто ему продасть (Вологда, ок. 1478—1481, АСЭИ, II, 250); Пашни в селе и в деревнях треть сохи (Соль Галицкая, 1498—1499, АСЭИ, I, 621); И всех монастырских сел и деревень 37, а дворов в них 470, а людей в них 473 человеки, а пашни у них 12 сох (Радонеж, 1503/04—1540, АСЭИ, I, 649).

С XVII в. основание раскладки податей были положены московские сохи, часто не соответствовавшие земляным мерам других княжеств. На рубеже XVI—XVII вв. в Русском государстве повсеместно складывается определенный размер сохи — в 800 четвертей доброй земли.[12]

Новгородские и двинские сохи делились на обжи: три обжи составляли соху. Б. Д. Греков, исследовавший природу обжи в древнерусском государстве и установивший ее значение как окладной единицы, отметил, что в XV и XVI вв. существовала в разных местах разная, однако узаконенная обычаем норма пахотного поля и сена, полагаемого в обжу, и что площадь обжи была различной в зависимости от качества облагаемых угодий.[13] По наблюдениям других исследователей, обжа как единица обложения в конце XV в. совпадала в громадном большинстве случаев с определенной площадью посева, иногда *обжой* называли вообще земельную меру.[14] Убедительно аргументировал это мнение Г. А. Абрамович. Он пришел к выводу, что обжа была всегда более или менее определенной мерой земельной площади и что до XVI в. ее размеры колебались во времени и в разных частях Новгородской земли.[15]

Обратимся к двинским примерам XVI—XVII вв.: Сошные пашни шесть обеж, а в них две сошки (1554, Сб. ГКЭ, 138); Дал. . . треть полуобжы земли Бакарькиньскои деревни (1575, Сб. ГКЭ, 206); Пашни середние земли обжа (1586—1587, Сб. ГЭК, 311); Написано в великого кнзя кнгах тритцат(ь) обеж. . . и в тих гсне в тритцати обжах Ахнрглу три обжи, и мы гсне и дан великог(о) кнзя и всякие розрубы земские платим за три обжи (1535, Сб. ГКЭ, 76); Мо-

---

[11] Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, стр. 506.

[12] См.: Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1956, стр. 84.

[13] См.: Б. Д. Греков. Что такое обжа? — Изв. АН СССР, 1926, № 10—11, стр. 1248.

[14] См.: А. В. Данилова. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле XIV—XVI вв. М.—Л., 1955, стр. 131.

[15] Г. А. Абрамович. Несколько изысканий из области русской метрологии XV—XVI вв. (*коробья*, *копна*, *обжа*). — Проблемы источниковедения, т. XI. М., 1963, стр. 371—372.

настырьская пашенная земля. . . полтрет(ь) и обежки (1613, Сб. ГКЭ, 438). Отмечая *обжу* как меру земли в пределах Русского Севера, Даль указывает, что местами в ней считают 125 саж. длины и 32 саж. шир., «а в новг. *обжа* 5 десятин; стар. 15 десят., по пяти в поле, словом, в разных местах обжа была разная» (Даль, Слов., II, 598—599).

Отмеченные выше названия площадей, семантическими производными от которых явились наименования единиц обложения, в свою очередь, повторяем, являются семантическими производными от названий основных полеводческих орудий, характерных для той или иной древнерусской области. Что касается слова *обжа* как названия части сохи, то оно, по данным В. П. Филина, бытовало в северо-западной группе северновеликорусских говоров и в южной части южновеликорусского наречия, где оно несомненно украинского происхождения.[16] Не исключено, что название детали орудия могло выступать и в качестве названия всего орудия, как, скажем, признак раздвоенности наконечника в сохе определил наименование этого орудия. Напомним следующее замечание Чернышева: «*обжи* и *вобжи*. . . оглобли или постромки у сохи, также рукояти ее. . . Это — части прибора, окружающего пашущую лошадь. В первобытной сохе, конечно, было гораздо меньше разделения частей, и в общем она должна была составлять полное деревянное окружение, к которому сзади прикреплялось режущее землю орудие».[17]

Можно полагать, что у вятичей в качестве названия поземельной меры фигурировало *рало*: Козаром, — отвечали они на вопрос князя Святослава, — дань даемъ по щълягу от рала (964, НІЛ, 117). Наряду с *мотыкой ралица* и *рало* известны в этом смысле в Югославии. Среди обозначений пошлин в Новгородской и Псковской землях встречаем *поралье*, *поральное*, *поральское*. Наименования эти сосуществовали с *посохой*, *посошным* и *обежным*. Псковской земле известно было и пашенное орудие, называемое *ралом*. Вероятно, *ралом* в этой земле могли называть и поземельную меру.

В Двинской земле единица измерения угодий носила название *лука*: Десять луков угодья. . . куде коса ходила и топор (1581, Сб. ГКЭ, 251); Угодья. . . пять луков. . . куде ходила коса и топор (1582, Сб. ГКЭ, 259). Как отмечает Греков, лук — единица обложения охотничьих хозяйств.[18] «Две обжи называют лук», — отмечалось в Архангельской губ. (Даль, Слов., II, 598).

Коса служила наименованием единицы измерения пожни. Можно думать, существовало и аналогичное название единицы обложе-

---

[16] См.: Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 120.

[17] В. И. Чернышев. О некоторых русских префиксах и предлогах. — Избр. труды, т. I, М., 1970, стр. 224.

[18] См.: Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, т. II, стр. 20.

ния. Примеры: Дал... четыре косы пожен в Кинжуге (1566, Сб. ГКЭ, 170); Продала. . . косу пожен с ос(ь)миною (1588, Сб. ГКЭ, 320); Продал. . . полторы косы пожен (1589, Сб. ГКЭ, 324); Треть косы пожен (1589, Сб. ГКЭ, 329). Возможно, употребление слова *коса* в значении 'мера сенокосного угодья' имело своим основанием измерение посредством косы косья при делении участков луга. Измерение сенокосных угодий косьями в южновеликорусской и северновеликорусской областях было вполне обычным и в позднюю эпоху.[19]

Подобный путь образования названий мер земельной площади был очень продуктивным. Его истоки, вне сомнения, таятся в глубокой древности. Продуктивность этого семантического способа словообразования распространялась и на другие сферы хозяйственной деятельности славян. В значении меры земли в одной из грамот литовского князя Свидригайла (1445) упоминается *лезиво (лізиво)*.[20] Так наименовали снаряд, при помощи которого взбирались к борти. Как можно видеть, в этом случае обозначение меры восходит к названию орудия бортного промысла.

В более позднее время наблюдаем проявление обратной зависимости: наименование единицы обложения становится и названием поземельной меры. Ср. зафиксированные в русских говорах, например, такие факты: *копейка* — «доля земли на полное тягло (кологр.)», «земельная мера, получившая свое название от старинного оброка (черепов., рыбин., костром.)», «загон, делимый на денежки и на полушки (вельск.)».[21] Эти названия окладных единиц явились производными от названий денежных единиц сравнительно позднего происхождения. Так, *копейка* входит в употребление в XVI в., а слово *деньги* в русском языке известно с XVI в.[22]

В письменности XVII в. упоминается поземельная мера, именуемая *мордкой*: Да от тои же мнстрскои плохи возле дорошки к Пановскои рощи в первых дву столбах 3 нивы с полунивою и три мортки (ЦГАДА, ф. 1202, оп. I, № 317, л. 11, 1669, Рязань); 17 нив с полунивою 3 мортки с осмухою (там же, л. 13); Земли 12 нив 13 мортки и полтары четвертухи (там же, л. 12). В связи с этим обращаем внимание на следующий факт: в Киевской Руси как денежные единицы были известны *белки*, *векши*, *веверицы* (пушные зверьки), *мордки* (мордочки), *обеушные мордки* (мордочки с двумя

---

[19] См.: Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 67.

[20] См.: Л. Л. Гумецька. Нарис словотворчої системи української актової мови XIV—XV ст. Киев, 1958, стр. 101.

[21] См.: Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 68. О существовании в XVII в. таких обозначений владельческих окладных единиц, как *копейка*, *деньга*, *полушка*, см.: Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология, стр. 86.

[22] См.: Н. Г. Рядченко. Действие внутренних и внешних факторов языкового развития в истории русских денежных наименований. Автореф. канд. дисс. Одесса, 1966, стр. 15, 18.

ушками), *лобки* (лбы), *долгеи* (длинные лоскутки), *резаны* (отрезки).[23] В виде денежной единицы *мордка* отмечается впервые в уставной грамоте новгородского князя в XII в.[24]

Как название платежных единиц, наименование платы вообще могло со временем превратиться и в название земельной меры. Подобное развитие семантики происходило в слове *выть*, появившемся на Руси в IX—XI вв. и обладавшем значением ‘сбор, налог, подать’.[25] Ф. П. Филин соотносит его со шведским диал. yte ‘сбор, налог, налог натурой, подать’, yta, yda ‘платить’, датск. yde ‘производить, платить, поставлять’, эст. võtma ‘брать, взять’, võte ‘взятие’, коми *вотны* ‘собирать, собрать’.[26]

В отличие от таких обозначений, как *соха* и *плуг*, применявшихся обыкновенно к пашенным землям, или *коса* — к сенокосным, слово *выть*, лишенное для русских внутренней формы и потому не ассоциировавшееся с определенным видом угодий, служило названием общей меры для любого рода угодий, будь то земля или река, озеро с рыбными ловлями и окружающими угодьями — звериными, бобровыми и т. д., а вместе с тем и долю во владении двором (Срезн., Матер., I, 455). Как название определенной поземельной меры *выть* появляется в памятниках в XVI в.

Рассмотрим названия поземельных мер, не соотносимых с наименованиями ни сельскохозяйственных орудий, ни денежных единиц.

В пределах Двинской земли в XVI—XVII вв. в ходу была *веревка*: В Архнгльской дрвни полдругинатцаты веревки горних земел и юрмолских земел всих (1535, Сб. ГКЭ, 76); Вь Юрмоле спорнои земли полторы веревки и полосминки (1535, Сб. ГКЭ, 76); Купил. . . две веревки земли орамые (1549, Сб. ГКЭ, 126); А тое земли на три доли достанетце дватцеть тре веревки (1557, Сб. ГКЭ, 154); Всее тое земли полторы веревки (1561, Сб. ГКЭ, 161); Две веревки земли (1570, Сб. ГКЭ, 179); Тои земли нашей полторы веревки и полторы осмины (1602, Сб. ГКЭ, 384); А потуг с тое земли, коя под рожью земля, платити в 112-м году Титу с полуверевки (1604, Сб. ГКЭ, 395). Известна была и *вервь*: Пашенные земли и сенных покосов у нево две верви четыре сажени (1611, Сб. ГКЭ, 423). По сведениям Даля, *веревка* у архангельских крестьян — поземельная мера=1850 квадрт. саж. (Даль, Слов., I, 181). Результаты *вервинья* (арх. сиб. *вервить*, мерять землю веревкою и отводить во владение — Даль, Слов., I, 181) записывались в *ве-*

---

[23] См.: Л. В. Черепнин. Русская метрология, стр. 32.

[24] См. там же, стр. 50.

[25] См.: Ф. П. Филин. К истории северновеликорусского слова *выть*. — Проблемы современной филологии. Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, стр. 276.

[26] Там же.

ревные книги: По веревной книги того лоскута четыре сажени, что вервил землю он Третьяк Ильин (1611, Сб. ГКЭ, 426).

Слово *веревка* с той же семантикой отмечено в украинских памятниках XVIII столетия.[27] Как мера земли веревка состояла из саженей. Примеры употребления слова *сажень* при измерении площади: Продал есмя. . . дворовую землю, пять сажен без лохти (1607—1608, Сб. ГКЭ, 412); Купили. . . в Большом колу в Пиркиничях тритцать сажен участка (Анпилогов, 487); ср.: Земли. . . от Спаские земли от межи в нижной конец поперег одиннатцеть сажен моих Иваноых, а в длину от реки и до лесу до лывы (1556, Сб. ГКЭ, 146). В тексте конца XVII в.: Сажен пашни гсдрь Утрошка взял на себя насел (Источники, 228).

Подобный способ измерения площадей заключался в приложении к участку известных в то время линейных мер или таких средств измерения, как веревка или ужище (*Ужище* — сев. вост. вервь, вервие, веревка; долгая снасть — Даль, Слов., IV, 488). Примеры: Велели землю спорную измеряти; и тое земли спорные одиннатцат(ь) ужищ (Белоозеро, 1492, АСЭИ, II, 290, стр. 227); Купили на Осиновом острове четверть ужища, а на Каноме реки страдомая земля и пожни (Анпилогов, 48); Вкруг его земли мера четыренатцать оужищ да сорок колов; а в ужищи по тритцати колов (Суздаль, 1472—1479, АСЭИ, II, 472).

Обращаясь к диалектным данным, следует упомянуть еще о *коле*. *Колом* не так давно, например, в Ивановской обл. называли «узкую полосу земли, полосу пахотной земли в две сажени шириною».[28] В ярославских местах колы также служили поземельной мерой: «В Ивановской пустоши у трех помещиков 5 колов, а у экономических крестьян 4 кола, т. е государственным крестьянам принадлежит 4/9 всей земли в пустоши Ивановской».[29] В этом случае слово *кол* выступает в значении 'доля, часть'. Выражение «ни кола, ни двора» толковалось как «полное безучастие во владении землей».[30]

Выражение это довольно старое. След его обнаруживаем в источнике XV в.: А та деи пустошь оброчная, а лежит деи пуста лет с петдесят, и лесом поросла великим, ни двора деи на ней нету, ни кола, ни пашни (Москва, 1489—1490, АСЭИ, I, 541). Ср. в более позднем тексте: Та пустошь была пуста вся и кола на ней не было (Кн. ям. Новг., 277).

Обычно колами или столбами отмечали какое-либо место или границы участка. Колы или столбы служили не только для опознавания места, но вместе с тем и означали нахождение данного места в чьем-либо владении. Ср. *застолбить* в современном русском

---

[27] В. О. Винник. Назви одиниць. . ., стр. 34.

[28] Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 53.

[29] Е. Якушкин. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896, стр. 15.

[30] См. там же.

языке — от *столбить* ‘отмечать столбами какое-либо место, границы какого-либо участка’ (Слов. Акад., т. XIV, 1963).

Вначале выражение *ни кола, ни двора*, по-видимому, просто говорило об отсутствии на земле каких-либо признаков владения, а потом постепенно превратилось в формулу, занявшую определенное место в землевладельческой терминологии. Поскольку переложную землю можно было выдать за пустошь, установка на ней сигнального знака в виде кола или столба была особенно необходима. Ср.: Крстьянин Гаврик Петров бил челом словестно дрвни Рковои на кр(оборв.)стьянина Федотку Екимова сна Панкова а в словесном своем челобит(ь)е пишет он де Федот перепохал межу и земли де ево Гавриковои вспохал з бороновищи и та де ево Гаврикова земля заложная и межа людем ведома и колчек нне на меже тои есть тои де заложно(оборв.) своей земли он Гаврик скосил а он Федот хотел гресть сено с тои земли ево насилством (Солотч. мон., 1700, ЦГАДА, ф. 1202, оп. I, № 656, л. 1).[31] Колчек на меже означал принадлежность ее владельцу.

Приобретение словом *кол* значения поземельной меры легко связать с измерением земли мерными колами, жердями. Ср.: Нивы смерить жердью по скол(ь)ку в ниве сажен по двам сажени и по три (1671, Источники, 222). В переяславских и рязанских местах практиковалось измерение земли *столпами* или *столбами*: Слуги княжово Микиты Якшина сеяно на манастырской лутчей пашне в столпе 7 чети ржи. Да княжово же слуги Микиты Степанова 3 чети ржи сеяна на манастырской же лутчей пашне в столпе (Переяславль, 1614, ПСЭИМГ, 284); Землю вешнея поля. . . да другое осеннея поля. . . мерел в нивы столпами а мерою нивы длиннику по осмидесят поперечины по тритцати сажен (Солотч. мон., 1694, ЦГАДА, ф. 1202, оп. I, № 394, л. 1); Да от тои же мнстрскои плохи возле дорошки к Пановскои рощи в первых дву столбах 3 нивы с полунивою три мортки (Солотч. мон., 1694, ЦГАДА, ф. 1202, оп. I, № 377, л. 11).

Ср.: *Столб* тмб. кур. участок земли в неск. десятин; полоса, клин, загон в 80 и 100 сажен. Отмежеванный нечересполосный загон (Даль, Слов., IV, 327). *Столбник* смб. пен. столб. клин, полоса земли, пашня разной меры (там же, 328).

Распространение названий средств измерения на меры, посредством которых производилось исчисление земельных площадей, наблюдалось и у других славян, например у поляков. Так, в Польско-Литовском государстве для измерения земельных площадей употребляли *шнур* в 75 *локтей*, равный 10 *прентам* (прутам), а *прент*, равный 7.5 *локтям*, делился на 10 *прентиков* (прутиков). *Шнуром* называлась площадь в 100 кв. *прентов*, а *прентом* —

---

[31] *Бороновище* в выражении «земли. . . вспохал з бороновищи» — мера земли. Ср.: *Бороновúще* — место, которое занимает борона: На два бороновища отъехал (Смол. — Словарь русских народных говоров, вып. 3. Л., 1968).

участок, равный 100 кв. *прентикам*.[32] *Шнур* и *прут* как меры площади известны и украинским памятникам письменности.[33] В Белоруссии в этом значении функционировало и *лыко*.[34]

Длина земельных участков часто называлась *гонами*. Название это в качестве областного сохранилось до нашего времени: *гон* — «длина участка пахотной земли, которую пахарь проходит в одну сторону без отдыха» (Слов. Акад., т. III, 1954). «*Гоны*, расстояние, какое лошадь в сохе проходит не поворачивая назад; длина пашенной полосы: гряда в поле, служащая межою, мера длины, близкая к длине загона, нивы, от 7 саж. до полуверсты и версты; укр. *гони* — длина лана, около 80 саженей; чешск. hony — длина в 125 шагов».[35] В вятских говорах *гон* — от 20 до 30 саженей, часть полосы, обрабатываемая сохою в один прием.[36] Вологодский *гон* — «расстояние, которое пахарь проходит сохою без остановки в одну сторону до *сугонья* или заворота (около 30 саж.); *гоном*. . . называли вообще небольшие расстояния на дороге. . . гоны не одинаковы, у каждого свои. . . слова *гон*, *гоны* весьма часто употребляются крестьянами для определения расстояний».[37] В памятниках XV—XVI вв.: И повели судью от реки от Вори в глушицу, а из глушицы поперег лугу безмежно, да пошедши з гоны в лес (Москва, 1495—1499, АСЭИ, I, 595); Да пошед от березки тою же паточиною гоны з двои (Кострома, 1501—1502, АСЭИ, I, 639).

Гоны не всегда характеризовались только длиной. Нередко *гонами* именовали меры площади. Так, вятские и пермские гоны при длине 20—60 саж. обладали шириной в 7—10 саж. В этих случаях представление о длине поля неразрывно связывалось с представлением об определенной земельной площади. Уже в уставной грамоте смоленского князя 1150 г. гоны — делянки земли: А у Доробужи три гоны короткии, а почестья гривна, а пять лисиць (Срезн., Матер., I, 550). В двинских текстах: Двои гоны зе(м)ли орамици (XV в., Сб. ГКЭ, 13); Гоны земли орамици (там же); На репещи гоны земли и притереб. . . двои гоны земли. . . за овином гоны земли (там же, 26); Земле орамои пятери гоне (там же, 9); Двои гоны орамици (там же, 11); Орамой земли гоны (там же, 13, 15); Гоны земли з зазуброю (там же, 22); Другои лоскут под ывою гоны земли (там же, 22); отмашки на логу половина гонок (1554—1555, там же, 144).

В южновеликорусских памятниках XVII в. отмечается *загон* — полевой участок, определяемый не только по засеву той или иной сельскохозяйственной культурой, но, кроме того, и по принад-

---

[32] Л. В. Черепнин. Русская метрология, стр. 85.
[33] В. О. Винник. Назви одиниць. . ., стр. 34.
[34] К. А. Скурат. З гісторыі. . ., стр. 184.
[35] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, тт. I—II. М., 1958, стр. 14.
[36] Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 66.
[37] Там же.

лежности, на основе себровской жеребьевки тому или иному владельцу.[38] Польское zagon представляет собой обозначение меры расстояния и полевой квадратной меры.[39]

Наименования мер земельной площади, соотносимых с обозначениями длины пашенного участка, были в русском языке явлением широко распространенным. К наименованиям такого рода принадлежали и *полоса*, и в некоторой степени *веретя*.

Полоса: Дал есми. . . Николи очну свою вчасток свои орамыи земли и пожни. . . на гори в лесном поли полоса земли (XV в., Сб. ГКЭ, 14).

Веретя: веретеика орамая (XV в., Сб. ГКЭ, 18); Купи. . . Высокое поле да Долгая вретея (XV в., Сб. ГКЭ, 21). А. А. Потебня сравнивает *вереть* с лит. vérti 'нанизывать, продевать'. В. П. Строгова подтверждает это сближение, настаивая, однако, на толковании лит. vérti как 'запирать': «*веретье* родственно лит. vérti со значением 'запирать'. Новгородские памятники и современные говоры позволяют видеть именно это в значении *веретя* (*веретье*) — узкая, долгая возвышенная гряда, не затопляемая водой».[40]

Впрочем, материалы Строговой не исключают из слова *веретья* и значения линейной меры: «*ве́ретень* — длина участка пашни, равная длине борозды от одного до другого поворота плуга. На такие участки делилось длинное поле для облегчения работы лошади: на повороте лошадь отдыхает. . ., *вере́тье* — длина участка поля или луга, отделяемого при косьбе или пахоте, равная длине прокоса или борозды».[41]

Обозначение поземельной меры *коробья*, по мнению Н. А. Рожкова, восходит к аналогичному названию меры зерна.[42] Как поземельная мера *коробья* в Материалах Срезневского не отмечена. Бытование ее в XVI в. связано с Новгородчиной.[43]

В Двинской земле площадь посева определялась количеством высеянных на нее *пузов* зерна: Лоскут земли. . . на два пуза в Николини поле (XV в., Сб. ГКЭ, 27); отдал земли. . . на четыре пузы земли ис полуострова (1540, Сб. ГКЭ, 87). *Пуз* как название земельной меры в двинских говорах отмечает Н. С. Бондарчук: Се купи игумен. . . лоскут земли на 4 пузы; се купи Григорей. . . лоскут земли на два пуза; есми купил. . . лоскут земли. . . на

---

[38] С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970, стр. 56—57.

[39] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, стр. 13.

[40] В. П. Строгова. О слове *веретье* в древнерусском языке в Новгородских говорах. — Очерки по русскому языку. Памяти проф. С. А. Копорского. Уч. зап. Калининск. гос. пед. инст. им. М. И. Калинина, т. 66, ч. 1, 1969, стр. 112.

[41] Там же, стр. 109.

[42] Н. А. Рожков. Сельское хозяйство московской Руси XVI в. М., 1899, стр. 104.

[43] См.: А. В. Данилова. Очерки по истории землевладения. . .

4 пуза.[44] Вместе с тем Бондарчук указывает: «Маленькая земельная единица — лоскут определяется количеством снимаемого с нее урожая в пузах или количеством высеваемых на нее семян в пузах».[45] Полагаем: измерение земли количеством высеваемого на нее зерна является более точным, урожаем землю не мерили.

Тот же способ лежал в основе исчисления земли *четвертями* или *четями*. Примеры: Посеял. . . пять четвертей ржи. . . вь яровом поле пашные земли на десять четвертей на ржаную (Новоторжск. у., 1493—1494, АСЭИ, I, 574); Тое спорные земли на двенатцать чети (Белозерск, 1505, АСЭИ, II, 310); Земли. . . на тритцят(ь) четверьтеи (Углич, 1467—1474, АСЭИ, I, 365). «Под четвертью, — пишет Л. В. Черепнин, — подразумевалось то земельное пространство, на котором высевалась четверть хлеба».[46]

Пуз и *четверть* в памятниках XV столетии конкурировали: в это время нередко пишут: *земли на* (столько-то) *пузов* или *земли на* (столько-то) *четвертей*. В более поздних памятниках выступает уже *четверть земли*, *пуз земли* исчезает. Сказалась общая тенденция к унификации мер, наметившаяся с начала XVI в.

Аналогично в чешском в качестве названий мер площади употреблялись *корец* и *мерица*, соотносимые с *корцом* и *мерицей* как названиями мер объема (ср. русские образования *корец* и *мера*, *мерка*). В XVII столетии в южновеликорусской письменности *корец'* как название меры зерна был, например, в употреблении.

Итак, в русском языке наименования мер земли различны по происхождению. В одних случаях в основе их лежит представление об орудии, которым в течение определенного времени можно обработать земельный участок: *плуг*, *соха*, *рало* и т. д.; в других случаях в основе номинации лежит представление о средстве, применявшемся для измерения участка по длине или ширине: *гоны*, *ужище*, *веревка*, *кол*, *сажень* и т. д.; в третьих — представление об определенном количестве зерна, которым засевали участок: *коробья*, *четверть*.

Десятиной первоначально, по-видимому, называли ту часть поля, урожай с которой шел в распоряжение феодала. Ср. украинские данные: «По свидетельству ряда исследователей, крестьянам вплоть до реформы 1861 г. было чуждым слово *десятина* как мера поверхности, особенно в давно заселенных местах. Так, например, на Черниговщине это слово издавна существовало в речи крестьянства, но совсем в ином значении: *десятиной* называли ту делянку возделываемой земли, которая приходилась на долю господара в каждой руке (смене) поля. Даже в одном и том же селе „десятины" были неодинаковыми, а размеры их определялись количеством

---

[44] См.: Н. С. Бондарчук. К вопросу о метрологии Двинского диалекта XIV—XV вв. — Уч. зап. Калининск. гос. пед. инст. им. М. И. Калинина, т. 53, 1968, стр. 133—134.

[45] Там же, стр. 134.

[46] Л. В. Черепнин. Русская метрология, стр. 42.

высеянных семен».[47] В памятниках деловой письменности XV в.: Жил. . . в тои деревне отец мой за монастырем тритцать лет и десятины. . . на монастырь в селе Бебякове пахал; а яз. . . после отца своего живу в той деревне десять лет, да пахал есми. . . десятины на монастырь в селе в Бебякове восмь лет. И мишутинской. . . дворской Степанко Куначин отказал меня в Мишутинской стан тому два году, а тое деревню назвал великого князя. . . Да и десятин. . . мне дворской на монастырь не велел пахати; и яз. . . от тех мест и не пашу десятин (Переясл. у., ок. 1499—1502, АСЭИ, I, 628); Земли монастырские, что пашут крестьяне десятины 30 четьи (Дмитров, 1570, ПКМГ, I, 733); Пашни паханые худ. земли, что крестьяне пашут на монастырь десятины 56 четьи (1570, там же, 734—735). Десятина наряду с другими земельными мерами учитывалась при обложении: На монастырьских селех имал пошлины с десятины по пяти алтын (1490, АСЭИ, III, 60). На связь *десятины* 'меры площади' и *десятины* 'феодального оброка' указывает Ф. П. Филин: «Первоначальный смысл десятины как специфического термина измерения показывается. . . тем, что чем глубже в историю, тем больше разнобоя в ее размерах, поскольку реальное ее содержание зависело сначала исключительно от местных условий взимания податей».[48]

Существует мнение, что первоначально десятина представляла собой квадрат со стороной в 1/10 версты,[49] — так пытаются объяснить происхождение этого названия. Однако и в самых ранних памятниках указаний на такую десятину нет.

Первые сведения о десятине как о вполне сложившейся определенной земельной мере идут с конца XV в. В меновной грамоте на земли великого князя Ивана Васильевича и Спасо-Евфимиева монастыря: Взял. . . их земли монастырские. . . пожен три десятины, да пашенные земли монастырской же полтретьинадцаты десятины. . . дал есми. . . пожни ружных церквей шестнадцать десятин (1495, АСЭИ, II, 486). В меновной Троице-Сергиева монастыря с Семеном Ивановичем Борисовым десятина выражена в саженях: Променил. . . землю монастырьскую. . . тритцат(ь) десятин с десятиною, да на чертеж(е) на полянах тритцат(ь) жо десятин да шесть, а всех — седмьдесят десятин безс трех пахотнои земли. . . выменил в дву полех пахотнои ж(е) земли седмьдесят десятин безс трех. А мера десятинам: длина въсмьдесят сажен, а поперек тритцат(ь) сажен (Муром, 1495—1506, АСЭИ, I, 601).

В конце XV в. десятинами измерялись также лесные, луговые, болотные и другие земли: Луг у житня. . . четыре десятины (Рязань, 1485, АСЭИ, III, 343); Пашни пахоные земли 12 четьи в поле. . . лесу пашенного 17 десятин, да лесу болота 3 десятины (Москва, 1498, АСЭИ, III, 52). В XVII в. десятина 80×30 кв.

[47] В. О. Винник. Назви одиниць. . ., стр. 77.
[48] Ф. П. Филин. Исследование. . ., стр. 63.
[49] Советская историческая энциклопедия, т. 5. М., 1964, стр. 135.

саж. являлась уже государственной единицей измерения площади. Однако в XVIII и XIX вв., а также в начале XX в. были в ходу и другие десятины: хозяйственная, или косая (80×40 кв. саж.), сотенная (100×100 кв. саж.), круглая (60×60 кв. саж.), бахчевая (80×10 кв. саж.) и др. Площадь государственной, или казенной, десятины определенно не случайна: на этой площади высевались 2 четверти зерна. Можно полагать, что и длина ее — 80 саж. является средней длиной плуговых гонов.

Обратим внимание на тот факт, что в связи с унификацией мер на Руси в XVI—XVII вв. общегосударственное значение приобретают такие единицы измерения площадей, как десятина и четверть, т. е. именно те, в основу образования названий которых положен отвлеченный числовой признак. Как видим, номинация мер постепенно со временем принимала все более абстрактный характер.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.
ф. 1192 — Иосифо-Волоколамский монастырь: оп. II, № 15.
ф. 1202 — Солотчинский монастырь: оп. I, №№ 317, 377, 394, 656.
А. Арх. мон. — В. П. Шляпин. Акты великоустюжского Михайло-Архангельского монастыря, ч. I—II. Великий Устюг, 1912—1913.
АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский, т. I—II. Киев, 1860—1863.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею, т. V. СПб, 1842.
Анпилогов — Г. Н. Анпилогов. Новые документы о России конца XVI—начала XVII в. М., 1967.
Арц. 1958—1962 — А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1958—1962 гг.). М., 1963.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. I—III. М., 1952—1964.
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Отв. ред. С. В. Бахрушин, ч. I—III. М., 1951—1961.
Источники — С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964.
Кн. ям. Новг — И. Я. Гурлянд. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. — Врем. Демидовск. юрид. лицея. Ярославль, 1901, кн. 82 и 84.
НІЛ — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства, ч. I. Изд. РГО. Под ред. Н. В. Калачова. Отд. I—II. СПб., 1872—1877.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей, т. XX, 1-я пол. Львовская летопись. СПб., 1910.
ПСЭИМГ — Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв., т. I. М., 1929.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XIV — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 2. СПб., 1894.
Т. XXXV — Архив П. М. Строева, т. 2. Пгр., 1917.
Р. Пр. — Русская Правда по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. Под ред. проф. А. И. Яковлева и Л. В. Черепнина. М., 1928.

П. И. ПАВЛЕНКО

О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах

Большинство слов с приставкой *воз-*, как известно, церковнославянского происхождения. Они имели в русском языке ярко выраженный книжный характер и обусловленные традицией строго ограниченные сферы употребления.

Однако уже к началу XIX в. многие из этих слов утрачивают свою стилистическую замкнутость и начинают широко использоваться в различных сферах литературного языка. Но затем в результате семантических сдвигов и стилистических перемещений многие из этих слов утрачивают свой общерусский характер и, оставаясь в употреблении на определенной территории, становятся локально ограниченными словами. Показать, какие именно слова вовлекаются в круг таких изменений, определить процессы семантических перестроек и стилистических перегруппировок некоторых из них — задача настоящей работы.

По характеру и роду употребления, сферам функционирования в литературном языке XIX—XX вв. слова, о которых пойдет речь, можно разделить на две группы: первая объединяет такие лексические единицы, которые не получили распространения или употребительность которых в литературном языке на протяжении XIX в. не была стабильной и постепенно убывала; слова такого рода оставались на периферии языка, в его просторечии, а затем и вовсе переставали употребляться, продолжая функционировать в говорах русского языка; во вторую — входят такие слова, использование которых в литературном языке все возрастает и стилистически не ограничивается никакими пределами.

При рассмотрении слов первой группы можно выделить слова, которые, возникнув на церковнославянской почве, в литературном русском языке XIX в. оказались неупотребительными, уступив свое место другим однокоренным образованиям; ср., например, *возновить*, *возновиться* [1] и *возобновить*, *возобновиться*.

[1] И в языке XVIII в. они были малоупотребительными. Ср. пример из «Тилемахиды» Тредиаковского: Чтоб возновлять союз обещанием клятвенным новым.

В словарях первой половины XIX в.[2] глаголы *возновить*, *возновиться* относятся к церковнославянским и иллюстрируются примерами из таких же текстов. Так, в Словаре 1847 читаем: **Возновляти, возновити.** Церк. То же, что возобновлять. Взыде на сердце Иоасу, да возновить дом господен (I, Парал., XXIV); 2. **Возновлятися, возновитися.** То же, что возобновляться. Ветхость отметая, возновляется (Прол. Март. 17). Приводятся эти слова и в Словаре Даля,[3] но без всяких иллюстраций, а в Словаре Грота [4] они, как и следовало ожидать, отсутствуют. Такие слова иногда оказываются в словарях в силу лексикографической традиции, а не на основе их живого употребления. Напротив, в диалектах русского языка эти глаголы получают распространение.

Так, глагол *возновить* функционирует в говорах с двумя ударениями: *возновúть* (Колым. Якут., 1901): Возновúть госьбу-ту нать (Пинеж. Арх., 1964)) и *вознóвить*: Вознóвить знакомство (Кашин. Твер., 1902). Особенно стоит подчеркнуть то обстоятельство, что указаный глагол, как видно из примеров, употребляется в живой народной речи.

Разнообразным использованием характеризуется глагол *возновляться—возновиться*, который имеет в говорах несколько суженное значение — «обновляться, приходить в прежнее состояние». Ср. примеры из разговорной речи: С того-то Чукочья деревня возновиться не могот, стоит пуста (Колым. Якут., 1901) и из сказки: Три лица законных мужьев кончались, через четвертое лицо жена возновлялась (Ставроп. Самар., Садовников). Об активности и жизнеспособности этих слов свидетельствует и то, что уже на диалектной почве возникают новообразования, например *возновлить* ‘обновить, восстановить’, зафиксированное в говорах Свердловской обл.[5]

В одном ряду с указанными лексическими единицами можно рассматривать и ставшее неупотребительным в литературном языке XIX в. слово *возраст* в его первом исходном значении ‘рост, величина’. Именно это значение данного слова относится словарями также к церковным, например, в Словаре 1847: Ему же возраст бе пять лакоть (I, Парал., XII, 23).

---

[2] Имеются в виду: Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. 1. СПб., 1806 (далее: Словарь 1806), П. Соколов. Общий церковно-славяно-российский словарь, ч. 1. СПБ., 1834 (далее: Словарь 1834), Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии, том I, 1847 (далее: Словарь 1847).

[3] Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, ч. 1. М., 1863 (далее: Словарь Даля).

[4] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук, том I, 1895 (далее: Словарь Грота).

[5] См.: Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964, с. 87.

Еще в XVIII в. слово в этом значении было весьма распространенным и употреблялось в произведениях различных жанров и стилей. Ср., например, его использование в художественных текстах: Изобрази ее мне точно Осанку, возраст и черты (Державин, Изображение Фелицы); [Сведон] (с холодным видом): Постой, Милана! Позволь наперед мне насладиться смотрением на твой возраст, на твои прелести (Херасков, Друг несчастных); Он был высокого возраста (Тредиаковский, Езда в остров любви), а также в журнально-деловых описаниях: Щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликий, возрасту все по большей части среднего, плечисты и присадисты (Крашенинников, Описание Камчатки); Означенные якуты мужеска и женска пола, возраста большого, среднего и малого, лицом смуглы (Описание народов. Российский магазин, 1792).

Однако в XIX—XX вв. такое значение слова *возраст* вышло из литературного употребления и осталось лишь в языке фольклора: Сыщите— ко мне невесту сосватайте, Чтобы возрастом да из плеча в плечо, Красотою то была из лица в лицо (Онеж., Гильфердинг); [Мамай:] Хотя мой возраст мал, но я силен, грозен и удал (Онеж., Ончуков, народ. драмы), а в наши дни слова с таким значением ('рост человека', 'размер, величина животного') функционируют в живой народной речи: Возраст какой, и три и четыре вершка щука (Гарин. Свердл., 1964).[6]

Таким образом, в настоящее время ведущим и определяющим для данных слов является то, что они бытуют в живой диалектной речи и входят в активный запас лексики современного говора.

Однако в составе рассматриваемой группы можно выделить и такие лексические единицы, которые употребляются преимущественно в произведениях фольклора. В лексике говора они занимают особое место, оставаясь стилистически ограниченными «поэтическими» словами. Ср., например, *восплакаться* 'заплакать': Ай восплачется Иванушко Иванович (Онеж., Гильфердинг); Ты восплачься, Ольгушка, Перед своим родным батюшком (Тул.); Как восплакалась сиза голубочка, возрыдалася сизокрылая (Терск., Соболевский).

В языке художественной литературы этот глагол также имеет народно-поэтическую окраску и используется в целях стилизации. Ср.: И услышав то, Алена Дмитревна Задрожала вся моя голубушка, Затряслась, как листочек осиновый, Горько-горько она восплакалась, В ноги мужу повалилася (Лермонтов, Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, II).

Напротив, слово *возглаголать* 'начать говорить, заговорить' продолжало сохранять свою церковнославянскую окраску при редком употреблении в памятниках литературы определенного

[6] См. там же, с. 87.

жанра, например в «Материалах к истории и изучению русского сектанства и раскола» В. Бонч-Бруевича. В говорах же, употребляясь в языке устной народной поэзии, глагол этот приобретал фольклорный характер: Как и тут же старой да возглаголует: — Я стоял ле за веру да за крещеную (Мезен. Арх., Григорьев).

Ср. также яркую стилистическую окраску, появившуюся при жанрово-ограниченном употреблении в говорах таких слов, как *воскликать*, *воскликнуть* ‘звать кого-что-либо’: Воскликнули этих дев, стали их спрашивать (Брян. Орл.); На улицу выходили, Весну воскликали (Пореч. Смол.) или *воскладáть*, *воскласть* ‘класть на что-либо, поверх чего-либо’: Узголовье воскладает, возрыдает, Своего прежнего друга вспоминает (Курс., Соболевский); Как Сергей жену любит. . . На рученьку воскладает, к сердечушку прижимает (Болх. Орл.), а также *возъяря́ться*, *возъяри́ться* ‘разъяряться’: Его добрый конь разъяряется, от сырой земли кверху подымается, Что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего (Арх., Афанасьев); Богатырские ручки расходилися, И богатырское сердце возъярилося (Кирил. Новг., Соколовы).

Появление иной стилистической окраски у слов такого типа впервые нашло отражение в Словаре Даля, где, например, глагол *воскладать* сопровождается таким указанием: «особенно в песне».

Другую группу рассматриваемых слов характеризует достаточная степень употребительности в литературном языке XIX в. и только сужение сферы их применения в дальнейшем предопределяет выпадение данных слов из общего употребления. Так, еще в начале XIX в. глагол *воздымать* использовался в героико-эпических и поэтических текстах: Гере ответствовал вновь воздымающий тучи Кронион: Дивная! все примечаешь ты, вечно меня соглядаешь! (Гнедич, Илиада); И только одного товарища в боях Лелеяла твоя десница громовая, Когда широкий хвост и гриву воздымая, Он бил копытом сталь и прах (Полежаев, Бонапарте. Перевод «Bonaparte» Ламартина); На грозных лицах кровь и прах; На копья оперлись; средь них костер пылает, И с свистом горный ветр их кудри воздымает (Жуковский, Песнь барда). Но и в них слово по преимуществу выступало в лексически устойчивых сочетаниях: *воздымать волны*, *море*, *вал*. Например: Где тот, пред кем гроза не смела Валов покорных воздымать, Когда ладья его летела С фортуной к берегу пристать? (Жуковский, Стихи на празднестве. . .). Поэтическая окраска этих сочетаний нередко служила основой шутливо-иронического и пародийного их применения.[7] См. в связи с этим ироническое замечание Белинского: «Нельзя было написать никакого стихотворения, где бы не стреляли из лука амуры и ку-

[7] Ср. еще в XVIII в.: [Нептун] Мутил от солнышка растаявшую лужу и преужасные в ней волны воздымал (В. Майков, Елисей).

пидоны, не выли бореи, Нептун не воздымал моря» (Сочинения А. Пушкина).

Широко и стилистически разнообразно употреблялся в литературном языке XIX в. глагол *воздыматься*. Ср., с одной стороны, в напряженно-патетическом контексте: И времени поток смывал народы, троны, И гасли алтари и воздымался прах (Полонский, Монолог), с другой — в шутливо-ироническом: Воздымались ли у вас на голове волосы от чего-нибудь, кроме гребенки? — Нет, сказал Петр Иванович (Гончаров, Обыкновенная история) и, наконец, в нейтрально-повествовательном: Танец кончился. Она села, усталая грудь ее воздымалась под тонким дымом газа (Гоголь, Невский проспект).

К концу XIX в. рассмотренные лексические единицы теряют употребительность в литературном языке, и в современном употреблении известны только в говорах: В лесу толсту лесину подымают вагой, подложишь лесину, потом воздымешь (Свердл., 1964); Пар-то как воздымается (Арх.); Воздымись (Яросл.); Ну не воздымайся, мне ничего не видать (Свердл.). Активность функционирования в живой народной речи привела к появлению новых значений, например: Летчики у меня стояли, воздымут (подняться) на высоту (Зырян. Там., 1964) и новых слов — *воздынуть* (Примор. Арх., 1939—1941).

Из двух видовых форм — *возлюблять* и *возлюбить* в литературном языке XIX в. употреблялась, хотя довольно редко, форма совершенного вида: Не мысля гордый свет забавить, Вниманье дружбы возлюбя, Хотел бы я тебе представить Залог достойнее тебя (Пушкин, Евгений Онегин). Развитие слова осуществлялось за счет образования у причастной формы — *возлюбленный* качественных значений: — Мне не придется ходить далеко за возражениями, потому что я сейчас разобью вас вашей же возлюбленной теорией (Куприн, Молох); [Иоанн:] Челом-де бью возлюбленному брату Стефану-королю — и полный титул Весь прописать его (А. К. Толстой, Смерть Иоанна Грозного).

В диалектах, почти исключительно в песнях, сказках и других произведениях фольклора, бытует форма *возлюблять*: Слышу-вижу, миленький, вздыхаешь, Иную возлюбляешь (Новг. Соболевский); — Кого ты нас, батюшка царь, лучше возлюбляешь? — Ну, кто сделат мне лучшую вещь — того лучше любить буду (Ставроп. Самар., Садовников). Ср. также в сказке «Аленький цветочек» С. Аксакова: Стала привыкать к своему житью-бытью молодая дочь купецкая и возлюбляла она своего господина милостивого день ото дня.

Наоборот, образующиеся различия в употреблении видовых форм *воспоминать*, *воспомнить* привели к тому, что форма совершенного вида перестала быть общеупотребительной в литературном языке и оказалась живой и активной в говорах: Это я что-то никак не воспомню (Шигон, Куйбыш., 1965). Или в песне: Воспомни,

воспомни друг любезный, воспомни прежнюю любовь (Ворон., Тростянский). Форма несовершенного вида *воспоминать* оставалась употребительной в литературном языке XIX в., например: Люблю, задумавшись, минувших дней моих Воспоминать мечты, надежды, наслажденья (Баратынский, Отрывки из поэмы воспоминания); Веселья зритель равнодушный, Безмолвно буду я зевать И о былом воспоминать (Пушкин, Евгений Онегин).

Таким образом, на протяжении XIX в. произошло изменение сфер бытования, области распространения этих словарных единиц. Однако происходили и более сложные процессы перестройки семантики слова, приводившие к ее обновлению: семантическая структура общенародного слова как бы расщеплялась и отдельные звенья этой структуры начинали функционировать в качестве самостоятельных единиц в разных сферах (одни — в общенародном языке, другие — в говорах).

Выявить и показать эти процессы можно на примере глаголов *воспитывать*, *воспитать*.

В словарях русского литературного языка первой половины XIX в. (см., например, в Словаре 1806) у *воспитывать*, *воспитать* выделяется как первое, исходное значение 'вскармливать, кормить; питать': Он воспитал и возлелеял своего приемыша. Еще в XVIII в. слово с таким значением использовалось довольно широко: Взяла дядю моего к себе тетка его, бывшая уже замужем, и воспитала своею грудью (Болотов, Записки); [Кий:] Ты лютой львицею в глухих лесах рожденна, Или воспитанна ты тигриным молоком (Сумароков, Хорев).

Несомненно такая определенность семантического наполнения слова зависела от его использования приемущественно в лексически устойчивых оборотах *воспитывать*, *воспитать грудью*, *молоком* и т. п., свободно бытовавших в русском языке XVIII в.

Однако указанное значение в языке XIX в. уже перестает быть актуальным и редко встречается в литературном употреблении. Ср.: [Дарья:] Да, посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать: у него самого жить почти нечем (Лермонтов, Menschen und Leidenschaften); Воспитал же их [Ивана и Алексея] на свои деньги и уж, конечно, гораздо более, чем по тысяче издержал на каждого (Достоевский, Братья Карамазовы). Одновременно с этим значением существуют и развиваются другие значения данных слов: 'прививать детям определенные духовные качества образованием, обучением' и 'выращивать (о растениях, животных)'. Ср.: Он [отец] меня кормит, поит, одевает, бранит, сечет и думает, что меня воспитывает (Одоевский, Русские ночи); До бесконечности может простираться усовершенствование качества в породах рогатого скота, воспитываемых для мяса (Чернышевский, Очерки из полит. экономии).

Изучение особенностей употребления слова в русском литературном языке XIX в. показывает, что четкость семантической

структуры данного слова нарушается. Это подтверждают и показания лексикографических источников. Если в словарях первой половины XIX в. определенно выделяются в слове три значения (например, в Словаре 1847: «1) Вскармливать. Он воспитал и возлелеял своего приемыша. 2) Стараться о научении и образовании детей. Воспитывать детей в правилах веры и благочестия — есть главнейший долг родителей. 3) Возращать. Воспитывать растения»), то уже в Словаре Даля они представлены в таком виде: «в *низшем* значении вскармливать, кормить и одевать до возраста; в *высшем* значении научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» (курсив наш, — *П. П.*).

С самого начала XIX в. отчетливо прослеживается процесс разрушения семантической структуры слова: первое исходное значение — 'вскармливать, кормить' перестает быть актуальным и к концу века выходит вовсе из литературного употребления, ненадолго оставаясь в просторечии. Ср., например: — В деревне у меня родитель, древний старичок, и я его должен воспитывать. Так? Ему уж на девятый десяток перевалило. . . Вот и прибегу домой на пароходе и прямо старичку: на, тятенька, получай (Мамин-Сибиряк, Правильные слова). Теперь слово в таком значении продолжает функционировать в диалектах, о чем будет сказано подробнее.

Два других значения слова, как они определяются в словарях первой половины XIX в., также претерпевают изменения: одно — в сторону расширения объема значения, увеличения круга лексической и грамматической сочетаемости, другое — в сторону его значительного сужения. Так возрастает объем значения, которое ранее формулировалось как 'стараться о научении и образовании детей', с одной стороны, за счет распространения действия на широкий ряд объектов: *воспитывать пролетариат*, *класс* и т. п. (ср.: Нет иного средства воспитывать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Ленин, Что делать?) и за счет роста разнообразных форм грамматической и лексической сочетаемости слов — с другой. Наряду с 'воспитать в каком-либо духе, правилах или в уважении, любви, страхе и т. п., например: Дочь их воспитана в правилах покорности и повиновения к родителям (С. Аксаков, Наташа), употребляется 'воспитывать на чем-либо' и 'воспитывать чем-либо'.

Приведем несколько примеров употребления в разные периоды развития русского литературного языка конструкции 'воспитывать на чем-либо': Наши учителя народ все мыслящий, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневе и Щедрине (Чехов, Человек в футляре); Я привык к большим масштабам, не сочтите это за хвастовство. Я воспитан на передовой технике наших пятилеток (Чаковский, У нас уже утро), а также 'воспитывать чем-либо': Лессинг, Гете и Шиллер были воспитаны не изучением средневековой поэзии, а влиянием древнеклассической и английской обра-

зованности и литературы (Чернышевский, Песни разных народов. Перев. Н. Берг); Сочинения писателя, воспитанного подобною эпохой, естественно должны представлять особенный интерес (Михайловский, Н. В. Шелгунов).

Значительно расширяется сфера лексических связей глагола. Появляются в употреблении такие сочетания: *воспитывать в ком-, у кого-либо сознательность, чувство ответственности* и т. д. Например: Обе старались воспитывать во мне почтение к ним [хозяйкам] (М. Горький, В людях), *воспитывать из кого-либо борцов, коммунистов* и т. д.: Возьмем из частей округа не только комиссаров, но и рядовых красноармейцев-коммунистов, растущих ребят, и воспитаем из них будущих политруков и комиссаров для армии (Ю. Лебединский, Комиссары).

Таким образом, рост лексической и грамматической сочетаемости глагола с другими словами приводит к формированию емкого и широкого значения — 'выращивать, дав образование, привив какие-либо навыки, правила поведения и т. п.', с одной стороны, а с другой — 'влиять на развитие, образ мыслей, чувств и т.п., постоянно воздействуя'; Что значит воспитывать? Это значит влиять на психический, моральный облик ученика, влиять в определенном направлении (Калинин, О коммунистическом воспитании).

В сфере данных семантических делений вычленяются более специализированные новые оттенки: а) 'развивать какие-либо навыки, обучать чему-либо': Воспитать на цирковом языке значит обучить. Очень многие циркисты берут на воспитание детей и делают из них акробатов, наездников, фокусников и пр. (А. Л. Дуров, Воспоминания); б) 'вырабатывать, создавать по известной системе': Мы воспитали сочетательный рефлекс искусственно в лаборатории по выработанному у нас методу (Бехтерев, Общие основы рефлексологии человека). Напротив, развитие другого значения этого слова — 'выращивать (о растениях и животных)' — шло от более широкого, включающего довольно разнообразный набор управляемых слов в литературном языке XIX в., к специализации значения и к значительному сужению области применения в языке XX в.

Глагол в этом значении употреблялся в литературном языке XIX в. в высоких и стилистически нейтральных контекстах с широким рядом имен существительных таких тематических групп: *воспи́тывать розы, дуб, дерево* и т. п., *воспи́тывать скот, птицу* и т. п. Ср.: И се! воздвигся холм и камень водружен; И дуб, краса полей, воспитанный веками, Склонил главу на дерн, потоком орошен (Жуковский, Песнь барда); И был он в сад перенесен, В соседство роз. Со всех сторон Дышала сладость бытия. . . Но что же? Едва взошла заря, Палящий луч ее обжег В тюрьме воспитанный цветок (Лермонтов, Мцыри); Человек не будет, как теперь, съедать яйцо, снесенное воспитанной им курицей (Л. Толстой, Что такое искусство).

Содержание указанного значения в языке XX в. сужается: ‘выращивать (растения, преимущественно садовые)’: Этому саду двадцать пять лет; пятнадцать лет Мартын Мартынович бережно, заботливо воспитывал каждое дерево (Гладков, Березовая роща); Необходимо воспитывать более устойчивые сорта как против мороза, так и от вредного влияния наших глубококонтинентальных местностей (Мичурин, О некоторых методических вопросах).

Следовательно, суть происходивших на протяжении XIX—XX вв. изменений семантического содержания глагола *воспитывать—воспитать* сводилась, во-первых, к процессу утраты первого исходного значения — ‘вскармливать, кормить, питать’, значительного сужения другого значения — ‘выращивать (о растениях и животных)’ и, во-вторых, к бурному развитию, необычайной актуализации второго значения, которое определялось словарями первой половины XIX в. как ‘стараться о научении и образовании детей’ и которое значительно расширяло свой объем и содержание, стало ведущим в современном русском языке.

Уточнить, отчетливее определить особенности образования семантической структуры, как она сложилась в современном языке у описанных глаголов, безусловно помогут сопоставления семантического развития этих последних с другими однокоренными словами.

Так, в словах *воспитанник, воспитанница* намного отчетливей, чем у слов *воспитывать—воспитать* (да и то обычно в форме страдательного причастия *воспитанный* где? — в университете), и так же, как у *воспитываться* ‘получать образование’, развилось и актуализировалось значение ‘лицо получающее или получившее образование в каком-либо учебном заведении’ наряду с функционирующим с начала XIX в. значением ‘учащийся закрытого учебного зведения’.

Значение же ‘ребенок, молодой человек, составлявший или состоящий на чьем-либо попечении, взращенный кем-либо’ устаревает в современном употреблении и вытесняется образовавшимся позже, но теперь широко употребительным *воспи́танник партии, комсомола*, т. е. ‘человек по отношению к организации, обществу, от которых он воспринял мысли, идеи, взгляды’. Ср. такие примеры из языка художественной литературы начала XIX в., где слово *воспитанник, воспитанница кого-либо* используется не только в своем прямом предметном значении: Кому знать горечь зависимости, как не бедной воспитаннице знатной старухи? (Пушкин, Пиковая дама), но даже имеет переносно-образное употребление: Изображу ль в картине верной Уединенный кабинет, Где мод воспитанник примерный Одет, раздет и вновь одет? (Пушкин, Евгений Онегин).

Также семантически соотносятся с глаголами слова *воспитатель, воспитательница*, у которых из широкого значения ‘человек,

воспитывающий кого-либо' выделились и активно функционируют в современном языке более узкие семантические членения: а) 'классный наставник, руководитель' и б) 'тот, кто занимается воспитанием детей в дошкольных учреждениях'. На этом пути семантического развития в общем языке возникли просторечные новообразования — *воспитательша*, *воспитателька*.

На базе семантически определившегося в глаголе *воспитывать—воспитать* оттенка 'прививать какие-либо навыки, правила поведения и т. п.' вычленяется и получает самостоятельное развитие форма страдательного причастия *воспитанный* с отчетливо выраженным качественным значением 'получивший хорошее воспитание, учтивый, вежливый', а на его основе отвлеченное существительное *воспитанность*.

И в диалектах русского языка глаголу *воспитывать*, имеющему значение 'кормить, питать, вскармливать, выкармливать', присуща устойчивая употребительность и разнообразное применение. С самого начала XX в. и вплоть до наших дней слово используется широко и активно в живой разговорной речи: Напрасницы не скажу: жирно нашей сестры не воспитывают (Олон., 1907); Господи, приведи его (ягненка) воспитать (Костром.); Чем ты их воспитывать будешь? Картошкой (Кемер.).[8] Употребляется слово в сказке, записанной В. И. Чернышевым в Псковской обл.: Ты воспитываешь меня хорошо (говорит конь хозяину). Бытует в говорах и глагол *воспитаться* 'кормиться, питаться': Воспитаться нечем (Волхов. Ленинград., 1948); Земля стала воспитаться другой природой и хлеб стал расти лучше (Демян. Новг.).

О жизнеспособности этого слова и широте бытования в говорах русского языка говорит, во-первых, территориальная его распространенность: слово известно также в говорах Арх., Ленингр., Свердл., Перм., Том. обл., В Прейл. р-не Латв. ССР. Бытует оно, по свидетельству Т. С. Коготковой, в д. Деулино Ряз.[9]

Во-вторых, об этом свидетельствует ботатство однокоренных образований, развившихся уже на диалектной почве, таких, как отглагольное существительное *воспитанье* 'питание': Воспитание плохо теперь (Арх., 1938—1941), или имена существительные, обозначающие лиц по разным признакам: *воспи́тальник* и *воспита́льник* 'ребенок, взятый на воспитание; воспитанник': Воспи́тальников принимали из казенного дому (Клин. Моск., 1910); Усоветовала, что взяла воспи́тальника у вдовы в приемыши (Свердл.); Он был воспи́тальник из детдома (Кемер.); А воспита̀льник как у него живет? (Волог.); а также *воспита́льница*

---

[8] Другие примеры употребления см.: Словарь русских народных говоров, вып. V. Л., 1970, с. 141.

[9] Т. С. Коготкова. О некоторых особенностях диалектной лексики в связи с устной формой ее существования. — Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, с. 306.

(Кунгур. Перм., 1898), *воспитательник*: Он нам воспитательник, не родной (Ср. Урал., 1964). С таким же значением употребляется существительное *воспитомец*: Ета барынин воспитомец. Тогда она взяла и отдала своего сына, а етого воспитóмца оставила себе (Красн. Смол., 1914) и *воспитóмка* (Новосил. Тул., 1896): У меня вот жила воспитóмка (Демян. Новг.). Кроме того, в говоре Боровичского р-на Новгородской обл. (1923—1928) эти существительные имеют также значение 'ребенок, взятый из детского приюта на воспитание в крестьянскую семью за определенную плату', теперь уже вышедшие из употребления. С этим последним значением бытовали слова *воспитон* (Луж. Петерб.) и *воспитóнка* (Тобол.).[10]

Как показывают материалы, глагол *воспитывать* в указанном значении является чрезвычайно употребительным и широко распространенным в современных говорах русского языка.

Таким образом, слова с приставкой *воз-*, показанные выше, на протяжении XIX в. перестают активно функционировать в литературном языке, устаревают и либо перемещаются в сферу стилистически сниженных языковых средств, либо выходят из общего употребления.

Оказавшись за пределами литературного языкового использования, такие словарные единицы бытуют в говорах, одни из них — в живой диалектной речи, другие — в языке фольклорных произведений. Поэтому было бы естественным и весьма важным с целью выявления форм связи и взаимодействия литературного языка и диалектов показать, какие типы книжных слов и в силу каких обстоятельств оказывались известными в тех или иных говорах.

Для этого необходимо ясно представлять, были ли эти слова общими для говоров и литературного языка, только в процессе развития вышедшими из литературного употребления и сохранившимися в говорах, или это слова литературного языка и затем в силу разных причин перешедшие в говоры. Однако для решения этих вопросов потребуется привлечь другие языковые факты и осуществить их изучение в ином плане.

---

[10] Примеры употребления этих и других однокоренных слов см.: Словарь русских народных говоров, вып. V, сс. 140—141.

Е. П. ЛУППОВА

Предлоги с корнем *меж/межд* в русских народных говорах

В соответствии с предлогом *между* в русских народных говорах отмечаются многочисленные формы предлогов с корнем *меж/межд*, имеющие особенности в синтаксическом употреблении. Менее значительны встречающиеся в говорах отличия от литературного языка в семантике этих предлогов.

В диалектологической литературе нет специальных работ о предлогах с корнем *меж/межд*. Предлоги эти рассматриваются в некоторых статьях о предлогах вообще или о синтаксических особенностях говоров отдельных территорий.[1] Материалы по употреблению этих предлогов имеются также в некоторых областных словарях, хотя в словарях сведения по предлогам вообще представлены скупо. Так, предлог *между* и другие однокоренные образования в некоторых словарях вообще не рассматриваются.[2] В дру-

---

[1] И. Т. Гомонов. 1) Предлоги в псковских народных говорах. — Псковские говоры, I. Псков, 1962; 2) Из наблюдений над наречными предлогами в псковских говорах. — Псковские говоры, II. Псков, 1968; И. К. Зайцева. Предлоги в языке русской народной песни. — Южнорусские говоры и памятники письменности. Воронеж, 1964; Е. П. Луппова. Некоторые предложные конструкции в говорах русского языка. — Совещание по общеславянскому лингвистическому атласу. М., 1969; Н. С. Петрикина. Предложные конструкции в северновеликорусских сказках. Автореф. канд. дисс. М., 1952; Т. Г. Паникаровская. Из наблюдений над употреблением предлогов в подмосковных говорах. — Вопросы грамматики русского языка. XIII научно-методическая конференция северо-западного объединения кафедр русского языка. Л., 1971; В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремячинского р. Воронежской области. — Докл. и сообщ. Инст. языкознания, IV. М., 1953; Л. М. Чистякова. Некоторые особенности употребления падежей и предлогов в говорах восточной Брянщины. — Брянские говоры. Л., 1958.

[2] См., например: Е. И. Якушкин. Материалы для словаря народного языка Ярославского края. Ярославль, 1896; Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968, и др.

гих указывается лишь значение того или иного диалектного образования предлога без примеров на его употребление.[3] При этом в словари иногда попадает случайный материал без учета имеющихся в говорах других форм предлога. Лишь в некоторых областных словарях обращается внимание на падежное управление предлогов и приводится достаточный материал на их употребление.[4] Наконец, в отдельных областных словарях даются сведения лишь на употребление предлогов *между* и *меж* в отдельных фразеологических сочетаниях или в местной специальной терминологии.[5]

Данная статья написана на основе имеющейся печатной литературы и рукописных источников, объединенных в Картотеке Словаря русских народных говоров (КСРНГ) Института русского языка АН СССР (в Ленинграде) с привлечением дополнительных материалов из картотек региональных словарей,составляющихся в ЛГУ: 1) Картотеки Псковского словаря (К. Пск.), 2) Картотеки Печорского словаря (К. Печор.), 3) Картотеки русских говоров Карелии (К. Карел.) и 4) Картотеки Пинежского словаря (К. Пинеж.), а также Картотеки Кировского областного словаря (К. Киров.), составляемого в Кировском пединституте. Положительной стороной материалов в этих новых картотеках является фиксация слова в примерах, позволяющих установить значение и употребление предлога.

Использованный нами материал, хотя и охватывает значительные территории и относится к разным говорам русского языка (севернорусским, южнорусским и среднерусским), не может считаться исчерпывающим как в территориальном отношении, так и по полноте его по отдельным говорам. Однако он представляет несомненный интерес для выяснения особенностей употребления предлогов с корнем *меж/межд* в народных говорах, а также дает материал и для истории их.

В задачу данной статьи входит: 1) рассмотрение вопросов, связанных с образованием предлогов с корнем *меж/межд* в говорах русского языка, их значением, синтаксическим употреблением и территориальным распространением; 2) выявление специфики упо-

---

[3] Например, слово *промеж* в «Кратком Ярославском областном словаре» Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 1961, с. 168); слова *меж*, *межу* в «Материалах для областного словаря вятского говора» Н. М. Васнецова (Вятка, 1907, с. 131), но к слову *промеж* пример приводится (с. 261).

[4] См., например, слова *промеж*, *промежду* в «Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)» (М., 1969, с. 464).

[5] См. *между* в сочетаниях *между молока*, *между летом* в «Словаре говоров Подмосковья» А. В. Ивановой (М., 1969, с. 263), «Между чахи и ляхи» и употребления *меж* в таких сочетаниях, как «меж севера полуночник», «меж лета обедник» и др. в «Словаре архангельского наречия» А. Подвысоцкого (1885, ст. 88—90).

требления указанных предлогов в народных говорах в сравнении с древнерусским языком и современным русским литературным языком.[6]

I. Образование предлогов с корнем *меж/межд*

Предлог *между* (и его однокоренные образования) в русском и других славянских языках является наречным по своему происхождению, восходящим к адвербиализированным формам имени существительного *межда*, образованного от общеиндоевропейского корня *med- со значением 'средний, средина, расположенный посредине'. Этимология этих предлогов в настоящее время не вызывает сомнения.[7]

В литературе нет единообразия в грамматической характеристике слова *между* и его однокоренных образований в русском языке. В отличие от других предлогов наречного происхождения предлоги *между*, *меж* в русском литературном языке как наречия не употребляются. В диалектах же отмечаются случаи употребления образований с корнем *меж* не только как предлогов, но и как наречий: Сено в стожары такие промёж насыпают (Лаль. Киров.); Поле с обеих сторон отгорожено, а промеж улица, скотский прогон (К. Карел.). В некоторых областных словарях *меж*, *межу*, *промеж* определяются как наречия.[8] В ряде грамматик XIX в. *между* относится к предложным наречиям.[9] В грамматиках современного русского языка *между* определяется как предлог и при классификации предлогов относится к группе первообразных предлогов с некоторыми ограничениями (без включения их в список непроизводных предлогов русского языка и с приведением дополнительно).[10] В некоторых работах по предлогам *между* вносится в список непроизводных предлогов без каких-либо оговорок.[11]

В рассмотренных нами материалах в говорах русского языка зафиксированы следующие формы предлогов и их фонетические варианты: 1) с восточнославянским корнем *меж* и 2) с корнем *межд*

---

[6] В работе используются Картотека ДРС XIV—XVII вв. ИРЯЗ (в Москве) и Картотеки Словаря русского языка XVIII в. и Словаря современного русского языка в Словарном секторе ИРЯЗ (в Ленинграде).

[7] А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, сс. 521—522; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. II. М., 1967, сс. 591—592.

[8] Например: Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907, сс. 191, 261.

[9] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, ч. II. М., 1959, с. 473; А. Х. Востоков. Русская грамматика по начертанию сокращенной полнее изложенная, гл. II. СПб., 1874, § 135, с. 145 и др.

[10] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, с. 680. То же: Грамматика русского языка, ч. 1. М., 1952, с. 659.

[11] В. С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.

старославянского происхождения: 1) *межу* (*ме́жу*, *межу́*, *мижу́*, *ми́жу*, *мезу*);[12] *межи* (*ме́жи*, *межы́*, *мижа*, *ме́же*); *меж* (*мёж*, *миж*, *мез*, *мезь*, *миз*); *промежу* (*проме́жу*, *промежу́*); *промежи* (*проме́жи*, *промы́жы*, *проме́же*); *промеж* (*проме́ж*, *про́меж*, *промёж*, *праме́ж*, *про́миж*, *проме́з*, *прами́з*, *промизь*); *примижи*; *примиж*; *помежу*; *помеж* (*по́меж*, *паме́ж*, *по́миж*, *пами́ж*, *пами́з*); *попромеж*; *впромеж*; *напромеж*; 2) *между* (*ме́жду*, *между́*, *ми́жду*, *мезду*, *межда́*, *мижда́*, *ме́жды*); *промежду* (*проме́жду*, *промежду́*, *промежда́*, *проме́жда*).

Образования с корнем *меж*, как видно из предложенного материала, в говорах русского языка являются более продуктивными, чем образования с корнем *межд*. Все указанные формы предлогов различаются по морфологическим признакам: 1) бесприставочные и приставочные образования, 2) образования с разным оформлением конца слова, восходящие к разным формам существительного. При кажущейся пестроте форм эти предлоги имеют довольно прозрачную морфологичесую структуру и могут быть возведены к трем основным типам бесприставочных образований по оформлению конца слова: с конечным гласным на *-у*, на *-и* и на согласный корня.

Формы на *-у* (*межу*, *между*) исторически восходят к форме местного падежа двойственного числа имени с основой на ja. Эти формы отмечены в памятниках древнерусского языка (*межу*, *межю* и *между*) и в других славянских языках:[13] ст. сл. *между*, болг. *между́*, серб. *међу*,макед. *мег'у*, белор. *межу* (в памятниках XV—XVI вв.) (Карский, Белорусы, II, 80).

Форма на *и* (*ы*) — *межи* по происхождению является формой местного падежа единственного числа от того же существительного. Она отмечена в древнерусском языке (*межи*) и в ряде славянских языков: укр. и белор. *межи*, чешск. mezi, польск. między, словацк. medzi, в.-лужицк. mjezy, н.-лужицк. mjazy.

Форма на согласный (*меж*) является, как предполагают исследователи, более поздним сокращенным вариантом формы *межи*, в которой вследствие утраты семантической связи с формой местного падежа имени в безударном положении произошла редукция конечного гласного.[14] Предлог *межь* зафиксирован в памятниках древнерусского языка. Образование предлога без конечного гласного отмечено в современных украинском (*між*) и белорусском (*меж*, *між*) языках.

Отмеченные в говорах русского языка отдельные образования предлогов с другими конечными гласными (*мижа*, *межда*, *между*)

---

[12] В скобках приводятся фонетические варианты формы.

[13] Древнерусские формы здесь и ниже даются по «Материалам для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского (т. 2. СПб., 1897). Формы славянских языков — по словарям славянских языков.

[14] Т. П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956, с. 300.

отражают более поздние фонетические процессы, происходившие в русских говорах.

От этих основных типов образуются и формы с приставками *про-*, *при-*, *по-*, а также с двойными приставками *попро-*, *напро-*, *впро-*. Наиболее продуктивными и распространенными в говорах русского языка являются образования с приставкой *про-* (*промеж*, *промежу*, *промежи*, *промежду*). Формы *промежь*, *промежи*, *промежю* отражаются в памятниках древнерусского языка. Образования с приставкой *про-* отмечены только в восточнославянских языках: укр. *промеж*, *проміж*, *промежи*, белор. *промеж*, *праміж*, *промежи*.

Формы предлогов с приставкой *по-* от корня *меж* имеют в русских говорах более локальный характер распространения. Они отмечены в некоторых говорах западной диалектной зоны: *памеж*, *памиж*, *памиз* (Зап.-Брян., Расторгуев), *памиж* и *помиж* (Пск. Смол., Копаневич), *помежу* (К. Пск.), *помеж* (К. Карел., Прионож) и в отдельных говорах Сибири: *пъмеж* (Алт., Федоров). В словаре Срезневского приводятся два примера с предлогом *помежи* из Временника Георгия Амартола по сп. 1456 г. и XVI в.[15] Образования с приставкой *по-* шире представлены в других славянских языках: укр. *по́меж*, *помежи́*, *поміж* и *поме́же*, белор. *паміж*, болг. *помежду́*, макед. *помег'у*, польск. *pomiędzy*, словацк. *pomedzi*.

Образования с приставкой *при-* предлогов с корнем *меж* отмечены только в некоторых южнорусских говорах: *примиж* (в языке песен — Ворон. Зайцева), *примиж*, *примижы* (Бельск. Смол., Копаневич) и наблюдаются в белорусском языке—*примиж* (Карский, Белорусы, I, 18).

Предлоги с двойными приставками, образованные от корня *меж*, отмечены в говорах в единичных случаях: *напромеж*, *попромеж* (Пск., Гомонов), *впромеж* (Том., Палангина). Форма *попромежи* отмечена в Псковской летописи 1463.[16]

Из рассмотренных нами предлогов, кроме предлога *между*, учесть употребительность которого по нашим материалам не представляется возможным,[17] наиболее распространенными являются в говорах предлоги *меж*, *промеж* и *промежду*. Менее распространены в говорах образования на *-у* и на *-и* от корня *меж*.

Формы на *-у* (*межу*, *промежу*) отмечены преимущественно в говорах севернорусских (в Карел. АССР, Арх., Ленингр., Костром., Киров. областях, в некоторых говорах Урала и Сибири),

---

[15] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, стлб. 1156.

[16] Там же, стлб. 1197.

[17] Предлог *между* чаще отмечается в записях в тех случаях, когда он отличается от литературного языка по произношению, по синтаксическому употреблению или когда с ним употребляется диалектная форма имени (*между домам* и др.).

реже встречаются в южнорусских говорах (Смол. обл.) и в среднерусских говорах (Пск. обл.). Возможно, что предлог *межу* раньше был шире распространен, так как об этом говорят образования сложных слов, первую часть которых составляет форма *межу*, отмеченные в говорах, где этот предлог не указывается.[18]

Формы на *-и/-ы* (*межи*) в древнейшую эпоху начали вытесняться формой *межь*, закрепленной уже в памятниках древнерусского языка. В современных говорах образования на *-и* не поддерживаются моделью литературного языка, как форма на *-у* (*межу*, *между*), и развития не получают. Предлог *межи*, по нашим материалам, отмечен на узкой территории в западных среднерусских говорах (Пск. и Калинин. обл.) и в некоторых западных южнорусских говорах (Смол. обл.). Образования с приставками от этой формы не продуктивны и встречаются редко: *промежи* (К. Киров.), *примижи* (Смол., Копаневич).

Фонетические варианты предлогов различаются в говорах в зависимости от места ударения в слове (*ме́жу — межу́*, *ме́жи — межи́*, *про́меж — проме́ж*, *ме́жду — между́*, *проме́жду — промежду́*), от изменения корневого гласного (*меж*, *мёж*, *миж*) или согласного *ж—з* (*меж — мез*, *между — мезду*). Наблюдаются также изменения гласного *о* в неударном положении в приставках *про-*, *по-*. Эти изменения не находят отражения в памятниках письменности. В говорах русского языка наблюдается неравномерное распространение особенностей, связанных с изменениями гласных в корне. Образования с гласным *и* в корне зафиксированы в некоторых южнорусских говорах (Смол., Брян., Калуж. обл.) и среднерусских говорах (Пск. обл.) и находят параллели в современных украинском (*між*, *по́між*, *про́між*, *міждо*) и белорусском (*між*, *паміж*, *праміж*) языках. Свистящий *з* в корне отмечен в некоторых севернорусских говорах (Арх. обл. и в записях сказок Котельн. у. Вят. губ.) и в отдельных южнорусских и среднерусских говорах (Смол., Брян. и Пск. обл.)

II. Значение и синтаксическое употребление предлогов с корнем *меж/межд*

Отмеченные в говорах русского языка предлоги с корнем *меж/межд* являются синонимичными. В дальнейшем изложении в примерах приводятся конструкции с разными предлогами и указываются лишь отличия в употребительности предлогов, которые прослеживаются в материалах.

---

[18] См. *межуимок*, *межуимник*, *межуимочный* — в «Словаре Подмосковья» А. Ф. Ивановой (с. 163).

Конструкции с предлогом *между* и другими однокоренными образованиями имеют четыре значения, неодинаково употребительные в говорах.[19]

1. Конструкции с пространственным значением предлогов *между* и др. обозначают пространственное положение предмета или проявления действия в промежутке, посредине чего-либо, например: Промеж сарая и дома можно зделать конуру (Любитин. Новг.); А мез уши вплетен был светёл камень (Онеж., Гильфердинг). Пространственные конструкции являются наиболее употребительными в говорах (составляют 58%). В этом значении отмечено употребление всех вышеуказанных предлогов.

2. Конструкции с временным значением предлогов служат для обозначения промежутка времени, отделяющего одно явление от другого, например: Меж Митриевым днём и Ильиным днём погода худá (К. Карел., Пудож.). Эти конструкции, наименее употребительные в наших материалах (5%), отмечены только с шестью предлогами (*меж*, *межи*, *межу*, *промеж*, *между*, *промежду*).

3. Конструкции с объектно-пространственным значением предлогов употребляются для обозначения совершения действия в среде, в группе каких-либо лиц или явлений, например: Промеж соседей живем дружно (К. Пск., Пушкин.). В примерах с этим значением (9%) в материалах встречаются те же шесть предлогов: *меж*, *межи*, *межу*, *промеж*, *между*, *промежду*.

4. Конструкции со значением совместности обозначают взаимоотношения, взаимодействия, взаимосвязи кого-либо с кем-либо: Мижу их спор идёт (Сиб., Королев). Особенно часто встречается в них употребление возвратного местоимения *себя/собой* в сочетании с глаголами с значением 'говорить, разговаривать' (*гомонить*, *толковать*, *баить*, *содомить*, *беседовать* и др.), а также с рядом возвратных глаголов (*драться*, *хвалиться*, *разругаться* и др.), например: Промеж собой мы баем (Медян. Киров., Прозорова); Разругались между себя (Демян. Новг., Еремин). По употребительности конструкции этой группы занимают второе место (28%). В них зафиксировано употребление десяти предлогов — *меж*, *межи*, *межу*, *промеж*, *промежи*, *промежу*, *между*, *промежду*, *помеж* и *примижи*, но наиболее часто встречаются предлоги *промеж*, *промежу*.

По сравнению с литературным языком конструкции с предлогом *между* и др. в говорах характеризуются большей конкретностью значения. Конструкции с более отвлеченным значением (сравне-

---

[19] При определении процента употребительности в статье принимаются во внимание только те материалы, в которых предлоги даются в предложениях, позволяющих определить значение и синтаксическое употребление их.

ние, сопоставление)[20] в записях народных говоров не встречаются.

Употребление предлогов с корнем *меж/межд* в конструкциях с разными значениями представлено неравномерно. Только некоторые предлоги (*меж*, *межи*, *межу*, *промеж*, *между*, *промежду*) встречаются во всех конструкциях разного значения. В конструкциях со значением пространственных отношений и значением совместности зафиксированы, кроме того, предлоги *промежи*, *промежу*, *помеж*. Некоторые малоупотребительные предлоги (*помежу*, *примиж*, *впромеж*, *попромеж*) отмечены в записях только в конструкциях с пространственным значением.

В связи с основным значением корня указанных предлогов (положение предмета или направление действия в промежутке, посередине чего-либо) стоит и употребление с предлогами зависимых слов или сочетаний слов, которые обозначают обычно два или несколько предметов. Они могут быть выражены следующими типами конструкций.

1. Сочетанием двух разных существительных или местоимений, соединенных союзом, причем предлог может повторяться перед вторым компонентом: Курья-вода оставляецця в лето мезь песком да мезь берегом (К. Пинеж.). Употребляются в конструкциях с пространственным и временным значениями.

2. Сочетанием числительного (чаще *два*) с существительным во множественном числе: Там промеж двух столбов (К. Карел., Медвежьегор.). Отмечены в конструкциях с пространственным значением.

3. Одним существительным во множественном числе: а) для обозначения парных предметов: Промежду де глазьми целый аршин (Печер. Арх., Ончуков); отмечены в конструкциях с пространственным значением; б) для обозначения множества или группы однородных предметов: Видиш меж деревьев прогалина (К. Карел., Медвежьегор.) — встречаются в конструкциях с разными значениями.

Употребление с указанными предлогами одного существительного или местоимения в форме единственного числа отмечено в говорах в сочетаниях: а) с существительным собирательным: Между миру бываешь. Всюду ходишь (Донск., Миртов); б) с возвратным местоимением *себя/собой*: Промежду собой рици говорили (Вологод., Дилакторский); в) в отдельных фразеологических сочетаниях (*между тем, промеж делом*) и в местной терминологической лексике. В остальных зафиксированных говорах сочетания с формой существительного в единственном числе предлоги с корнем *меж/межд* употребляются в значении других предлогов (*около*, *у*, *мимо*,

---

[20] См. значение 5-е и 6-е в Словаре современного русского литературного языка (т. VI, 1957, с. 782) и значение 6-е и 7-е в Словаре русского языка (т. II, 1958, с. 333).

вокруг): Не ходи между полосу (Холмогор. Арх., Грандилевский); Между дорогою семь озёр (К. Карел,. Пудож.); Промеж этой жерди сено мечут (К. Карел., Медвежьегор.); Мижу нашыва беригу много гусей пралитают (Гдов. Пск., Гомонов) и др.[21]

Близость значения предлога *между* к другим предлогам отмечается и в других славянских языках.[22]

Предлоги с корнем *меж/межд* в говорах русского языка могут управлять тремя падежами: винительным, родительным и творительным. В диалектологической литературе мы находим замечания о различиях в значении сочетаний с разными падежами только в пространственных конструкциях. В. И. Даль так определяет значение падежей в сочетании с предлогом *между*: «С творит. пад. — означает пребывание, состояние; с родит. пад. то же, либо направление куда, движение; с винит. пад. — окончательное направление и движение для покоя там».[23] Таким образом, по Далю, в русских говорах каждое из значений (местопребывание и направление движения) может быть выражено двумя падежами. Противопоставленными являются только винительный и творительный падежи, а родительный употребляется в том и другом значении. Следовательно, в русских говорах нет того четкого противопоставления (при помощи употребления разных падежей) значений местопребывания (с творительным падежом) и направления движения (с винительным падежом), которое наблюдается в других славянских языках (украинском, польском, чешском, словацком, сербском, словинском, кошубском, в.-лужицком и н.-лужицком).

Наши материалы показывают неодинаковую употребительность конструкций с разными падежами: наиболее продуктивными являются конструкции с родительным падежом (62.4%), наименее — с винительным (7.5%). Конструкции с творительным падежом в наших материалах составляют 31.1%, но, несомненно, в говорах они представлены шире, так как в записях употребление предлога *между* с творительным падежом, совпадающее с литературным языком, чаще не находит отражения. Рассмотрим значение употребления конструкций с этими падежами отдельно.

А. Конструкции с винительным падежом в сочетании с исследуемыми предлогами в говорах русского языка употребляются редко, только в узком пространственном значении в значении направления движения (с глаголами, после которых можно поставить вопрос *куда*?): Меж ноги глядите назад и высмотрите как поедё домова́ свадьба (К. Пинеж., 1969); Меж кроватку да меж тубаретку забилась (К. Печор.); Вот моя мурушка куда убралась, меж мо́лодежь забралась (К. Карел., Медвежьегор.); Зарежь этих волов и осоли в кадцы и ставь ко мне на крыльца,

[21] Псковские говоры, II, с. 92. Здесь приводятся и другие примеры с изменением значения предлогов.

[22] Rječnik hrwatskoga ili Srpskoga jezika, VI. Zagreb, 1931, s. 577—578.

[23] В. И. Даль. Толковый словарь, т. II, с. 319.

меж кадцы сам садися: Иван-царевич сел меж кадцы (Котельн. Вятск., Зеленин).

В сочетаниях с винительным падежом употребляются предлоги с корнем *меж* (преимущественно *меж*, *промеж*, реже *межу*, *промежу*). Предлог *между* с вин. пад. в материалах встретился 1 раз.

Конструкции указанных предлогов с винительным падежом отмечены только на территории севернорусских говоров (в Карелии, в Арх., Вологод., Киров. обл. и в Удмуртии). Данные конструкции закрепились в записях фольклора, особенно на территории Архангельской обл. и в Карелии: Первый раз ударил промежу уши, другой раз промежу ноги, промеж ноги ударил промеж заднии (Онеж. Олон., Гильфердинг); А темны леса конь промеж ноги берет (Мез. Арх., Григорьев); Стягнула головушку промеж плечи (Петроз., Рыбников) и др. Встречаются они и в записях живой речи последних лет на указанных территориях.

Обращает на себя внимание некоторое однообразие лексики в в конструциях с винительным падежом: в большинстве примеров после предлогов употребляются существительные, обозначающие части тела человека или животного — ноги, уши, плечи. Это создает впечатление некоторой традиционности оборотов.

Употребление конструкций с винительным падежом отмечено в терминологической лексике Севера (названия румба компаса: *меж восток полуношник*, *меж север побережник*, *меж запад шалоник* и др.) [24] и в местной топонимике: *меж уши* — разлог между северными горами.[25] В настоящее время конструкции с винительным падежом в говорах являются неустойчивыми, и наряду с ними отмечаются конструкции с родительным падежом как в живой речи, так и в фольклоре.

Б. Конструкции с родительным падежом в сочетании с предлогами *между*, *меж* и др. являются наиболее употребительными в говорах. По некоторым южнорусским и среднерусским говорам мы имеем сообщения об исключительном [26]

---

[24] П. Кузьмищев. Собрание особенных слов, употребляемых жителями Архангельской губ. и мореходами на Белом море и Северном океане. — Арх. губ. ведом., 1847, №№ 2—4. В записях последующего времени винительный падеж в этих терминах вытесняется родительным. В Словаре Подвысоцкого (1885) конструкция с винительным падежом сохраняется только в одном термине — *меж восток обедник* (с. 90). В «Опыте терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» И. М. Дурова (1929) во всех этих терминах *меж* употребляется только с родительным падежом.

[25] В. П. Андросова. Местная терминология для побережья морей СССР. — Уч. зап. МГУ, 1937, вып. 16.

[26] С предлогами *промеж*, *промежду* — в «Словаре современного русского народного говора» (с. 464); с предлогами *между*, *промежду* — в Гремячинском р-не Воронежской обл. (Докл. и сообщ. Инст. языкознания, 1953, IV, с. 27) и в подмосковных говорах (Вопросы грамматики русского языка. XIII методич. конференция сев.-зап. объединения кафедр русск. яз. Л., 1971, с. 121).

или преобладающем употреблении родительного падежа с этими предлогами.[27]

В использованных нами материалах в сочетаниях с родительным падежом встречаются все отмеченные предлоги, причем некоторые из них (*промежи*, *примиж*, *примижи*, *впромеж*, *попромеж*) зафиксированы только в конструкциях с родительным падежом. Остальные предлоги наблюдаются в записях и с другими падежами неравномерно по разным территориям.

Конструкции с родительным падежом употребляются в разных значениях.

1. Конструкции, обозначающие п р о с т р а н с т в е н н ы е отношения, наиболее продуктивны, в них встречаются все отмеченные предлоги. Они употребляются в значении направления движения и в значении местопребывания.

В значении направления движения конструкции с родительным падежом обычны в южнорусских и среднерусских говорах: Кладут миз кокошника и миз налобника пасиряди (Брян., Чистякова); Попромеж сарафана и подштафирки клали иголки (Гдов. Пск., Гомонов) и др.

Широко представлены эти конструкции в записях фольклора: Попадала пулечка промеж бровей, что промеж бровей промеж ясных очей (Донецк. обл., Соболевский, ВНП, т. VI, с. 227); Провожала девушка дружка далеко, сколь далеко далеко, меж гор высоко (Ворон., Соболевский, ВНП,т. V, с. 92); Горы промеж ног пущал (Терск., Водарский) и др.

В севернорусских говорах в этом значении отмечены, как уже говорилось, конструкции с винительным падежом, но и конструкции с родительным падежом также употребляются: Сено сыровато мечут промежду стожароф (Волхов. Ленингр.); Промежи брёвен и спрятал их (К. Киров.); Кирпич отвалился от печки и промеж ног упал (К. Карел.). В записях фольклора: Он де горы де удолы между ног берет (Печор. Арх., Ончуков); Гладки мхи да промеж ног спущал (Арх., Григорьев); Становился (Дюк) подле князя Владимира промежду де Бермяты Васильевича, промежду де Чурила сына Пленковича (Онеж. Олон., Гильфердинг) и др.

В значении местопребывания конструкции с родительным падежом имеют преимущественное распространение в южнорусских и среднерусских говорах: Мижа крыл болит (Духовищ. Смол., Добровольский); Промиж нас и Котова Миколай жил (Мещев. Калуж.); Промяждý их проулочек (д. Деулино, Ряз.); Промеж берду грибы выросли (Воронеж., Зайцева); Построили между леса и поля (Моск., Паникаровская); Улица между избы и амбара (Остров. Пск., Гомонов).

---

[27] И. Т. Г о м о н о в. Из наблюдений над наречными предлогами в псковских говорах. — Псковские говоры, вып. II. Псков, 1968.

Отмечаются эти конструкции и в севернорусских говорах, хотя чаще там употребляются сочетания с творительным падежом: Меж могильеф сетку потеряли (К. Карел., Медвежьегор.); А ушат промеж них на дереве висит (К. Карел., Пудож.); Промеж рогов смольё и береста (К. Печор.); Большой от лог меж окошек (Орич. Киров., Луппова).

2. Временные конструкции с родительным падежом немногочисленны, отмечены в сочетании с четырьмя предлогами (*меж*, *межу*, *промеж*, *между*): Между Петрову дни и меж Ивану дни травку рвали и сушили (К. Карел., Пудож.); Межу рожества и нова года (К. Пск., Остров); Между делов отдыхаем (Холмогор. Арх., Грандилевский); Пишу теперь промеж делов (Пошех. Волод. Яросл., Копорский).

3. Конструкция с объектно-пространственным значением встречается чаще, но преимущественно в южнорусских и среднерусских говорах, с предлогами *меж*, *промеж*, *промежду* (чаще), *межи*, *между* (реже): Миз коров волк бегает (Смол., Добровольский); Если в кампании между баб она и рассказала все (Гремяч. Ворон., Собинникова); Он промеж дядий, промеж отца, его и ни видать (д. Деулино, Рязан.); Доцка на времецко приехавши, пускай поживё, чем в Тарту промеж чухон жить (К. Пск., Гдов). В записях фольклора: Миж татар моя милая с татарми в карты грает (Мосал. Калуж.); Промежду молодушек удалый добрый молодец (Терск., Панкратов).

В севернорусских говорах эти конструкции встречаются редко: Три месяца промеже их был (К. Карел., Пудож.).

4. Широко представлены конструкции с родительным падежом в значении совместности в разных городах, но больше распространены в южнорусских и среднерусских. Из девяти разных однокоренных предлогов наиболее употребительным в этих конструкциях является предлог *промеж*: Никаких сердцов промеж нас не было (Одоев. Тул.); Всю жизнь промеж их несогласие было (Буйск. Костром.). Наиболее часто это значение выражено конструкциями предлога с возвратным местоимением *себя/себе*: Миз соби рассуетились (Смол., Добровольский); Промеж себе гаворили (Мещев. Калуж., Косогоров); Промеж сабе ета ены казали (Зап.-Брян., Расторгуев); Промеж себя дерутся дети (д. Деулино, Ряз.); Они сговорились промежи себя (Бельск. Смол., Копаневич); Разговаривают промиз себя (Пушк. Пск., Чернышев); Три казака коников поили, промеж себе речи говорили (Дмитров. Курск., Шафранов) и др. В северных говорах: Мёж себя содомят (Устьян. Сев.-Двин., Романов); Они это промеж себя обделали (Волог., Иваницкий); Все едят потешаются, промежду себя они хвалятся (К. Печор.) и др.

В. Конструкции с творительным падежом в сочетании с исследуемыми предлогами употребляются в тех же четырех значениях, что и конструкции с родительным падежом.

В конструкциях с творительным падежом встречаются только восемь предлогов: *меж*, *межи*, *межу*, *промеж*, *промежу*, *промеж*, *между* и *промежду*.

1. Пространственные конструкции с творительным падежом в основном имеют значение местопребывания. В них употребляются все названные восемь предлогов, из которых чаще встречаются *меж* и *между*. Большинство примеров относится к говорам севернорусских территорий: Меж стенкой и печкой заулок в кажном доме (К. Пинеж): Не таки долговеки ветры меж западом и югом (К. Печор.); Машина остановилась вокурат промежду школой и Ермаковыми (К. Карел., Пудож.); Межуток между домам (Волхов. Ленингр., Луппова); Были меж амбарами (Карсов. Удмурт. АССР, Барашков); Голбец место между печкой и стеной (Кумен. Киров., Луппова) и др.

Отмечены эти конструкции и в других говорах, хотя реже, чем конструкции с родительным падежом: У нас где-то меж Островом и меж Псковом дом то престарелых (К. Пск., Бежаниц.); Пускай ученики уберут промиж тиром и стадионом (Пск., Гомонов) и др.

Лишь в отдельных примерах конструкции с творительным падежом имеют оттенок значения направления движения: Руфа взяла да и села промеж ими (К. Карел., Онеж.); Потом садится между женихом и шапочником (Мещов. Калуж., Косогоров).

2. В немногочисленных примерах конструкций с творительным падежом во временном значении отмечены отдельные случаи употребления предлогов *меж*, *межи*, *промеж*, *между*, *промежду*: Он выходит межи утренней и межи обедней на христов день этого коня поить в Сороть (Опоч. Пск., Чернышев); Промеж Иваном днем да Петром (К. Карел., Медвежьегор.) и др. Отмечаются отдельные устойчивые сочетания предлогов с зависимым словом в форме единственного числа: Промежду тем (Олонец., Куликовский); А он меж тем в Сибирские города ходил (Ярен. Волог., Протопопов, 1853); Промеж делом (К. Карел); Промежду прочим (К. Киров.).

3. Конструкции предлогов с творительным падежом в объектно-пространственном значении в наших материалах представлены немногочисленными примерами преимущественно в записях севернорусских говоров с предлогами *меж*, *межу*, *промеж*, *между*, *промежду*: Меж людьми так его как бытто и стеснительно (К. Карел., Медвежьегор.); А нонь привыкли между людьми жить (К. Карел., Пудож.); Я меж има сижу дак и видела и слышала все (К. Пинеж.); Как стала советская власть так сразу промежду нами меньше теряжу стало (К. Печор.) и др.

4. Конструкции предлогов с творительным падежом в значении совместности, более многочисленные, отмечены также преимущественно в севернорусских говорах. В записях чаще встречаются сочетания предлога с возвратным местоимением

собой. В этих конструкциях более употребительны предлоги *промеж*, *промежу*, *промежду*, остальные предлоги (*меж*, *межу*, *помеж*, *между*) отмечены в отдельных примерах: Мы говорили межу собой (К. Карел., Прионеж.); Люде те промёж собой говорят (Кириш. Ленингр.); Девчата скачут помéж собой (К. Карел., Прионеж.); Промежу собой девицы укрывают друг друга (Канд. Волог.) и др.

Предлоги *промежу*, *промежду* с творительным падежом отмечаются в записях былин и песен на севере: А и скачут, пляшут все промежу собой (Олон. Пудож., Гильфердинг); А и друг промеж другом спрогуркнули (Повен. Олон., Гильфердинг); Говорят то они все да промежу собой (Беломор. Арх., Марков); А промежу они собой да подралися (Мезен. Арх., Григорьев); Ой промежу собой бы нынче да похваляются (Былины Печоры и Зимнего берега); Промежду собой братана совет советали (Пинеж. Арх., Соболевский, ВНП, т. V, 212).

Отдельные примеры представлены в записях с территории южнорусских и среднерусских говоров: Помеж нами никакой сварки не было (Зап.-Брян., Расторгуев); Помеж нами ладу нету (Алт.); Гомонили меж собой; Парень и девушка прóмеж собой под руки бегают (Остр. Пск., Гомонов).

Рассмотренные нами материалы по употреблению падежей с предлогами *между* и другими однокоренными предлогами в русских говорах показывают, что конструкции с родительным и творительным падежами близки по значениям и употребляются в четырех значениях, и различие в употребительности их наблюдается только в пространственном значении: творительный падеж употребляется с данными предлогами преимущественно в значении местопребывания, в то время как родительный падеж — и в значении местопребывания, и в значении направления движения. Близость в значении указанных падежей дает возможность употребления в сочетании с одним предлогом двух существительных в разных падежах: Между хатой и двора тын (Сузем. Брян., Чистякова).

Винительный падеж в описываемых конструкциях употребляется только в одном значении — направления движения в пространстве. В этом значении в говорах шире употребляется родительный падеж. Материалы показывают неравномерное распространение конструкций с разными падежами в разных говорах (употребление сочетаний с винительным падежом исключительно в севернорусских говорах, большее распространение сочетаний с родительным падежом в южнорусских и среднерусских говорах). Не одинаково представлена в говорах и употребительность синонимичных предлогов в конструкциях с разными значениями с разными падежами.

III. Специфика предлогов *меж/межд* в говорах

Для выяснения специфики предлогов с корнем *меж/межд* в русских народных говорах следует рассмотреть употребление их в современном русском литературном языке, а также в древнерусском языке.

Предлоги с корнем *меж/межд* в народных говорах близки по своему составу и синтаксическому употреблению к древнерусскому языку. В памятниках древнерусского языка, как показало наше сопоставление предлогов в первой части статьи, употреблялись разные предлоги: с корнем *меж — межю, межи, межь, промежу, промежи, промежь, помежи, попромежи*, а с корнем *межд* — только *между*.[28]

В Картотеке словаря древнерусского языка с XVI по XVII в. отмечаются те же предлоги, а также случаи приставочных образований от основы *межд- — помежду* и *промежду*.[29]

По сравнению с древнерусским языком современные говоры отличаются большей пестротой форм, которая объясняется тем, что в живой речи отмечаются формы, которые не могли быть зафиксированы памятниками (различные по месту ударения, а также фонетические варианты форм, развившиеся позднее).

В памятниках древнерусского языка, так же как и в современных народных говорах, зафиксировано употребление указанных предлогов с тремя падежами — винительным, родительным и творительным. Конструкции с винительным падежом были редки, отмечаются в некоторых памятниках при употреблении в узком значении «пространства, которое ограничено предметами и в которое направлено действие».[30] Двоякое употребление родительного и творительного падежей в разных значениях засвидетельствовано в самых ранних памятниках древнерусского языка, но неравномерно с разными предлогами. С предлогом *между*, например, в Словаре Срезневского, так же как и в старославянском языке, [31] указано употребление только творительного падежа.

В XVIII в. в связи с нормализацией языка происходит отбор синонимичных предлогов, и в словарях русского языка указыва-

---

[28] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2, стлб. 126, 156, 1197, 1543, 1544. В «Словаре современного русского литературного языка» (т. XI, с. 1200) ошибочно указано на употребление слова *промежду* в словаре Срезневского.

[29] *Помежду*: В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII веков. СПб., 1905, с. 252; *промежду* — в Житии протопопа Аввакума, XVII в.

[30] Н. И. Букатевич. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке. Одесса, 1957, с. 90.

[31] К. И. Ходова. Падежи и предлоги в старославянском языке. М., 1971, сс. 72—73.

ются только три предлога — *между*, *меж*, *промеж*.[32] В конце XVIII в. в первом академическом словаре русского языка к ним добавляется еще предлог *промежду* [33] и, таким образом, в русском литературном языке закрепляются четыре предлога: *между*, *меж*, *промеж*, *промежду*. Неодинаковая степень употребительности этих предлогов в литературном языке XVIII в. видна по данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в., в которой употребление предлога *между* составляет 76.7% (422 случая), *меж* — 18.7% (103 случая), *промеж* — 3.3% (18 случаев), *промежду* — 1.3% (7 случаев). В картотеке представлены также единичные случаи предлога *изпромеж*, не вошедшего в словари и неизвестного в современных говорах.

Употребление трех падежей — винительного, родительного и творительного — еще сохраняется в XVIII в. и отмечается в Российской грамматике М. В. Ломоносова,[34] но винительный падеж встречается очень редко (в Картотеке Словаря русского языка XVIII в. отмечено всего два примера на употребление его с предлогами *между* и *промеж*).

В русском литературном языке XIX в. происходит дальнейший отбор предлогов путем внесения в словари стилистических помет. В Словаре Академии Российской 1814 г.[35] предлог *меж* имеет помету *простонар.* В Словаре церковнославянского и русского языка 1847 г. помету *простонар.* получают предлоги *промеж* и *промежду*,[36] и, таким образом, эти предлоги выводятся за пределы нормализованного языка. Такие же указания имеются и в грамматиках.[37]

В словарях современного русского литературного языка XX в. предлоги *промеж* и *промежду* сохраняют стилистические пометы: *обл.* и *простореч.*[38] или *устар.* и *простореч.*[39] В Словаре русского языка, составленном Ожеговым, эти предлоги вообще исключены и оставлены только *между* и *меж*. Что же касается предлога *меж*, то он неодинаково характеризуется в словарях: стилистическими пометами этот предлог снабжается только в словарях Ожегова (устар.) [40] и Д. Н. Ушакова (*устар.* и *книжно-торжест-*

---

[32] Ф. Поликарпов. Лексикон трехъязычный. М., 1704; Российский целлариус, или Этимологический российский лексикон купно также с сокращенной русской этимологией. М., 1771.

[33] Словарь Академии Российской. СПб., 1793, т. III, с. 793; т. IV, с. 79.

[34] М. В. Ломоносов. Российская грамматика. — В кн.: М. В. Ломоносов. Труды по филологии, 1739—1758. М.—Л., 1952, с. 752.

[35] Словарь Академии Российской, т. III. СПб., 1814, с. 736.

[36] Словарь церковнославянского и русского языка, т. II. СПб., 1847, с. 539.

[37] А. Х. Востоков. Русская грамматика, с. 154.

[38] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. III. М., 1938, с. 261.

[39] Словарь русского языка, т. III. М., 1959, с. 676; Словарь современного русского литературного языка, т. XI.

[40] Словарь русского языка. Сост. С. И. Ожегов. М., 1953, с. 304.

вен.),[41] а также называется устарелым в некоторых грамматиках.[42] В Картотеке современного русского языка XIX и XX вв. просторечные предлоги представлены шире, чем в Картотеке Словаря русского языка XVIII в.: *промеж* — 13.5% (имеется 146 примеров из языка 56 авторов), *промежду* — 6.8% (77 примеров из языка 24 авторов), причем примеры на употребление просторечных вариантов относятся в основном к периоду со второй половины XIX в.

В словарях и грамматиках современного русского литературного языка указывается на употребление с предлогами *между*, *меж* двух падежей: творительного и (реже) родительного. При этом отмечается ограничение в употреблении конструкций с родительным падежом.[43] Таким образом, господствующее положение в современном русском литературном языке приобретает конструкция предлога *между* с творительным падежом.

Общая тенденция к сокращению предлогов с корнем *меж/между*, ярко выраженная в истории литературного языка, наблюдается и в современных народных говорах и выражается в том, что разные предлоги имеют и в говорах неодинаковую употребительность и широту распространения. Некоторые предлоги (*меж*, *промеж*, *промежду*) широко распространены на разных территориях. Другие имеют меньшую употребительность и встречаются не во всех говорах. Наконец, третья группа предлогов отмечается лишь в единичных случаях в отдельных говорах. Процесс этот в говорах русского языка происходит значительно медленнее, чем в литературном языке. Вместе с тем наблюдается и обратный процесс воздействия говоров на разговорный литературный язык, что выражается в более широком использовании писателями просторечных предлогов *промеж*, *промежду*.

По употреблению падежей с предлогами *между* и др. говоры русского языка до настоящего времени еще сохраняют существенные отличия от литературного языка, которые выражаются в более свободном и широком употреблении в говорах конструкций с родительным падежом, а также в сохранении конструкций с винительным падежом, отмечаемых изредка в некоторых севернорусских говорах и в фольклоре. Конструкции же с родительным падежом могут употребляться наряду с конструкциями с творительным падежом, особенно в севернорусских говорах.

---

[41] Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, с. 172.

[42] В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 680.

[43] Р. П. Рогожникова. *Между* и *меж*. — Русская речь, 1970, № 5, сс. 77—79.

Н. В. ПОПОВА

Случаи забытого употребления предлога *по-за*

Лексикограф может определять значение слова двумя способами: либо опираясь на непосредственное знание реалий, действий, ситуаций (в этом случае точность его толкования должна читателем приниматься на веру или осмысляться критически), либо опираясь на языковой материал, на определенный контекст, который подсказывает и иллюстрирует с большой степенью достоверности смысл толкуемого слова.

При составлении областных словарей диалектологам приходится пользоваться обоими способами, причем наиболее убедительным считается толкование того или иного слова, вытекающее из контекстуального употребления.

Разумеется, очень важную роль здесь выполняет качество самих записей. Иногда полезно подвергнуть их пересмотру и критическому анализу.

В «Великорусских заклинаниях», записанных Л. Майковым, нам встретились слова *загрива*, *захвост*, *закожа*, *зауши*, *засуставы*, *закости*, *заглаза* [1] и еще некоторые, столь же примечательные, как существительные, так и прилагательные (*закопыта*, *закопытный*, *закожурный* и т. п.). В соответствии с записью эти слова почти все, за небольшим исключением, разнесены по карточкам и расставлены по местам в Картотеке 17-томного словаря. Подобного типа слова имеются и в Картотеке СРНГ, и в Словаре Даля.

Если рассматривать каждое из этих слов в отдельности, то можно с известной натяжкой из текста извлечь смысл, иногда довольно неопределенный, а порой все же ставить вместо толкования вопросительный знак. Например: можно «догадаться», что в цитате «. . . бейте (коня). . . по гриве и по загриве, по хвосту и по захвосту» *загрива* — то же, что *загривок* (допустим, что это так!), а в цитате «. . . стегайте (коня) по глазам и по за-

[1] Записки РГО, т. II, 1868, с. 492.

глазам, по коже и по закоже» *закожа* — то же, что *закожье*, т. е. «подкожье, поверхность всего тела под кожею» (Даль) (допустим, что и это так, хотя не вполне ясно, как можно стегать прямо по закоже, пока кожа не содрана!), но как объяснить слово *занёбышко*, по которому летают пташечки, воробушки? И тут бы можно было прибегнуть к «лексикографической интуиции» и соотнести «занебушко» с космическими представлениями, если бы не дата фиксации этого слова — 1903 г.! Что такое *забердичек* в записях Шейна (Красноуфим. Перм.)? В контексте *забердичек* также воспринимается как некое «темное место»: Под красными трава выросла, по забердичку сумет нанесло.[2] В песне поется про Дуню: «Будто Дуняша не ткет, не прядет. Разоставила Дуняшенька красна. Ишшо тем краснам девятая весна, Что десятая масляная». Не приводя целиком всего текста этой длинной песни, собиратель фольклора поясняет, что «. . . сначала в ней (в песне) поется о том, как Дуня „собирала“ красна: что да „семь сел обрыскала — берда не сыскала“, — и в таком роде о каждой части красен, а затем и о том, как ткала холсты».[3] Нам не удалось ни в каких источниках отыскать какое-либо упоминание о детали ткацкого стана под названием *забердичко*, но *бердечко* — уменьш. к *бердо* — записано в Верхотурском уезде той же Пермской губернии в 1895—1896 гг.: Притыкай, прибивай все по бердечку (СРНГ, вып. 2, с. 243). В Словаре РНГ приведена и форма *бёрдочко*, записанная А. И. Соболевским в Вологодской губ., в тексте другого варианта песни все про ту же Дуню-«тонкопряху»: Стала наша Дуня *Бёрдочка* искати; Село обежала, Бёрда не сыскала (записана песня в Красноуфим. у. Перм. губ.).

Так обстоит дело со словами, приведенными выше, если рассматривать каждое из них в контексте по имеющимся у нас в распоряжении записям. Но если рассмотреть эти записи в совокупности, то можно отметить несколько общих свойств.

1. Прежде всего это записи устно-поэтической речи или «язык обрядовых действий» (А. В. Десницкая), «сохранявший особенно архаические черты», так как это, — «особый вариант языка, отличающийся в сравнении с речью повседневного бытового общения устойчивостью форм и в известном смысле литературной отработанностью, что находит выражение в характере лексики, в отдельных грамматических особенностях, а также и в некотором консерватизме звуковой стороны, определяющем ее единообразие».[4] Действительно, примеры приведенных выше слов взяты из народных песен (Шейн, Соболевский, Рыбников и др.),

[2] П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях. . ., т. I. СПб., 1900, с. 349.

[3] Там же.

[4] А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, с. 9.

былин, заклинаний (Майков), пословиц и, наконец, иногда из частушек.

2. Вторая характерная черта является следствием первой. Отмеченные слова зафиксированы в единичных случаях. Они не имеют в языке широкого распространения, а существуют лишь в традиционном тексте. Например, и *закожа* и *зауши*, и *загрива*, и *захвост* подтверждены в Картотеке 17-томного словаря лишь текстом из «Великорусских заклинаний» Майкова, а *закость* и *засустав* в этой Картотеке и совсем опущены, хотя в тексте представлены в качестве однородных членов предложения и «закости», и «зауши» и т. п.: . . . Михайло архангел и Егорий храбрый. . . Бейте (коня) по гриве и по загриве, по хвосту и по захвосту, по копытам и по закопытам, по костям и по закостям. . . по суставам и по засуставам. . . Стегайте его по ушам и по заушам, по глазам и по заглазам, по коже и по закоже. . . выгоните нечистый дух![5] Если же какое-то из этого рода слов и получило распространение за пределами устно-поэтической речи, оно или изменяет свое значение, или входит в состав фразеологизма.

Иногда же толкование слов подобного типа недоступно обычному пониманию или дается чисто формальным способом, что затрудняет обнаружить смысл. «Захвост» в анатомическом смысле в словарях отсутствует, но Даль приводит прилагательное *захвостный*: «находящийся позади хвоста, далее конца» (?!). Там же *захвосток* объясняется как 'остаток, вещь, оставшаяся еще за хвостом (?!), концом, сверх или кроме его'. Ни территории, ни иллюстративного материала при этом не дано. Столь же формально и без примеров даны определения прилагательных с приставкой *за-*, образованных от «анатомической» лексики. Например, *защечный* 'за щекой находящийся', *закопытный* 'находящийся за копытом, меж ним и мясом, *заноготный* 'находящийся за ногтем', *заушный* 'за ухом находящийся', *зависочный* 'находящийся позади виска', *закишечный* 'находящийся позади кишок' (?!) и т. п.

В «Очерках по исторической грамматике русского литературного языка XIX в.» в разделе «История прилагательных с приставкой *за-*» упоминается, что «рассматриваемый словообразовательный тип обнаруживает продуктивность на всем протяжении XIX века», что «большое количество новообразований эта словообразовательная модель давала также в области научной терминологии, преимущественно анатомической» и что «в Словаре Даля их насчитывается более ста»[6] (т. е. прилагательных со значением 'находящийся по ту сторону предмета, за чем-либо', образованных с помощью приставки *за-*). Невольно напрашивается

---

[5] Записки РГО, т. II, 1868, с. 492.

[6] Очерки по исторической грамматике литературного языка XIX в. М., 1964, с. 514.

вопрос, не являются ли приведенные выше прилагательные «новообразованиями» продуктивной словообразовательной модели, не вошедшими в речевой обиход? Следует оговориться, что слово *закопытный* нам встретилось в «Великорусских заклинаниях», записанных Л. Майковым: Помолюся о своей скотине; . . . Истинный Христос. . . угони. . . двенадцать ногтей. . . хребтовой, . . . закопытной, нутренной.

3. Интересующая нас лексика (приведенные выше существительные с приставкой *за-* [непременно (!)] даны в сочетании с предлогом *по*: по загриве, по закоже, по захвосту и т. д. А если это не предлог *по*, а предлог *по-за*? Позволительно ли выправить орфографию записей? Ведь при ином выделении предлогов многие затруднения в толковании этой лексики будут устранены.

Предлог *по-за*, как указано в 17-томном словаре, считается просторечным и употребляется с винительным и творительным падежами. В. С. Бондаренко относит предлог *по-за* к предлогам, распространенным «преимущественно в народных говорах» и употребляемым с творительным падежом.[7] В Словаре Даля также показано употребление предлога *по-за* с винительным и творительным падежами. В большинстве наших примеров существительные стоят в дательном падеже и, следовательно, употребление предлога здесь иное. Такое употребление встретилось нам только в диалектных примерах, приведенных в статьях Ф. Л. Скитовой, Е. П. Лупповой, в сообщении Е. В. Матвеевой «Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость Вятского уезда летом 1925 года»: идет *по-за* стенке, *по-за* столу, *по-за* лесу (*по-за* в значении ‘за’ или ‘вдоль’).[8]

Теперь попробуем прочитать текст заговора так: Стегайте его (коня) по ушам и *по-за* ушам, по глазам и *по-за* глазам, по коже и *по-за* коже, т. е., вероятно, по всей коже, по всей поверхности кожи. В диалектных записях встречается выражение поговорочного типа: *по-за* коже мороз, ино *по-за* коже мороз. (В. И. Чернышев. Вят. г., Архив АН СССР, ф. 197, оп. 2, л. 4). Тот же смысл заключен в выражении «*По-за* кожью мороз ходит, дрожь от стужи и от страха», хотя Даль помещает эту фразу в статье **Закожье** (с соответствующим написанием «по закожью») и поясняет, что *закожье* — это ‘подкожье, поверхность всего тела под кожею’, никак не связывая значения этого слова со словом *кожьё*, истолкованным Далем же как собирательное к *кожа*. Но ведь очевидно, что под кожею мурашки не могут бегать! И все же еще в «Российском Феатре» предлог *по-за* разрывается: У меня как мурашки поползли *по* закожью; я так

---

[7] См.: В. С. Бондаренко. Предлоги в современном русском языке. М., Учпедгиз, 1961, с. 50.

[8] Тр. Вятск. музея, т. I, 1927, сс. 45—63, 74.

поворотился, что сарай затрещал, и выскочил. . . (Левшин и Керцелий, «Король на охоте», д. 1, явл. 6).

Если в народной речи предлог *по-за* еще просматривается во фразеологических сочетаниях (*по-за кожью мороз ходит*), то в языке художественной литературы, у писателей, имитировавших просторечный язык, *закожье* имеет «далевский» смысл. Происходит окончательное разложение предлога с включением новых, индивидуальных элементов в место разрыва устойчивого когда-то сочетания: По водянистому закожью лица (его) переливались какие-то быстрые тени (А. Левитов, Беспечальный народ). Словарь Академии 1900 г., идя вслед за беллетристами, вводит в словник слово *закожье* без помет, определяя его как «часть поверхности тела или вся поверхность под кожей», оговариваясь в скобках: в медицине это слово не употребляется.

4. Четвертой общей характерной чертой сочетаний с предлогом *по-за* является особенность грамматического оформления сопряженных с предлогом существительных, в силу которой эти существительные получают внешние признаки собирательности благодаря окончанию *-ьё*, а главным образом в силу тех отношений, которые выражает предлог *по-за*, — отношений, лишенных четкого представления о направлении действия, передающих лишь отвлеченно-пространственные связи. Собирательность как бы дополняет неопределенность, расплывчатость действия, указание на которое содержится в двойном предлоге. Например: По задворию, по задворию, по-за улицею Ходит голубь, ходит сизый со голубицею.[9] Перед нами один из характерных для языка фольклора «формулообразных типов словесных сочетаний»,[10] содержащих повторение предлога *по-за*, но уже настолько забытого в употреблении с дательным падежом, что собиратель в своей записи разрывает его. Между тем форма *дворье* зафиксирована в фольклорных источниках: Как у нас было за дворьем, Росла трава шелковая (СРНГ, т. VII, слов. ст. «Дворье»). Поэтому написание ***по-за*** *дворию*, ***по-за*** *улицею* нам представляется в данном случае более приемлемым. То же относится к записи: Катился виноград да по загородью, Дружка ведет молодого да по застолью (Пск.).[11] Смысл песни был бы яснее в такой записи: Катился виноград да по-за городью, Дружка ведет молодого да по-за столью.

Признак собирательности существительных, сопряженных с предлогом *по-за*, со всей очевидностью проявляется в конструкциях, содержащих грамматические антиномии типа: По двору

---

[9] И. К. Зайцева. Предлоги в языке русской народной песни. (На материале песен Воронежской области). — В кн.: Южнорусские говоры и памятники письменности. Воронеж, 1964, с. 95.

[10] А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи. . ., с. 30.

[11] П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях. . ., т. I, с. 541.

по дворью в добром здоровье (Даль); И во глаза лестят дружье-братья приятели, И по заглазью они да спроговаривают (Сев., Барсов); В глаза ласкает, А по заглазью лает (Даль); Не время в поле жать, когда бабам по заполью (=по-за полью) впору льны стлать (Слов. Акад. 1902).

Иногда собирательность существительного носит чисто формальный характер и даже вступает в логическое противоречие с содержанием: Ишшо во поле *дуб* стоит о *позадубью* сокол летит. Не летай, сокол, *позадубью*, Скачи, пляши по новым сеням (Вят.).[12]

Нужных значений в словах *дубьё* 'жерди, палочье' и *задубье* 'желвак, опухоль, пухота' (Даль) собиратель, видимо, не имел и дал слитное написание — *позадубью*, произведя песенный стереотип «*по-за* + существительное на *-ьё* в разряд наречий. И такое написание более всего согласуется со смыслом; главное в этой фразе то, где летел сокол и как он летел — в пространстве за дубом в неопределенных направлениях, что и заключено в предлоге *по-за* + сущ. на *-ьё*. Здесь тот же прием использования грамматической антиномии, как и в предшествующем примере.

5. В русских народных говорах широко распространено слово *застолье*. Оно имеет несколько значений. Одно из них — 'место за столом', другое — 'гости, сидящие за столом', третье — 'гулянье'. Любопытно, что значение 'место за столом' проиллюстрировано цитатами, где слово *застолье* непременно сочетается с предлогом *по*. Это главным образом опять-таки фольклорный материал. Если предположить здесь предлог *по-за*, текст, как нам кажется, получит бóльшую ясность: Король по застолью бегает (Рыбников, песни); По застолью псы хаживали, Мелкие крошечки собирывали, Убогова Лазаря питывали (Ворон., Тростянский, 1912).

Здесь, очевидно, имеется в виду место по ту сторону стола. Вполне допустимо выделить в данном случае форму *столье*, которая действительно существует и зафиксирована Д. К. Зелениным: Я пойду столье ладить да скатерки слать.[13] Зафиксирована эта форма и Словарем русских народных говоров: В стольи за третьей ествой в стакан кладут деньги.[14] Все это подтверждает наше предположение о том, что в приведенных выше записях со словом *застолье* представлен древний фольклорный стереотип «*по-за* + существительное на *-ьё*», искаженный орфографией. Имеются примеры, где *застолье* приводится в сочетании с предлогом *из* (*с*), тогда как следовало бы читать *из-за* + существительное на *-ьё*: Сидела Марфушка за *столом*, Просилася *из застолья* (Орл., Сватанье); Катилася колясочка *с заморья*, Просилася Лисаветушка *с застолья* (Песни. Орл., Добровольский). Как

[12] Архив АН, ф. 197, оп. 2, № 56, л. 5, 1897.

[13] Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губ. Петроград, 1915, с. 95.

[14] СРНГ, вып. VIII, слов. ст. «Ества».

только слово шагнуло за магический круг традиционного текста и вступило в сферу иных синтаксических и лексических связей, оно освободило себя от смыслового консерватизма и приобрело новые значения: Застолье полно гостей, т. е. кругом стола много гостей (Арх); Все застолье уж в сани село (Слов. русск. говоров Ср. Урала); *Застолье* — гулянье; *Застолье* — место за столом: И его с той лавки из застолья взял и свел в постелю. То же явление мы наблюдали на примере слова *кожье*, встречавшегося в сочетании с предлогом *по-за*, по мере забвения которого в речь повседневного общения вошло *закожье*.

Даль приводит формы *застолье* и *застол* в значении ‘место за обеденным столом’: Гости сидели *по* застолью; В застолье скажешь, что знаешь. Последний пример не вполне совпадает с толкованием. Имеется в виду не место, а застольная беседа, беседа во время угощения.

В примере «Званые по-застолу, а незваные по-застолбу», приведенном в качестве иллюстрации к слову *застол*, также узнаем присутствие предлога *по-за*, несмотря на написание *по* через дефис, префиксальное написание обеих частей сложного предлога. Если бы Даль был последователен, то вслед за формой *застол* он должен был бы дать и форму *застолб*. *Застолб* в словаре отсутствует, следовательно, во второй части поговорки имеется *по-за* + *столб*, но тогда и первая часть имеет предлог *по-за*.

В диалектных материалах можно встретить редкие формы типа *сто́лье*, *ще́лье* (Арх., Даль), *бру́сье* ‘край нар’, *о́коньe* (форма, зафиксированная И. А. Крыловым. Вспомним его басню «Фортуна и нищий»: С истертою и ветхою сумой Бедняжка нищенький под оконьем таскался), *ло́бье*.[15]

Можно отметить и еще ряд слов с приставкой *за-* или *по-за*, которые в контексте обнаруживают деэтимологизированное присутствие реликтового предлога или ряд слов, чаще всего наречного типа, которые в словарях (мы в данной работе пользовались преимущественно Словарем Даля) не подтверждаются никаким иллюстративным материалом, так что создается впечатление, что они попали в список областных слов из другой языковой стихии и являются чужеродным телом, окаменелостью, свидетельствующей о далеком прошлом: Девки сидят по *заворотью* (Даль), ср. в литературном языке: Опять пошла с сестрами сидеть за воротами (Пушкин). Мы видим сочетание предлога *по-за* и глагола *сидеть* в предложении: *По-за* молодцами девушки сидят (Яросл., КСРНГ); Пташечки, воробушки, Летите, по *занёбышку* (Новг., 1903).

---

[15] Упоминание об этой форме находим в «Материалах по занимательной грамматике русского языка» А. Т. Арсирия и Г. М. Дмитриева (ч. 1. М., 1963, с. 164): «В некоторых наречиях как бы окаменели древние слова и формы. Так, наречие *исподлобья* образовалось от старинного, уже исчезнувшего существительного *лобье*».

Даль приводит только прилагательное *занебесный*: Занебесное пространство, находящееся за видимыми небесами, за сводом небесным. Не из числа ли «новообразований» продуктивной в прошлом веке модели это прилагательное? Но форма *небышко* зафиксирована в Картотеке СРНГ.

Даль приводит наречие *Позанебесью*, но не дает ни толкования, ни ясной иллюстрации. Статья выглядит так: «**Позанебесью** (нар.). Божьей вселенной конца нет». Хоть морфологический состав слова совершенно прозрачный, разорвать этот сплав, образованный по формуле «*по-за* + *-ьё*», Даль счел невозможным из-за неупотребительности формы именительного падежа и окостенелости самого контекста, почему вместо толкования дан сам контекст.

При статье **Заглазки** приводится сочетание «по заглазкам» — ‘заочно, за глаза’ (Олон., Архив РГО). То же значение имеют наречия *позаочь*, *позаочи*, *позаочью*, *позаочми* (Новг., Опыт Обл. сл., Даль). Расположение этих форм, вероятно, связано со степенью их употребительности в говоре. Самая редкая и самая, конечно, старая форма *позаочми* сохранила показатели двойственного числа, затем идет былинный (песенный) стереотип *позаочье*, далее следует по мере вхождения его в пласты обиходной речи упрощение: *позаочи* и, со стертым окончанием, *позаочь*.

В одной из приведенных по этому случаю пословиц сохранена и традиционная антиномия: В очи хвала, что позаочью хула.

Сохранено двойственное число в наречии *позаушми* — ‘надевать платок концами назад’ (Ярославский словарь, Мельниченко). Можно отметить последовательность в подаче наречий этого типа, связанную, по-видимому, со степенью окаменелости. Так, *позаглушью* — ‘в глуши, в глухом месте’ дано как наречие, а *позаречью* дано в статье **Позаречье** ‘заречье, место за рекою’. Иллюстрация не убеждает нас в последовательности такой подачи материала: Позаречью дрова рубят, а к нам щепа летит (О молве, о слухах). В таком контексте существительное должно бы входить в сочетание с предлогом — «в позаречье» или т. п., а мы сталкиваемся с наречием места — *позаречью*. Ср. существительное *позапечье* ‘место, проход между русской печью и стенами дома’ в предложении: В позапечье рукомойка стоит (КСРНГ, Арх., 1968). В связи с пространственным значением предлога *по-за* многие из числа этих редких наречий, имеющие этот предлог в своем составе, являются наречиями места.

По-закаменью (везде мы сохраняем орфографию собирателя) — ‘в полосе озера вдоль верхнего изрубья’.[16]

Позавинье, *позаовинье*, *позаовины* — ‘место за постройками деревни, за овинами’: Позаовинам пашол (Калуж., Второе доп.,

[16] И. Д. Кузнецов. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. Пгр., 1915.

1905—1921 гг.); позавыверьям — закоулками ходить' (Енис., 1865). То, что здесь имеется предлог *по-за*, видно из вариантов наречия: *позавыбылью*, *позавыберью* и т. д., где неизменно выступает предлог *по-за*; *по-запольком* 'по задам', наречие (Арх., Матвеев). Обозначения пространства и времени часто находят общие языковые выражения. При посредстве предлога *по-за* образованы не только наречия места, но и времени.

Позалонись, *позалони* — 'запрошлого, позапрошлого, или третьего года'.

Позалетось, вост. *позалетье*, пск. — 'позалонись, третьего лета, года'.

Позавчорынье, пск., твер., то же, что литературное *позавчера*.

Позавсе — 'повседневно, во всякое время (носить одежду)'. Этот кафтан еще за вылюдье сойдет, его жаль позавсе носить.

Позаранок, *позаранье* — 'ранее утро'; Приходи в позаранок. Любопытно, что Даль приводит все формы, последовательно отражающие все ступени окостенения словообразовательных элементов:

Ранок, юж., *ранье*, ряз., орл. — 'утро, раннее утро': А встану я в ранке, горелочка в склянке (песня).

Заранок, *заранье* — 'раннее утро': Соберитесь по заранку, спозаранку (следовало бы написать *по-за* ранку).

Позаранок, *позаранье*, *позаранки*, *позаранку*, *позараночки*: Приходи позараночками.

Из анализа рассматриваемого материала можно сделать предположение, что элементы предлога *по-за* в сочетании с существительными в дательном падеже потому так глухо и непоследовательно представлены в имеющихся у нас в распоряжении записях XIX—XX вв., что отражают не диалектную речь, а черты устно-поэтической речи, не свойственные системе грамматико-синтаксических отношений бытового диалектного языка. И песенно-былинный текст, пословицы и поговорки, фразеологичность или скованность, редкая употребляемость отдельных элементов, деэтимологизация некоторых форм — все это свидетельствует об особой речевой традиции, сохраняемой в диалектах.

В данном сообщении мы не останавливались на употреблении предлога *по-за* с творительным и винительным падежами. Нам кажется, что подобные наблюдения возможно делать лишь на материале отдельного диалекта при учете с возможной полнотой представленной системы грамматико-синтаксических отношений. Нам известны лишь две работы, где ставится этот вопрос, но решается он по-разному. В работе И. К. Зайцевой «Предлоги в языке русской народной песни» [17] рассматривается степень употребительности различных предлогов в песенном языке: «Чаще

[17] В кн.: Южнорусские говоры и памятники письменности. Воронеж, 1964, сс. 91—102.

встречаются в языке песен предлоги *по* в значении *за*, *по-за*, *промеж*, *с*, *серёд*, *супроти* и *супротив*, *скрость*».[18] Попутно сделаны наблюдения над употреблением этих предлогов в речи диалекта: «В разговорной речи с. Старая Тойда предлог *по-за* не употребляется. Обиходно-бытовая речь жителей с. Шестаково дает примеры употребления предлога *по-за*: *Па-за* вышняком посеяла» (с. 100). Автор делает вывод: «Диалекту, окруженному другими русскими диалектами, может быть чужд предлог песенной речи, типичный для украинских говоров (см. наличие предлога *по-за* в песне и отсутствие его в говоре с. Старой Тойды); этот же предлог употребителен в говорах, граничащих с украинскими» (с. 100).

Ф. Л. Скитова в статье «Двойные предлоги и словосочетания с ними в говорах Пермской области» [19] ставит задачу «выявить имеющиеся в пермских говорах двойные предлоги и типы словосочетаний с ними, определить грамматическую структуру словосочетаний и систему отношений, выражаемых ими» (с. 13). Автор отмечает крайне редкое употребление двойных областных предлогов в говорах: « . . . можно работать в деревне неделю и не услышать ни одного примера с областным двойным предлогом» (с. 15). На этом основании один из выводов автора гласит: «Двойные предлоги и конструкции с ними — явление относительно новое, развивающееся» (с. 24). То же читаем относительно предлога *по-за*: «Предлог в системе русского языка — явление новое, молодое». Н. И. Букатевич, не обнаружив его в старейших русских памятниках, отметил в сочинениях протопопа Аввакума (XVII в.): «батюшко *по-за* воротами охочь. Знаю я ево». В пермских говорах словосочетания с этим предлогом проходят путь от конструкций с пространственным значением до конструкций временных» (с. 21). Мы не будем оспаривать вывода о том, что это явление «молодое и развивающееся», поскольку специально этим вопросом — употреблением предлога *по-за* в пермских говорах — не занимались. Однако то, что ни Н. И. Букатевич, ни Ф. Л. Скитова не привлекали фольклорного материала и пришли к выводам, столь отличным от результатов анализа устно-поэтической речевой стихии, это еще раз подтверждает существование в диалекте двух различных грамматико-синтаксических систем, которые находятся в тесном взаимодействии. При работе над областными словарями необходимо считаться с этим фактом и по возможности стараться разграничивать явления, связанные с устной поэтической языковой традицией и речью повседневного общения.

---

[18] Там же, с. 100.

[19] Уч. зап. Перм. гос. унив., т. XVI, вып. 1, 1960, сс. 13—28.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА

Словообразовательные типы глаголов с приставкой *при-* в русских народных говорах[1]

Словообразовательный тип глаголов характеризуется тремя основными свойствами: 1) наличием общего словообразовательного форманта; 2) общностью семантического отношения производящей (мотивирующей) и производной (мотивированной) основ; 3) общностью отнесения к определенной части речи.[2] При характеристике словообразовательных типов в диалектах необходимо учитывать также дифференциальные признаки (фонетического, морфологического и семантического характера), которые обусловливают диалектный характер слова.[3] Т. е. диалектный словообразовательный глагольный тип — это ряд производных глаголов, объединенных общностью лексико-морфологических признаков, общностью семантического отношения между производящей (мотивирующей) и производной (мотивированной) основами, общностью словообразовательного форманта, а также наличием дифференциальных признаков, обусловливающих диалектный характер слова. Так, например, глаголам *батýрить* ‘тащить’ (Симб., Ряз.) и *прибатýрить* ‘притащить’ (Симб.), *бóтать* ‘идти, тяжело ступая’ (Тул.) и *прибóтать* ‘прийти, тяжело ступая’ (Тул.), *гры́мать* ‘идти еле-еле’ (Тул.) и *пригры́мать* ‘прийти с трудом, еле-еле’ (Тул.) свойственны одни и те же лексико-морфологические признаки, семантическое отношение между производящей (мотивирующей) и производной основами, формальный момент, на этом основании их можно отнести к одному и тому же словообразовательному типу.

---

[1] В статье использованы материалы Картотеки Словаря русских народных говоров и диалектные материалы общей Картотеки Словаря русского языка.

[2] Грамматика современного русского языка. М., 1970, с. 39.

[3] См. статью: О. М. Соколов. К методике изучения особенностей глагольного словопроизводства. — Лингв. сб. Томский гос. унив. Томск, 1962, с. 67.

Общность семантических и формальных отношений между соотносительными словообразовательными парами позволяет выделить следующие словообразовательные типы глаголов с приставкой *при-*.

I тип. Глаголы со значением перемещения в результате действия, выраженного производящей основой

К этому словообразовательному типу следует отнести целый ряд глаголов движения. Глагол *бежа́ть* в русских говорах, кроме значения ‘быстро двигаться’, имеет также значение ‘ехать’ (Амур., Тобол., Пск., Вост. Сиб., Перм., Челяб., Терск.), *прибе́жать* — ‘приехать куда-либо’ (Байкал., Том.).

Одно из значений многозначного глагола *бо́тать* ‘идти, тяжело ступая’ (Тул.), *прибо́тать* ‘прийти, тяжело ступая’ (Тул.): Ну, приботали и сюды, а хто вас ждал тута! *Гры́мать* — одно из значений этого глагола в говорах ‘идти медленно, еле-еле’ (Тул.). *Пригры́мать* ‘прийти с трудом, еле-еле’ (Тул.). Глагол *ды́бать* одним из оттенков к значению имеет ‘ходить с трудом, неуверенно’ (Курск., Дон.). *Приды́бать* ‘прийти, добраться куда-либо с трудом’ (Смол.). Глагол *дыля́ть* ‘хромать, ковылять’ (Симб., Влад.), *придыля́ть* ‘прийти с трудом, хромая’ (Ульян.).

Перечень подобных глаголов можно было бы значительно увеличить: *клю́кать* ‘хромать’ (Пск., Твер.), *приклю́кать* ‘прийти, шатаясь (о пьяном)’ (Пск., Твер.); *лупе́нить* ‘быстро идти, бежать’ (Пск., Твер.), *прилупе́нить* ‘прибежать’ (Пск., Твер.). Столь же ярко основное типовое значение выражено в производных глаголах конкретного физического действия. Глагол *бату́рить* 1) ‘тащить, нести слишком много’ (Симб.); 2) ‘упрямиться, ломаться’ (Ряз.). *Прибату́рить* ‘притащить большую ношу’ (Симб.). *Буро́вить* — многозначный глагол. Соединяясь с приставкой *при-* в одном (из десяти) значений, а именно ‘нести, тащить что-либо тяжелое, с большим напряжением в большом количестве’ (Перм., Барнаул., Ср. Урал.), глагол приобретает значение ‘притащить что-либо большое, громоздкое’ (Иркут.). *Прива́рчить**[4] ‘принести, притащить’ (Ветл.) и др.

В глаголах движения и физического действия наиболее ярко и отчетливо находит выражение основное типовое значение.

В производящем ряду этого типа находятся также глаголы звучания. *Га́ркать* ‘звать, браниться’ и другие значения. *Прига́ркать* ‘подозвать криком’ (Вят.). *Гу́ркать* 1) ‘говорить’ (Новг., Олон., Новоросс.), 2) ‘кричать’ (Новг., Орл.). *Пригу́ркать* ‘подо-

---

[4] Знак (*) обозначает, что бесприставочная форма в наших материалах отсутствует.

звать, произнося «гуль-гуль»' (2. Доп.). *Приклúкнуть* 'подозвать' (Пск.) и др. Эти глаголы по своим значениям далеки от предыдущих, но тех и других объединяет общий признак обозначаемого ими действия, а именно: перемещение в непосредственную близость к кому-, чему-либо.

Достаточно четко значение этого словообразовательного типа (хотя и в переносном смысле) проявляется также в глаголах: *вернýть*, одно из значений которого 'склонять, побуждать' (Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР), *привернýть* 'приворожить': Его привернули к ней. *Приверстáть*** [5] 'захватить, присвоить' (Пск., Твер.). *Владáть* 1) 'иметь что-либо в своей собственности'; 2) 'держать в своей власти' (Перм., Арх., Вят. и мн. др.) и др. *Привладáть* 'захватить, присвоить' (Пск., Твер.). *Грáбздать* 1) 'сгребать (сено)' (Нижегор.); 2) 'резким, быстрым движением хватать, брать что-либо' (Курск., Твер.); 3) 'грабить' (Твер.). *Пригрáбздать* 'присвоить, захватить': Как тебе не стыдно, все приграбздал (Ветл.).

Интересно отметить, что некоторые из производных глаголов (например, *пригрáбздать*) обладают значением более широким и отвлеченным, нежели производящие основы.

В этот словообразовательный тип следует включить также такие глаголы, как *привёртывать*, *привернýть* 'заезжать мимоходом': Застигает его ночь, он привернул к постоялому двору (Перм., Новг.). *Приворáчивать*, *приворотúть* 'заходить, заезжать по пути': Божатка, привороти к нам! Приворачивай, ребята, к полковничку в гости. Тут кряду отемнело, до городу не близко, приворотили и Шиш, и купец, и парень на постоялый двор ночь перележать (Волог., Перм., Сев.-Двин., Костром., Арх., Тобол.).

Идея перемещения в непосредственную близость к кому-, чему-либо достаточно ясно передана в значении этих глаголов, хотя значение приставки несколько иное. В этих случаях приставка *при-*, обозначая направление действия, в то же время обозначает и отклонение (возможно, ненадолго) от основного направления действия. Это значение в русском литературном языке передается приставкой *за-*.

Ряд глаголов, включаемых в этот словообразовательный тип, обозначая направленность действия, перемещение кого-, чего-либо в непосредственную близость к кому-, чему-либо, обозначают также:

а) перемещение предмета с целью скрепления, укрепления, прилаживания или сдавливания, сжатия. Эти значения представляют собою оттенки к основному. *Приболтáть*** 'привязать кого-, что-либо к чему-нибудь, обматывая несколько раз бичевой'

---

[5] Знак (**) обозначает, что бесприставочная форма не соотносится по своим значениям с приставочной.

(Новг.). *Прибула́вить** ‘приколоть булавкой’ (Влад.). *Приверя́ть** ‘привязать веревкой’ (Вят.): Постой, милая жена, Приверею я тебя, Приверею, привяжу, Да отойду прочь — погляжу. Многозначный глагол *верста́ть*, соединяясь в одном из своих значений — ‘выравнивать, сравнивать’ (Барнаул., Том.) — с приставкой *при-*, получает значение ‘прибить, приделать что-либо к чему-нибудь’: Ты вот эту плаху приверстай хорошенько (Хабар.). *Привя́ть**** [6] ‘привязать’ (Вят.). *Ви́чить* ‘переплетать прутьями (изгородь)’ (Перм., Арх.). *Привя́чить* ‘привязать, прикрепить что-либо к чему-нибудь прутом’ (Арх.). Многозначный глагол *гоноши́ть* взаимодействует с приставкой в значении ‘делать что-либо быстро’. *Пригоноши́ть* ‘приделать что-либо некрепко, кое-как’ (Арх.);

б) глаголы, обозначающие перемещение предмета с целью приладить, подогнать что-либо к чему-нибудь. *Приряда́ть** ‘примерить, приладить’ (2. Доп.). *Пригоня́ть*** ‘приделывать, подгонять часть чего-либо к целому’: Купил колодку для рубанка, а после старую жилыку к ей пригнал (Мещов. Калуж.). *Прилаадня́ть** (литер. *приладить*): Здесь бы надобить приладнять паличку (Брян.). *Пришабрить* ‘приделать, подогнать вплотную что-либо к чему-нибудь’ (Урал.). Приведенные выше глаголы неоднородны по степени ясности выражения ими типового словообразовательного значения. В глаголах *пригоня́ть*, *приладня́ть* четко выявляется пространственное значение приставки и идея перемещения предмета. В глаголе *приряда́ть* словообразовательное значение несколько затемнено. Производные глаголы не имеют прямой соотнесенности с производящими, кроме *ша́брить* ‘подтачивать, скоблить’ (Холм. Арх.). *Пришабрить* ‘приделать, подогнать (вплотную)’ (Урал.);

в) глаголы, обозначающие перемещение предмета с целью сдавить, сжать кого-, что-либо. *Жа́мкнуть* ‘сдавить, сжать’ и другие значения (Вят., Пск., Олон., Перм. и мн. др.). *Прижамкнуть* ‘прижать’: Я так его прижамкнула, что он заорал на всю улицу (Яросл.). Одно из значений глагола *жу́лькнуть* ‘мять, давить, жать’. *Прижу́лькнуть* ‘придавить, прижать’ (Урал.).

Присоединение приставки *при-* к глаголу *лощи́ть* в значении ‘бить, колотить’ образует глагол *прилощи́ть* со значением ‘прибить, придавить (о траве, хлебных злаках)’ (Волог., Иркут.). *Приступи́ть**** ‘наступить, придавить ногой’: Кольцо брось на пол, оно и рассыплется на пять частей, одна частичка подкатится к тебе под ногу, а ты возьми и приступи (Новг.). *Чу́чкнуть* ‘ударить’ (Урал.). *Причу́чкнуть* ‘пригвоздить ударом’.

---

[6] Знак (***) обозначает, что бесприставочная форма с теми же значениями имеется и в литературном языке.

II тип. Глаголы, обозначающие действие, направленное из одного места в другое, с одного предмета на другой, с одной стороны на другую, через что-либо

*Прибира́ться** ‘перебираться’: Думаю куда-нибудь прибираться (Том.). *Приворо́чать* ‘переворочать’: Все чисто приворочает курка (Арх.). *Придава́ть* ‘передавать’ (Вят.). *Припра́вить* ‘переправить’: Приправил Чурилушка через Пучей-реку (Онеж.). *Приступи́ть* ‘переступить’ (Арх.).

В этих глаголах приставка *при-* сохраняет значение направленности действия. Но если в глаголах I словообразовательного типа это направление действия имело целью достижение близости, смежности с кем-, чем-либо, то в этих случаях приставка означает перемещение предмета из одного места в другое через предмет или пространство. Не во всех глаголах четко значение приставки. Так, например, в глаголе *приворо́чать* наряду со значением направления действия с одного предмета на другой, многоактностью действия достаточно ясно и значение результативности, свершенности действия. Нечеткость значения приставки ослабляет словообразовательный тип, содействует его непродуктивности.

Таким образом, в первых двух словообразовательных типах приставка вносит в глаголы в обобщенном виде идею направленности действия. Направленность действия, выражаемая через приближение, прибытие, присоединение, логически вытекает из идеи смежности, присущей предлогу *при-* (ср.: Он был в этот момент при нем).

Глагол *е́хать* означает протяженное действие, *прие́хать* — ‘приблизиться к чему-либо вплотную’. Но приближение не в смысле процесса, а как завершение действия. (Для выражения протяженности действия, как известно, служит приставка *под-*: Мы подъезжали к Ленинграду, но не: Мы приезжали к Ленинграду). Идея приближения с завершением действия где-либо стала, видимо, основой для формирования более отвлеченного значения приставки — оконченности, результативности действия, близкое по своей сути к видовому, но окончательно с ним не слившееся. В процессе взаимодействия приставки с производящими основами (особенно имеющими отвлеченное, а не конкретное значение), идея направленности действия, вносимая приставкой (конкретно: прибытие, приближение, присоединение), логически переходит в идею завершенности действия. Возникает новый словообразовательный тип, для которого характерно следующее семантическое отношение производящей и производной основ: действие → окончание этого действия.

III тип. Глаголы со значением осуществления действия, выраженного производящей основой (часто с оттенками различной степени интенсивности действия)

Ба́нтить ‘украшать бантами’ (Яросл., Костром.). *Приба́нтиться* ‘украситься бантами’ (Кашин. Твер.). *Прибежа́ться** ‘устать от бега’. С глаголом *бели́ть* приставка *при-* взаимодействует в значении ‘сделать что-либо белым’ (Перм., Барнаул.). *Прибели́ть* ‘убрать, навести порядок’ (Пск., Осташк. Твер.). *Приберега́ть** ‘успокаивать’ (Пск.). *Приброди́ться*** ‘устать от долгих скитаний’ (Печора). *Прибры́згаться**** ‘забрызгаться’: Люська вся прибрызгалась (Том.). *Булга́титься* ‘шуметь, буянить’ (Осташк. Твер., Пск.). *Прибулга́титься* ‘затихнуть’: На ночь прибулгатился (Осташк. Твер.). *Привари́ть**** ‘сварить’: Пива нет, ты девка не приварила (Пск.). *Приви́ть**** ‘завить (волосы)’ (Арх.). *Приго́рнуть*** ‘закрыть’ (Дон.). *Приглуши́ть**** ‘прикрыть (самовар) крышкою, чтобы он заглох’ (Моск., Влад.). *Пригни́ть* ‘сгнить’: Где гробы? Пригнили (Астрах.). *Гоши́ть* ‘готовить’ (Твер., Яросл.). *Пригоши́ть* ‘приготовить’: Пригошила обедать (Пск.). *Пригры́зть**** ‘сгрызть’: Твоя охвота (звери) уж двери пригрызла, за третьи принялась (Онеж., Арх.). *Густи́ть* ‘замешивать тесто’ (Волог.) и др. *Пригусти́ть* ‘замешать тесто’: Не тронь, не меси, собака, квашню! Мамка сама пригустит ее (Перм., Том.). Глагол *гада́ть* в значении, известном литературному языку, соединяясь в говорах с приставкой *при-*, приобретает значение ‘придумать’: Вы придумайте мне думку, пригадайте (Зап. Брян., Смол., Ленингр.). Литературный глагол *гляде́ть* с приставкой *при-* в говорах имеет значение ‘осмотреть’: Пригляди в байне ‘осмотри’ (Олон.). *Гру́бнуть* ‘твердеть’ (Иркут.). *Пригру́бнуть* ‘затвердеть’: Вымя у коровы пригрубло (Рост. Яросл.). Одно из значений глагола *гу́нуть* — ‘говорить, рассказывать, болтать’ (Арх., Новг.). *Пригу́нуть* ‘умолкнуть’ (Холмогор. Арх.). Значение приставки (оконченность действия) в данном глаголе проявляется особенно ярко.

Перечень глаголов, входящих в этот словообразовательный тип, можно было бы значительно продолжить (*присе́ять*, *прилюби́ть*, *прилюби́ться*, *припеча́лить*, *примрачи́ть*, *присрами́ть*, *пристрада́ть* и т. д.). Лексические признаки их очень разнообразны. Взаимодействие производящих основ со значением приставки рождает дифференциацию общего значения этого словообразовательного типа. Становится возможным выделение оттенков основного типового значения.

а) Глаголы со значением ‘причинить вред, оказать воздействие (чаще отрицательное) на кого-, что-либо’. Литературные гла-

голы *бесче́стить*, *бить*, *боро́ться*, *ездить*, *балова́ть*, соединяясь в говорах с *при-*, получают значения: *прибесче́стить* ‘опозорить, обесчестить’ (Арх.); *приби́ть* ‘утомить, измучить’: Прибил он меня совсем на работе-то эвтой. Робил весь день без отдыху, так и прибило всего (Арх.). Многозначный глагол *би́ться* в говорах и в литературном языке имеет значения: 1) ‘ударяться обо что-либо’; 2) ‘прилагать усилия, трудиться через силу, добиваться чего-либо’. Приставочный глагол *приби́ться* означает ‘устать, выбиться из сил’: Он сегодня весь прибился (Арх., Новг.). *Приборо́ться* ‘устать от борьбы’. *Прибало́вать* ‘избаловать’: Она сама его прибаловала, говорила — маленький, а вырос вот, теперь что делать будешь? (Моск.). *Прие́здить* ‘продолжительною ездою измучить, загнать коня’: Коня приездил (Вят.). *Прибы́тить*** ‘заставить привыкнуть к кому-, чему-либо’. *Вели́ть* ‘велеть, приказать’ (Усьян.-Дмитр. Сев.-Двин.). *Привели́ть* ‘приневолить, заставить’ (Амур.). *Привини́ть*** ‘обязать, заставить’. *Грусти́ть* ‘грозить’ (Курск., Дон.). *Пригрусти́ть* ‘пригрозить’ (Курск.). Многозначный диалектный глагол *досажда́ться* соединяется с приставкой *при-* в значении ‘надрываться, повреждать себе внутренние органы чрезмерным усилием, напряжением’ (Арх.). *Придосажда́ться* ‘изранить себя’: Весь в лесах придосаждался, так храпел, так храпел (Онеж. КАССР). *Придуба́сить** ‘прибить, отколотить’ (Пск., Твер.). *Придра́ться*** ‘изодраться’ (Том.). *Прижёчься** ‘сильно обжечься’: Сняли с печи, а он весь прижегши, весь в пузырях (Арх.). Одно из значений глагола *зо́рить* — ‘смотреть, видеть’ (Яросл., Калин., Пудож. Олон., Амур., Урал., Ветл., Костром.). *Призо́рить* ‘сглазить кого-либо, испортить’ (Волог.). *Приложа́ться** ‘сломаться’: Тут эта мачта приломалась (Север.). Одно из значений глагола *пя́лить* ‘побуждать’ (Покров. Влад.). *Припя́лить* ‘заставить, принудить’: Я тебя припялю читать книги (Калуж.). *Прируга́ть** ‘изругать’ (Арх.). *Си́ловать* ‘неволить, принуждать’ (Обоян. Курск.). *Приси́ловать* ‘принудить, приневолить’ (Курск.). *Присрами́ть** ‘осрамить’: Присрамила она Хотена, в бесчестьицо ввела, Называла Вороною погумённою (Онеж.). *Пристраши́ть** ‘устрашить’ (Урал.). *Пристру́чить** ‘заставить согласиться с чем-либо, запугать кого-либо’ (Яросл.). *Притоми́ть*** ‘утомить’ (Волог.).

б) Глаголы со значением ‘уничтожить кого-, что-либо’. Этот оттенок является логическим развитием предыдущего. Литературный многозначный глагол *бить*, соединяясь в говорах с приставкой *при-*, приобретает значение ‘убить кого-либо’. *Исто́жить* ‘издержать, истратить’ (Казан., Уржум. Вят., Влад., Сарат.). Присоединение приставки *при-* акцентирует внимание на значении ‘уничтожить’. Глагол *приисто́жить* употребляется уже только для обозначения полного уничтожения кого-, чего-либо (Вят.). То же самое наблюдается и в приведенных ниже глаголах. *Карна́ть* ‘обрезать, стричь, обрубать’ (Новг., Моск., Арх., Перм.,

Олон., Яросл., Свердл., Нижегор.). *Прикарна́ть* ‘погубить, извести’: Щука всех приест, прикарнает (Черепов. Новг.). *Кокóшить* ‘бить кулаком, колотить’ (Шуйск., Влад., Киров.). *Прикокóшить* ‘убить, лишить жизни’ (Влад., Терск., Кубан.). *Колону́ть* ‘ударить, стукнуть’ (Арх., Перм., Оренб., Новг., Урал., Вят., Яросл., Пенз.). *Приколону́ть* ‘убить’ (Волог.).

в) Глаголы со значением ‘получить, приобрести, удержать, сделать и т. д. что-либо в интересах деятеля или объекта действия’. *Приберега́ть, приберéгивать*** ‘сберегать что-либо’ (Опоч. Пск.). *Приблюда́ть** ‘сохранять, сберегать’ (Смол.). *Привенча́ть** ‘усыновлять детей, рожденных до брака’ (Великолукск. Пск.). *Пригнезжа́ть** ‘давать приют’ (Том.). Одно из значений глагола *гбить* — ‘беречь, охранять’ (Зап., Сев.-Двин.). *Пригóбить* ‘приберечь что-либо, сохранить’ (Сев.-Двин.). *Дбать* ‘копить, собирать, приобретать’ (Курск., Дон., Смол., Зап., Орл.). *Придба́ть* ‘запасти, заготовить’: Матушка для дочки придбала много добра (Дон., Курск.).

г) Большая группа глаголов имеет значение ‘приспособиться к совершению действия, приобрести навык, свыкнуться с кем-, чем-либо’. Этот оттенок логически связан с предыдущим. Значение производящих глаголов, включенных нами в эти рубрики (в. и г.), можно было бы объединить под обобщающим определением ‘действием производящей основы получить, приобрести что-либо’. Однако производные глаголов различны по своим грамматическим и синтаксическим признакам. Первые — в основном переходные, для них характерны словосочетания с винительным падежом. Вторые же представляют собой в основном возвратные глаголы, образованные комбинированным префиксально-суффиксальным способом, для них характерно сочетание с дательным и творительным падежом. *Приборка́ться** ‘примениться, приспособиться, привыкнуть’ (Касим. Ряз.). *Ва́диться* 1) ‘привыкать’ (Курск., Влад., Волог.), 2) ‘собираться, готовиться сделать что-либо’ (Волог.). *Прива́диться* ‘привыкнуть’ (Арх.). *Приве́рзиться*** ‘приспособиться’: Мы, наконец, приверзились к условиям работы (Иван.) *Пригалта́ться** ‘освоиться, привыкнуть’: Мы уже пригалтались к ним за праздники. *Признако́миться**** ‘ознакомиться, привыкнуть’ (Вят.). *Приве́риться** ‘приспособиться’: Мы, наконец, приверились к условиям работы (Шуйск. Влад.). *Приве́ситься* ** ‘примениться, освоиться’ (Сиб.). *Приве́ститься** ‘приноровиться’.

д) Глаголы, производящие основы которых обозначают ‘свершение действия неясного, кажущегося, неожиданного, связанного в основном с психо-физическим состоянием субъекта’. Это в основном безличные глаголы. *Блазни́ться* ‘казаться, мерещиться’ (Барнаул., Волог., Тул.). *Приблазни́ться* ‘померещиться’ (Моск.). *Бре́диться* ‘сниться, грезиться’ (Якут., Влад.). *Прибре́диться* ‘присниться, пригрезиться’ (Влад.). *Ве́рзиться* одно

из значений этого глагола ‘мерещиться’ (Пск., Арх.). *Привéрзиться* ‘померещиться’ (Новг.). *Видáться* ‘быть видимым, виднеться’ (Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР). *Привидáться* ‘показаться’ (Влад., Яросл., Новг. и мн. др.). *Приводúться*** ‘случиться’ (Вят., Кем. Арх.). *Привласúться** ‘пригрезиться’. *Гля́нуться* ‘казаться, чудиться’ (Волог.). *Пригля́нуться* ‘привидеться, показаться’ (Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Йыгев., Тарт. Эст. ССР). *Прúдавáться*** ‘показаться’: Это мне придалось (Пск.).

е) Довольно большое число глаголов этого словообразовательного типа в результате взаимодействия со значением приставки приобретает дополнительно к основному значению результативности оттенок распространения действия на многие объекты. Оттенок тесно связан с типовым значением, не отчленен от него. Для многих глаголов он недостаточно ясен и четок. В ряде случаев решающую роль в выявлении оттенка играет контекст. Многозначный глагол *бить* в числе других имеет в говорах значение ‘убивать’ (Брян.). Приставочный коррелят к нему *прибúть* в диалектах имеет два значения: 1) ‘полной исчерпанности, законченности действия’ — *убить* (Томск.), а также 2) ‘перебить’: Да прибил он припленил всех татар до единого (Онеж.); Детей прибили на войне (Том.); Стонет Трофим: ничего не получил, ложки, чашки прибил, чем расплачиваться-то стану (Яросл.). Литературный глагол *горéть* в говорах соединяется с приставкой *при-* и приобретает значение ‘сгореть всему ряду предметов’: Все пригорело, ни одного шубного лоскута не осталось (Влад.). Глагол *давúть* одним из значений и в литературном языке и в говорах имеет ‘уничтожать’. *Придавúть* значит в определенных контекстах также и ‘передавить’: Волк всю скотину придавил (Арх). То же самое в глаголе *придéлать*: Все дела у ней приделаны, т. е. переделаны (Север.); *приломáть*, *прирвáть*: Обернулся хозяин медведем, пришли они во двор, приломали они всех лошадей, зашли они в хлев, прирвали они всех коров (Олон.) и т. д.

В значениях глаголов описываемого словообразовательного типа наблюдаются также оттенки, которые не представляют собой качественных отличий от основного словообразовательного значения. Это оттенки особой интенсивности действия, исчерпанности его. В зависимости от значений производящих основ приставка, которая потенциально содержит в себе подобные оттенки основного значения (результативности), либо обнаруживает их, либо нет. Чаще оттенок особой исчерпанности действия приобретают при соединении с приставкой *при-* те глаголы, которые обозначают действия, процессы, осуществление которых может уничтожить кого-, что-либо, причинить вред кому-, чему-либо. Наличие «количественных», а также выделенных нами «качественных» оттенков к основному словообразовательному значению глаголов этого типа свидетельствует о некотором расслоении его. Однако основ-

ное семантическое ядро сохраняется. Идея законченности, завершенности действия отчетливо видна во всех глаголах. Она поддерживается грамматическим значением совершенного вида. Фактически нет ограничений для расширения круга глаголов данного словообразовательного типа.

Отношения между производящими и производными глаголами этого словообразовательного типа намного сложнее, чем в I и II словообразовательных типах. Отсутствуют бесприставочные формы. Глаголы этого типа очень разнородны по своим лексическим признакам, поэтому присоединение приставки со столь широким по своему объему значением, как результативность, приводит к разного рода семантическим наслоениям.

Значения многих приставочных глаголов шире, абстрактнее, нежели значения производящих основ. Ряд глаголов взаимодействует с приставкою лишь в одном из своих значений. Производящие глаголы объединяют в своем ряду глаголы как совершенного, так и несовершенного вида, при этом многие из них возвратные.

Производные глаголы часто имеют двойную глагольно-именную словообразовательную отнесенность (например, *прибели́ть—бели́ть* и *бе́лый*, *приба́нтиться—ба́нтить* и *бант* и др.). Описанный словообразовательный тип представляет собою не только многочисленный, но и активный, сильный тип.

IV тип. Глаголы со значением совершения неполностью действия, выраженного производящей основой

Производящие глаголы этого типа в лексическом отношении разнородны. Среди них имеется большая группа глаголов, обозначающих физические действия, глаголов, обозначающих психические явления, чувственные восприятия и т. д. Словообразовательное значение тесно связано с значениями I и III типов. В первом случае значение действия, совершенного неполностью, опирается на идею приближения к кому-, чему-либо, близости вообще. Это наблюдается больше у глаголов, обозначающих конкретные действия. *Бо́чить* ‘наклонять набок’ (Костром., Нижегор.). *Прибо́чить* ‘наклонив, приблизив (какой-либо сосуд), попробовать, пригубить’: Ах! пивцо, как суслецо, чашечку прибочить, В уста намочить (Сольвыч. Волог.). *Га́рнуть* 1) ‘кинуть, бросить’ (Арх.); 2) ‘сильно, звучно ударить’ (Олон.). *Пригá́рнуть* ‘приласкать, слегка прижав к себе’: Он пригарнул его (ребенка) к себе и крепко поцеловал (Зап. Брян.). *Прикурну́ться** ‘прилечь’: Прикурнулся на лавку и уснул (Перм.). *То́ркнуться* ‘постучать в дверь; ударить во что-либо’. (Свердл., Вят.). *Прито́ркнуться* ‘дотронуться’: До стены приторкнуться нельзя (Север.). *Притýжить*** ‘подкрепить, стянуть (солому на кровле)’ (Олон., Курск.) и др. Для глаголов, обозначающих более отвлеченное дей-

ствие, характерна связь в их типовом значении с III словообразовательным типом. Эти глаголы в своем словообразовательном значении совмещают идею окончания действия и вместе с тем неполноты действия. *Блéкнуть* ‘увядать’ (Краснояр., Сев.-Двин.). *Приблéкнуть* ‘призавять’, т. е. не полностью завянуть, а лишь отчасти: Приблéк мой зеленый садочек (Север.). Как бы для поддержки значения неполноты действия многие глаголы имеют при себе наречия *немного, отчасти, лишь*, существительные с уменьшительными суффиксами и т. д.: Пригнуться на часинку, т. е. поспать немного. (Пск., Твер.); Хотел проголосовать первым, да, кажется, немножко припоздал (Пск.); Крошечку так пристыло (Волог.).

Более четкое типовое словообразовательное значение можно наблюдать у глаголов, образованных префиксально-суффиксальным способом и имеющих в своем составе суффикс *-ы(и)ва-*. *Приаýкивать** ‘аукать временами’ (Мещов. Калуж.). *Прижáливать** ‘иногда жалеть’ (2. Доп.). *Прикондыривать*** ‘быть отчасти сторонником раскола’ (Перм.). *Прикóркивать*** ‘немного картавить’ (Влад.). *Тя́пать* ‘косить’ (Волог.). *Притя́пывать* ‘скашивать слегка косою траву’ (Влад.) и мн. др. (*прибабýлькивать, прибатýривать, прибаýкивать, прибаýтничать, пригагýдничать, прибáсывать, пригнýгнивать* и т. д.).

Словообразовательное значение этого типа не оформилось достаточно четко. Оно колеблется. Реализация его зависит от семантики производящих основ, а зачастую и от контекста (ср. *пригорéть* ‘сгореть всему’ и *пригорéть* ‘слегка, отчасти подгореть’).

V тип. Глаголы со значением ‘произвести, совершить добавочное действие’

Тип немногочисленный. Словообразовательное значение выражено достаточно четко. Обнаруживает тесную связь с III типом, так как во многих глаголах ощущается не только добавочное, но и законченное действие. *Приáрывать* ‘припахивать пашни’ (Сев.-Двин.). *Прибадя́жить** ‘добавить, присоединить’ (Пенз.). *Балáндать* ‘мутить, взбалтывать’ (Костром.). *Прибалáндывать* ‘прибавлять муки к тесту’ (Костром.). *Прибáлтывать* ‘добавлять что-либо к сказанному’: Приболтни-ка ты свое словечко. *Бóлить* ‘становиться больше, увеличиваться’ (Орл., Тул., Курск.). *Прибóлить* ‘увеличить в числе, количестве что-либо’ (Смол.). *Приболтáть*** ‘добавить ниток к мотку’ (Смол.). *Будовáть* ‘строить’ (Зап., Южн.). *Прибудовáть* ‘пристроить что- к чему-либо’ (Смол.). То же самое *прибудынить* (Смол.). *Пригáтить*** ‘увеличить пруд, отнести плотину ниже’ (Даль). *Приглубля́ть** ‘делать глубже’ (Даль). *Приголовúть***

'прибавить к старому пиву «новый развод»' (Твер.). *Густи́ть* 1) 'замешивать тесто' (Волог.), 2) 'пьянствовать' (Дон.), 3) 'ставить часто и густо' (Урал.). *Пригусти́ть* 'добавить в тесто муки' (Смирнов, Сб. великорус. сказок).

VI тип. Глаголы со значением начала действия

Тип, насчитывающий в своем составе всего несколько глаголов. Словообразовательное значение ряда из них расплывчато. Тип несильный. *Прибуди́ть* 'разбудить'. Основа производящего глагола имеется в том же значении в литературном языке: Ты ударь-ко большой колокол: прибуди маво батюшку (Калуж.). *Бухте́рить* 'курить'. *Прибухте́рить*, *прибухте́ривать* 'прикурить, прикуривать' (Ветл., Костром.). *Прививáться** 'загораться, разгораться': Вон и свата Петра дом-от начинает прививаться (Волог.). *Ве́дрить* 'становиться ясным' (Пск., Твер.). *Приведривать* 'становиться хорошей (о погоде)' (Том.). *Придста́ть** 'начать': Стал на меня враг нападать, со всех сторон сети накинать. Придстал мене из раю выгонять (Ворон.). *Приду́ть*** 'раздуть': Мне завтра придуть огонек (Орл.). *Прикури́ть*** 1) 'затопить печку', 2) 'закурить' (Смол.). *Примаячивать*** 'показываться' (Астрах.). *Припра́вить* *** 'начать, приняться': Вот, к примеру, в зимние вечера, перед ночлегом, летают над городом стаи ворон. Ребята и приправят кричать: — У задней-то вороны пуля горит (Арх.). *Причина́ть** 'начинать' (Тамб., Вят.).

Мы рассмотрели словообразовательные типы глаголов с приставкой *при-*. Специфическим признаком их является тесная взаимозависимость. Эта зависимость объясняется очень часто наличием общего словообразовательного форманта.

Как мы видим, значение словообразовательного типа основывается на семантическом отношении между рядом производящих глаголов и данным словообразовательным формантом. Поскольку последний многозначен, различные производящие основы «выбирают» соответствующий их семантике смысловой элемент [7] в его обобщенном виде. Так, для I и II словообразовательных типов этим обобщенным смысловым элементом приставки можно считать направление действия; для III словообразовательного типа — законченность действия, перекликающуюся со значением совершенного вида; для IV словообразовательного типа — неполнота действия; для V словообразовательного типа — добавочность действия, и, наконец, для VI словообразовательного типа — начало действия. Их мы и можем считать типовыми значениями приставки *при-* в русских народных говорах.

---

[7] Б. Н. Головин. Словообразовательные типы глаголов с приставкой *за-*. — Уч. зап. Горьк. гос. унив., вып. 68, 1964, с. 48.

И. А. ПОПОВ

Диалектологическая экспедиция на п-ов Заонежье

Картотека Словаря русских народных говоров беспрерывно пополняется свежими материалами, собранными в последние годы в разных местах нашей обширной страны. Эти сведения присылаются многими любителями народного русского слова, добровольными корреспондентами словаря.

С 1970 г. стало проводиться и экспедиционное изучение говоров с целью увеличения количества свежих материалов в Картотеке Словаря. Первая такая экспедиция была предпринята в июле 1970 г. в Медвежьегорский район Карельской АССР, в населенные пункты Космозеро, Комлево, Великая Губа Великогубского сельсовета, Житницы, Никитинское, Рим, Ровгачевское, Кузаранда, Толвуя Толвуйского сельсовета, расположенные на п-ве Заонежье. В экспедиции приняли участие сотрудница ЛО Института языкознания АН СССР Н. А. Романова, группа студентов Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена (А. И. Баринштейн, М. М. Баст, В. Г. Дроздов, Н. С. Мурашова, Н. А. Промисан, Ф. М. Прудникова, З. Г. Шилова) и автор статьи. Были сделаны записи, в том числе магнитофонные (3000 м ленты), от 53 информантов, носителей традиционного говора. Собранные материалы после их обработки, расписывания, проводившихся в основном на месте, дали около 7000 словарных карточек. В рамках небольшой статьи информационного характера нет возможности дать всесторонний анализ собранных сведений. Поэтому коснемся лишь некоторых вопросов.

1. Тематические группы лексики. При собирании сведений использовалось «Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка» (М., 1960), а также отмечалась та лексика, которая попадала в поле зрения собирателей случайно при разных обстоятельствах. Все это привело к большому тематическому разнообразию собранных словарных материалов. В них представлены разные названия,

касающиеся человека, семьи, обычаев и обрядов, производственной деятельности — ремесел, промыслов, полеводства, огородничества, животноводства и т. д., строительства разного рода построек, их частей, орудий труда, средств передвижения, природы, животного мира, пищи, одежды, обуви и т. п.

Так как сведения по всем этим группам весьма обширны, иллюстрируем сказанное лишь некоторыми примерами названий лодок, их частей, отдельных операций постройки лодок, характерных для этого озерного края. Лодки здесь издавна были и средством передвижения, и использовались при рыбной ловле. Они являются неотъемлемой частью прибрежного пейзажа.

Наряду с общерусскими названиями *лодка*, *челнок* 'небольшая лодка', которые, особенно первое, широко употребляются в речи, отмечены в прибрежных селах Великая Губа и Космозеро такие диалектные названия: *кижана*, *кижанка*, *ушуйка*, *маточная лодка*.

Кижа́на (кижа́нка) — 'большая многоместная лодка с высокими бортами'. Название получила от названия населенного пункта Кижи, где такие лодки делали: Лодка кижана делалась в Кижах (Великая Губа).

Ушу́йка — 'маленькая лодка': Челнок маленькая лодка, ушуйка — еще меньше лодки (Великая Губа).

Ма́точная ло́дка — 'большая лодка с отделением, наполняемым водой, в котором сохраняли живую рыбу во время лова': Маточна лодка, в ней воду держали (Великая губа).

О постройке лодки здесь говорят: надо *шить* (или *сшить*) лодку: Нужна лодка, говорят сшей мне лодку; Здесь шьют лодки; Кто у нас шьет лодки (Великая Губа).

Доски, служащие бортами, не прибивают, а *нашивают*: Нашивают на матицу доски (Великая Губа). *Ма́тицей* называют узкое основание килевой лодки, к которому прикрепляется нижняя часть бортов: Матица — основа лодки, дно. Оно узкое. К этой матице потом приколачивают набой (Великая Губа). Таким образом, *набо́ем* здесь называют доски, служащие бортами лодки.

Мелкая лодка при сильном волнении может захлестываться волнами. Чтобы этого не было, поверх ее бортов прибивают еще доски, и эта надставленная часть называется *на́швы*: Нашвы — часть лодки. Когда лодка мелковата кажется, нашивают нашвы (Великая Губа). Крепления, удерживающие борта лодки, называются *кокóра* и *упру́га*: Кокора бывает носовая и кормовая. Кокора иначе называем упруга (Великая Губа). Стержень деревянный, около которого вращается весло (род уключины) имеет название *па́лец*, а сделанное из ветки, прута колечко, удерживающее весло у пальца, — *ви́ца*: К этому пальцу приспосабливали вицу (Великая Губа).

Приведенные примеры дают представление о характере собранных материалов. Будучи разнообразными по содержанию, эти

сведения позволяют судить о некоторых особенностях лексико-семантической структуры диалектных слов в изучаемых говорах.

2. Лексико-семантическая структура слова. В собранных материалах обращает на себя внимание однозначность большей части слов. Хотя собранные материалы и не являются исчерпывающими, тем не менее они отражают реальные лексико-семантические отношения в говорах. Многозначность четко определилась лишь у небольшой группы слов, например у глаголов *полагать*, *выстать*, *пасть* и ряда других.

Полага́ть — 1) ‘Помещать, класть куда-либо, располагать где-либо’: На дровни полагали кубачи, завяжут крепко и полагают на дровни (Великая Губа); Вместо простыни полагали одеяло (Космозеро). ||‘Закладывать что-либо куда-либо’: В середку мох полагали — между бревнами (Космозеро); Полагали мох в это место (Великая Губа). ||‘Складывать, убирать’: Домой сено возили, так это в сарай полагали (Космозеро). ||‘Метать (стог)’: Высохнет овес, и в стога полагали (Космозеро). ||‘Наливать, накладывать (пищу)’: Суп себе отдельной полагали (Космозеро).

2) ‘Вставлять (рамы)’: Потом зимой вторые полагаю еще рамы (Космозеро).

В устойчивом сочетании *полага́ть заве́т* — ‘читать заговор (в день первого выгона скота весной)’: (Пастухи) завет полагали да все (Космозеро).

Вы́стать — 1) ‘Встать, пробуждаясь от сна, проснуться’: Утром выстанут да спустят на пастбище (коров); Я это утром выстала (Космозеро).

2) ‘Взойти, подняться (о солнце)’: Солнце выстало (Космозеро).

3) ‘Вырасти (о растениях)’: Осенью сеют, а весной она выстанет вся (Космозеро).

В собранных материалах широко представлены семантические и лексические диалектизмы разных видов. Среди лексических диалектизмов преобладают слова, образовавшиеся от общерусских корней. Различия с лексикой литературного языка идут главным образом по линии разного словообразовательного инвентаря (приставок и суффиксов, присоединяемых к общенародному корню, ср. *обра́ть* ‘убрать, снять’; *зду́мать* ‘вздумать’; *спо́ртиться* ‘испортиться’; *кладова́ть* ‘класть’ и др. (Космозеро).

Большая группа лексики с общенародным корнем имеет не только словообразовательные, но и семантические отличия от слов литературного языка, например: *ды́баться* ‘прогибаться под тяжестью (о болоте)’; *сдержа́ться* ‘истрепаться, износиться’; *спаха́ть* ‘смести, подмести’; *опиха́ть* ‘истолочь (ячмень, овес) в ступе’ (Космозеро).

3. Диалектная общность и различия, отраженные в лексике. Сравнение материалов, собранных в разных населенных пунктах в пределах сравнительно небольшой обследованной территории позволило распределить их по двум

основным группам: 1) слова, отмеченные в ряде населенных пунктов, т. е. имеющие определенный ареал в пределах обследованной территории, и 2) слова, имеющие диалектные различия в пределах этой небольшой территории: а) в семантике, б) в фонетической оболочке и словообразовательной структуре, в) в ударении, г) в выражении одного понятия разными словами.

Примером слов, имеющих определенный ареал, могут быть *жга́ть* ‘жечь’ (Комлево, Космозеро); *дельни́цы* ‘рукавицы с одним пальцем’ (Полежаево, Космозеро); *досю́льный (досю́льний)* ‘прежний, давнишний’ (Великая Губа, Космозеро, Толвуя); *езд* ‘наклонный деревянный въезд в сарай’ (Угол, Космозеро); *носови́к* ‘глиняный горшок с носиком для сбивания масла’ (Великая Губа, Рим); *подушка* ‘подоконник’ (Толвуя, Космозеро); *стбйка* ‘коса с длинной ручкой’ (Комлево, Космозеро, Полежаево) и др.

В то же время на небольшой территории двух названных сельсоветов ряд слов употребляется в разных значениях. *Лу́да*, например, в д. Рим обозначает ‘остров на озере’: Идна луда лесом поросла, а идна нет, потому что камень там. В Космозере *лу́да* — ‘мелкое место с каменистым дном’. Отсюда название *лу́дный невод* — ‘невод, приспособленный для лова рыбы на такой отмели’. *Пепелу́ха* в Космозере — ‘выжженное в лесу место для разработки поля’: Косить пепелуху пойдем. В Кузаранде *пепелу́ха* — ‘зола’: Пепелуху в горячую воду (в мешке), покипит, покипит, получается щелок. *Па́рить* в Космозере — ‘печь (пироги)’: Парят пероги. В Толвуе *па́рить* — ‘кипятить (белье)’: А белье-то раньше парили.

Различия в семантике дополняются различиями в фонетической оболочке слов и словообразовательной структуре. Ср. старое название цепа — *пригу́з*, *пригу́зок* (Космозеро); *пригу́з* (Комлево), *привýз* (Ровгачевская); название шеста, вокруг которого мечут сено, — *стожа́рь* (Космозеро), *тожа́ль* (Рим); название жены брата — *ня́нька* (Космозеро), *не́нько* (Житницы).

Наблюдаются различия в ударении в одних и тех же словах в разных населенных пунктах: *пя́тун* ‘петух’ (Великая Губа), *пету́н* (Никитинское).

Различия в выражении одного понятия, предмета разными словами представлены нередко очень отчетливо. Так, место в печи, куда загребают угли, вназывают *жара́ток* и *жарни́к*: В жараток мы жар сгребаем (Космозеро, Толвуя); В жарник жар сгребают, а утром раздуть можно (Никитинское).

Выжженное в лесу место для разработки поля называют *пепелу́ха* и *жгани́ще*: Косить на пепелуху идти (Космозеро); Жито на жганище очень растет (Комлево).

Некоторые различия в лексике вызваны различиями в природных условиях, быте и т. п. Так, в населенных пунктах, расположенных далеко от водоемов, естественно не отмечены диалектные названия лодок, их частей, орудий рыбного лова.

4. Диалектная лексика с точки зрения ее функционирования. При собирании материала обращалось внимание на все случаи употребления диалектных слов. Поэтому в записях отразился большой пласт активно функционирующей лексики в современном говоре, являющейся средством коммуникации в повседневной жизни. Эти слова были услышаны во время разговоров сельских жителей между собой, записаны во время свободных непринужденных бесед. Многие из них записаны на магнитофонную ленту. Обычно это слова, называющие разные предметы окружающего быта, слова, несущие качественную характеристику этих предметов, действий, поступков, слова, называющие разные действия, процессы. Таковы, например, существительные *ба́йна* 'баня', *бура́к* 'лукошко', *грабло́вище* 'длинная палка у граблей', *коше́ль* 'корзина из бересты с лямками', *крюк* 'кочерга', *кузо́вка* 'плетеная корзина', *огоро́да* 'изгородь'; прилагательные: *по́лый* 'раскрытый, распахнутый', *рассыпно́й* 'рассыпчатый', *самово́льный* 'своевольный', *страши́мый* 'страшный'; местоимения: *ево́нный* 'его', *е́йный* 'ее', *и́нный* 'иной', *та́я* 'та'; глаголы: *гра́бить* 'сгребать (сено)', *зали́ться* 'утонуть', *замя́ть* 'размять', *запира́ть* 'огораживать', *копа́ть* 'ковырять', *покопа́ть* 'поковырять', *рыча́ть* 'кричать (о человеке)', *расклепа́ть* 'раскатать (тесто)'; наречия: *гора́зно* 'очень', *на́доть* 'надо', *но́нечку*, *ну́ньку* 'сегодня, нынче', *э́тто* 'здесь'; предлог *об(о)* 'в': Сходила об один день; союз *ли* 'или': Брали грибы ли ягоды; частицы: *ни* 'нибудь', *но* 'да': Неважного ветхого чего-ни накладут вниз; — Вы придете к нам завтра? — Но! (выражение утверждения).

В настоящее время говоры на Заонежском полуострове, некогда очень изолированные от внешнего мира, подвергаются нивелированию. Развитие экономики края, современных средств сообщения, разные формы связи с городом (в том числе и через многочисленных родственников, живущих в городах), распространение культуры — все это подорвало устои традиционного олонецкого говора, в том числе и в области словарного состава. Вследствие этого определенный круг лексики переходит в пассивный запас. Такая лексика имеется в материалах экспедиции. Это главным образом слова, обозначающие вышедшие из употребления предметы материальной культуры, связанные с ними процессы, действия, обряды и т. п. Таковы, например, *ро́вганье* 'толчение ячменя, овса в ступе', *ро́вгать*, *вы́ровгать* 'толочь, истолочь ячмень или овес в ступе', *ре́пище* 'небольшое поле в лесу, где сеяли репу при единоличном хозяйстве', *рога́ч* 'ручки сохи', *омеши́* 'железные наконечники на сохе', *пригу́з*, *пригу́зок*, *приву́з* 'цеп', *бота́г*, *гу́жик* 'части цепа', *кадушечка* 'небольшая деревянная посуда для молока, род кринки в старину'. В настоящее время пастухи не *дают отпуск скоту*, т. е. не читают заговор при первом выгоне скота весной.

Многие изменения в словарном составе говоров наблюдательные носители традиционного диалекта замечают сами и обращают на них внимание собирателей.

5. Стилистическая дифференциация лексики. Стилистическая характеристика диалектного слова — одна из трудных задач для исследователя. Собранные материалы позволяют отметить у определенного круга слов экспрессивную нагрузку. Употребление этой лексики в говоре зависит от речевой ситуации, от индивидуальных речевых особенностей информантов, речь которых различается по выразительности. Большое значение имеет интонация речи. Так, при ласковом отношении к человеку говорят *лебедо́к*, *све́тушко*: Ой, светушко, и не говори (Никитинское); Лебедок, перевези-ко нас через озёрко (Космозеро). Соответственно уменьшительно-ласкательный оттенок в этой фразе приобретает и слово *озёрко*. Неприветливого человека с оттенком неприязни называют *леворо́жим*: Она такая леворожая (Космозеро). Экспрессивную нагрузку несут глаголы *вы́свистать* ‘выбить (окно)’: Ой, ветер зашумел, пойду закрою, а то раму высвистает (Никитинское); *свистнуть* ‘удариться сильно обо что-либо’: Я ни в балку, ни во что головой не свистнула (когда падала, —Космозеро); *Накрути́ть* ‘уговорить что-либо сделать’: Ну и меня накрутили идти (Космозеро); *щелка́ть* ‘бежать быстро’: Друг за дружкой щелкают (Космозеро).

6. Синонимические связи слов. Стилистическая дифференциация лексики тесно связана с синонимическими отношениями между словами в говорах. Эти связи становятся очевидными, когда анализируются сведения, собранные в каком-либо одном из обследованных пунктов, так как в разных населенных пунктах, как уже отмечалось, могут наблюдаться лексические различия. Для выявления синонимических отношений между словами особенно интересный материал дают магнитофонные записи.

Синонимические ряды не являются обычно очень распространенными. Например, *на́ддыбье* и *дыбу́н* ‘заросшее озеро’: На наддыбье течения нет, уш там клюкву собирают; Дыбун — это озеро такое, мохом поросшее, клюквы там много (Житницы); *горбу́ша* и *горбу́ля* ‘коса с короткой ручкой’: Прошли туда да оттуда горбушами; Горбулямы косили (Космозеро); *говорно́й* и *разгово́рный* ‘разговорчивый’: Говорной человек; Маня — разговорна девка (Космозеро).

Наблюдается употребление синонимов не только в разных изолированных контекстах, но и в одной фразе, причем второй синоним усиливает выразительность первого, в каких-либо отношениях поясняет его, например: О, *парни́стый*, *могу́тный* (Космозеро), т. е. обладающий большой физической силой. Ср. в другой фразе третий синоним этого ряда: О, ён, говоря́т, *парно́й* (Космозеро), т. е. сильный.

7. Новые материалы и материалы прежних источников. Собранные в экспедиции сведения составляют очень небольшую долю в обширной Картотеке Словаря русских народных говоров. В эту картотеку вошли материалы, собранные на территории олонецких говоров многими любителями народного слова, фольклористами А. П. Булатовым, А. Георгиевским, В. Дашковым, Т. Г. Долем и В. С. Сухановой, А. М. Ивановым, А. Клементьевым, И. К. Кореховым, Н. О. Лесновым, В. Мегорским, В. Никоновым, К. М. Петровым, Л. Прилежаевым, И. С. Поляковым, П. Романовским, П. Певиным, П. Н. Рыбниковым, Я. Светловым, О. С. Тучемской, К. Филимоновым, Н. Шайжиным, П. П. Шеломовым и нек. др.[1] Замечательной сокровищницей олонецкой диалектной лексики является «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» (СПб., 1898), также включенный в картотеку. Россыпи диалектных слов отразились в фольклорных записях А. Ф. Гильфердинга и П. Н. Рыбникова и в ряде других более поздних изданий.

В каком же отношении находятся вновь собранные сведения к уже имеющимся материалам по олонецким говорам?

С этой точки зрения все вновь собранные данные можно разделить на четыре приблизительно одинаковые группы:

1) слова, не зафиксированные собирателями в прошлом;

2) слова со значениями, не отмеченными в прежних записях;

3) сведения, вносящие уточнения в ареалы слов, известные по записям более ранних источников;

4) новая фиксация уже известных слов.

Особо следует выделить фразеологию, устойчивые словосочетания, недостаточно представленные в прежних записях.

Не имея возможности иллюстрировать в рамках небольшой статьи выделенные группы лексики, приведем лишь некоторые устойчивые словосочетания: *вывалить глазища*, *вопить голосом*, *одна за одной*, *друг за дружком* и некоторые другие.

Вы́валить глази́ща ‘смотреть в упор, пристально’; Ты что глазищи-то вывалил (Космозеро).

Вопи́ть го́лосом ‘причитать’: Раньше как замуж выходили, вопили голосом (Космозеро).

Одна́ за одно́й ‘друг за другом’: Одна за одной идет скотина (Космозеро).

Дру́г за дру́шком ‘друг за другом’: Друк за дружком щелкают; Оны друк за дружком идут (Космозеро).

Круго́м о́коло ‘со всех сторон; вокруг’: Воротицы раньше были в деревне кругом около; Бело кругом около (о нарыве на руке); Пирог сырной в черном тесте, кругом около защиплешь (Космозеро).

---

[1] Словарь русских народных говоров, вып. I. М.—Л., 1965, сс. 21—160.

Отпуск дава́ть ‘читать заклинания, молитвы, обходя стадо три раза при первом выгоне весной’ (обряд соблюдался в старину): Скотину пускали на поскотину, отпуск давали; Он (пастух) и сам давал отпуск; Он скотины давал отпуск, чтобы она не расходилась, он как отпуск даст и зверь не тронет (Космозеро).

Бы́ть под закры́тием ‘быть неизвестно где в результате заговора’: А три дня были под закрытием телята (Космозеро); А она (корова) под закрытием, так хоть бы десять колоколов (на шее у коровы — не услышишь, — Космозеро).

* * *

Материалы экспедиции свидетельствуют, что в лексике говоров прионежского края есть еще много неизвестного, неизученного, и эти говоры по-прежнему ждут своих собирателей и исследователей.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

Произведения фольклора и диалектные словари

Вопрос об использовании в качестве источников для составления областных словарей произведений фольклора, как и записей этнографического содержания, не получил однозначного решения. За рубежом при составлении областных словарей нередко используются памятники письменности и литературные произведения, написанные на местном диалекте или варианте литературного языка, а также записи произведений народного творчества.[1] Фольклорные произведения использовались как материал для формирования словника и русских областных словарей; из этого же источника черпались и цитаты, подтверждающие наличие слова в том или ином диалекте. Так поступали Подвысоцкий и Куликовский, Добровольский и Васнецов, Смирнов и Миртов и другие составители областных словарей XIX—XX вв.

Для некоторых русских диалектных словарей произведения устного народного творчества явились основным источником формирования их словника. Так, «материалом для Областного словаря Смоленского края служили слова и выражения, заимствованные из моих этнографических сборников», — писал В. Н. Добровольский.[2] Основное содержание этих сборников — записи песен. Словарная статья в Смоленском словаре свободно включает цитаты из песен, частушек, присловий.

При словах *зарянка* ‘эпитет дочери’, *зарятовать* ‘спасти’, *засветочка* ‘свеча, лампа’, *затвилить* ‘защебетать, зачирикать’, *затолка* ‘приправа к кушанью’, *звон* ‘колокол‘, *зделашница* ‘искус-

---

[1] См., например: I. F. Schütze. Holsteinisches Idiotikon. Hamburg, 1800—1806; K. Scheel. Hamburgisches Wörterbuch auf Grund der Vorarbeiten von Chr. Valter und A. Lasch, 1956—1960; Neumünster Wachholtz. Glossaire de patois de la Suisse romande . . . par Luis Gauchal, J. Jeanjaquet, E. Tappolet. Neuchâtel et Paris, 1924—1933.

[2] Смоленский областной словарь. Составил В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914, Предисловие, стр. 1.

ная мастерица', *ливантыновый* 'шелковый', *лозье* 'лозняк', *любостарь* 'любовная приманка, присуха', *повыместить* 'отомстить', *повюрать* 'прибивать, приглаживать' и мн. др. приводятся цитаты из народных песен, собранных Добровольским в Смоленской губернии.

Повюрать 'прибивать, приглаживать':

Гуляла нядельку,
Семь праснёў напряла,
Семь стен аснувала,
Во й згароду ткала,
Ко́лым прибивала,
Щитым повюра́ла.

Постбялка 'свежее молоко недавнего удоя':

Ай кума, кума,
Хади кисялю ести,
Ай теплыга са сметанкыю,
А халодныга с пастыялкыю.

Пострешье 'место под стрехою, под крышею':

Пу пастрешью галичка литала
Сама сибе кры́лышки збивала.

Песня, содержанием своим тесно связанная с конкретными условиями жизни народа, с его трудовой деятельностью, с ремесленными занятиями и т. п., оказалась одним из таких жанров устного народного творчества, в котором диалектные черты в лексике, фонетике и морфологии проявляются особенно заметно.

В известной статье «Об областном словаре русского языка» Ф. П. Филин в числе источников словаря называет произведения устного народного творчества, которые содержат большие запасы диалектной лексики. Не упрощая проблемы, Ф. П. Филин пишет: «Известно, что лексика фольклора содержит в себе (в зависимости от жанра и содержания произведений) немало архаизмов, слов вовсе отмерших, хотя мы редко можем быть уверены, что то или иное слово вовсе не сохранилось в живой диалектной речи. Однако в лексике говоров конца XVIII—начала XIX в. несомненно также имелись зафиксированные наблюдателями слова, которых нет в современных нам говорах. Провести историческую границу между архаизмами в диалектной лексике фольклора и в обыденной диалектной речи, пожалуй, и невозможно, исключая разве отдельные конкретные случаи. Употребляющаяся в произведениях устного народного творчества диалектная лексика представляет собой огромную научную ценность, и было бы желательно так или иначе привлечь ее в областной словарь».[3]

Наличие диалектизмов в языке устной поэзии в записях XIX—XX вв., как, впрочем, обычно и в записях XVII—XVIII вв.,

[3] Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка. — Лексикографический сб., вып. 2. М., 1957, стр. 12—13.

никем не отрицается. Это одна из характерных особенностей языка фольклорных произведений. А. П. Евгеньева справедливо замечает, что отсутствие диалектизмов «обычно характеризует того, кто записывал, а не того, кто исполнял, и не само произведение». «Язык устной поэзии, — пишет она, — это живой язык для творцов и носителей ее, а не пришедший извне или „спустившийся сверху" и механически усвоенный и усвояемый. Диалектные черты в нем — не внешняя, позднейшая оболочка, а органическая, неотъемлемая сторона устного произведения, пронизывающая все его стороны».[4]

Конечно, система языка устных произведений не совпадает с системой говора, в пределах распространения которого они существуют и функционируют. Язык устных произведений представляет собой разновидность художественно-поэтического языка. С одной стороны, он отчасти традиционен, а с другой — значительная роль в нем принадлежит отбору лексических, синтаксических и других средств. Следует, однако, учитывать, что основу любого говора русского языка составляют лексика, грамматический строй и фонетическая система, общие для всех говорящих по-русски, т. е. для всего русского языка. Отбор языковых средств в устно-поэтическом творчестве идет в основном по линии общенародных элементов. Это как раз и делает язык художественного произведения «менее диалектным», что обеспечивает доступность и понятность его для каждого русского. И все же это не приводит к полному элиминированию диалектных черт в языке фольклора. По данным языка устанавливается диалектное происхождение фольклорного произведения.[5] Однако это признается далеко не всеми исследователями языка и стиля произведений устного народного творчества.

Вопрос об использовании фольклорных произведений в качестве источников областного словаря теснейшим образом связан с проблемой соотношения устно-поэтической речи с диалектом.

Считается, что язык произведений фольклора носит наддиалектный характер, что призведения фольклора не связаны с определенными говорами, а потому многие слова, употребляющиеся в этих произведениях и не принадлежащие литературному языку, нельзя связать с тем или иным диалектом. Кроме того, в произведениях народно-поэтического творчества основное место занимают идущие от более ранних этапов истории устойчивые формулы и приемы выражения, что отрывает язык фольклорного произведения от диалекта, которым владеют исполнители этого произведения.

---

[4] А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 339.

[5] См. об этом, например: А. И. Стендер-Петерсен. Проблематика сборника Кирши Данилова. Несколько соображений. — Scando-Slavica, t. IV, MCMLVIII. Copenhagen, 1958, стр. 70—71.

Против правомерности использования фольклорных материалов как источника областных словарей выступили в свое время В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. «Не оспаривая положения о том, что лексика фольклора представляет собой огромную научную ценность, мы полагаем, однако, что изучение этой лексики — задача особого характера, — писали они. — Произведения фольклора не принадлежат отдельным группам говоров, и потому значения слов, отраженные в них, могут совершенно отсутствовать в тех говорах, от носителей которых эти произведения записаны. Кроме того, употребление слов в фольклоре нередко обусловлено спецификой того или иного произведения и определяется выполнением особых функций».[6] В связи с этим выдвигается задача создания словаря языка фольклора или отдельных его выдающихся произведений. Этим самым утверждается идея о существовании особого языка фольклорных произведений, имеющего общие особенности для всей территории, занимаемой каким-либо языком и народом (в данном случае — русским).

А. В. Десницкая в своей интересной работе «Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка»[7] решительно отстаивает тезис о наддиалектном характере языка фольклора, особенно таких его высоких жанров, как былины и лирические песни.

Видимо, это положение не может быть принято за универсальное, распространяемое на произведения фольклора всех времен, всех народов.

Здесь необходимо сделать ряд ограничений.

1. Положение о наддиалектном характере языка устной народной поэзии нельзя априорно распространять на все языки и диалекты, как и на всю историю данного языка. Выводы можно делать, исходя не из общих представлений и взглядов, а для каждого языка отдельно, принимая во внимание специфику его развития в тесной связи с историей народа — носителя языка. Необходим конкретно-исторический подход к проблеме взаимоотношения литературного языка, диалектов и устно-поэтических форм речи. Это соотношение может быть различным даже на материале близкородственных языков, например русского и украинского.

2. По-разному могут складываться отношения литературного языка, диалектов и стилей языка народно-поэтического творчества при наличии или отсутствии письменности, при различной широте ее распространения.

Необходимо рассмотреть отношение литературного языка, диалекта и языка устного народного творчества, раскрыть это

---

[6] В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка. — Лексикографический сб., вып. 2. М., 1957, стр. 21.

[7] А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

отношение в конкретно-историческом плане и в аспекте превращения языка фольклора в своеобразную систему языковых норм с характеристикой этой системы в сопоставлении с тем языком-основой, на базе которого она выросла, в сопоставлении с системой живого языка и диалекта данной эпохи. Многое тут зависит от характера соотношения литературного языка и народно-разговорных диалектов в разные периоды их истории, от структуры и степени нормализации литературного языка, от наличия «культурных» диалектов и «полудиалектов», областных разновидностей письменного языка. Формы взаимодействия и взаимоотношений литературного языка, диалектов и устно-поэтического языка в разных социально-исторических условиях могут быть различными. Акад. В. В. Виноградов справедливо отмечал, что «уже изучение истории русского языка в досоветское и особенно в советское время показало, что закономерности связей и взаимодействий между литературным языком и народными диалектами различны в разные периоды истории языка и народа».[8]

3. Далеко не последнее место в решении вопроса занимает род и вид произведения народно-поэтического творчества. На зависимость языка фольклорных произведений от жанра, на их тесную взаимосвязь и обусловленность обратил внимание А. Н. Веселовский. Ссылаясь на наблюдения западноевропейских фольклористов, А. Н. Веселовский замечает, что «народ поет не на своих диалектах, а на литературном языке либо на языке повышенном, близком к литературному».[9] Песенный язык — язык высокого стиля, словарь и грамматика его во многих случаях отличаются от обычной народно-разговорной (диалектной) речи. Однако и относительно песенного языка нельзя делать обобщений. Выше приводились большие отрывки из песен, собранных Добровольским в Смоленской губернии. В них ярко проявляются диалектные черты в фонетике, морфологии и лексике.

Это тем более относится к сказкам. Сказка — понятие собирательное, объединяющее разнообразные виды народной прозы. Разные жанры сказок обладают разными стилями и разным набором языковых средств выражения.[10] Стиль сказки, по А. И. Никифорову, определяется в числе других факторов и ее композицией. Он определяется также и бытовыми моментами, полом, возрастом, социальными признаками, местными факторами, индивидуальными вкусами сказочника.[11] К местным факторам, по-видимому, надо отнести и особенности местной речи — народного говора.

---

[8] В. В. Виноградов. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967, стр. 120.

[9] А. Н. Веселовский. Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 358.

[10] См. об этом: Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 222—373. Там же — библиография по сказкам.

[11] См. об этом: А. И. Никифоров. К вопросу о картографировании сказки. Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927, стр. 60 и след.

Изучение поэтики сказки и ее языка невозможно без знания той обстановки, в которой бытует сказка, характера ее живого исполнения и всей совокупности быта и жизни крестьянства в данный момент.[12]

Передача от поколения к поколению общенародных мотивов и сюжетов, устоявшаяся народная поэтика и традиционный стиль делают на первый взгляд неимоверно трудной задачу выявления местных и индивидуально-творческих особенностей в устной народной поэзии. Но это только на первый взгляд. Через толщу традиционных мотивов и словесного материала при внимательном изучении условий и обстановки, в которых живет фольклорное произведение, местные и индивидуально-сказительские особенности довольно ярко проявляются. Они проявляются в репертуаре произведений, в привнесении в рассказ личных замечаний и мнений, в некоторых изменениях традиционного сюжета, особенно же в индивидуальном стиле, в особенностях речи сказителя.

Фольклористы давно заметили, что сказочный репертуар на территории, занимаемой русскими, не одинаков. Этот репертуар дифференцируется в зависимости от разнообразия природных, экономических, социальных и бытовых условий жизни русского народа. Это легко заметить при сопоставлении сборников сказок, составленных по областному признаку (ср. белозерские, вятские, олонецкие, пермские, самарские и другие сказки). Сравнивая заонежские и пинежские сказки в собственных записях проф. А. И. Никифоров отмечает различия в излюбленности сюжетов, в разной степени архаичности, «обрядности» и строгости сказочного стиля, по конструкции сказок и их форме, по типу сказителей и манерам сказа и др.[13] Сказка выполняет важную общественную функцию, она неразрывно связана с общественным трудом, отдыхом и всей жизнью коллектива. Поэтому сказку во всем ее жизненном значении можно понять только на реальной почве, где она живет, во всем ее конкретном социальном, экономическом, бытовом и природном окружении.

Актуальность бытования сказок как искусства, отражающего условия жизни народа, выражается в разности их содержания в различных местах бытования. Так, сказки сборника Е. Н. Ончукова «носят один общий им всем колорит и склад, рассказаны они почти одним говором, все освещены суровым взглядом на жизнь северного жителя. Но в частностях сказки разнятся и отражают те разнообразия обстановки и условий жизни и быта, которые свой-

---

[12] См. об этом: Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. V—VI.

[13] См. об этом: Олександр Нікіфоров. Свогочасна пінезька казка. (Деякі проблеми казкознавства в світі крайового материалу). — Журн. «Етнографічний вісник», кн. 8. Київ, 1929; Ю. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 292—373.

ственны той или другой местности Севера».[14] Так, на Печоре один сказочник рассказывал сказки с соблюдением «старинного уклада», «которым они, вероятно, первоначально были составлены». Лес, реки, озера, море непременно упоминаются в этих сказках, так же как рыбная и звериная ловля и охота на ошкуев, облемаев, нерп, зайцев и пр. Другие сюжеты в сказках Олонецкого края, где занятие жителей несколько другое, где заметны связи жителей с Петербургом. Ю. Д. Соколов отмечал, что в сказках можно найти отражение профессии, рода занятий, житейского опыта сказочника. «Это сказывается в подборе сказочных сюжетов, в характерных подробностях, в выборе слов и выражений».[15] Поэтому русская фольклористика большое внимание уделяет изучению носителей фольклора, исследованию индивидуальной манеры их творчества. В связи с этим выдвигалось требование точности записи индивидуальных особенностей, всех мелочей сказочного текста, каждого варианта сказки, внимательного изучения манеры отдельного сказочника, его стиля.

Интересные соображения по этому поводу приводит Н. Е. Ончуков в предисловии к своим «Северным сказкам». «Только на Печоре я нашел сказочника, — пишет собиратель, — который рассказывал мне сказки тем старинным укладом, которым они, вероятно, первоначально были составлены, с полным сохранением того склада их, который А. Н. Афанасьев называет „обрядностью“ сказки. Мой сказочник Алексей Васильевич Чупров был у меня именно тем единственным сказочником, который передает сказки так, как они, может быть, должны были говориться в старину. Дальше уже во всем сборнике вы не найдете такого сказочника».[16]

Итак, только один сказочник исполнял сказки в традиционной, давно сложившейся манере. Ср.: «Живал-бывал царь вольный человек, жил на ровном месте, как на скатерте. У него была жена, дочи, да люди рабочи. Он был чернокнижник. Доспел он себе пир на весь мир, про всех бояр, про всех хрестьян и про всех людей пригородных; собрались, стали пировать и стал царь клик кликать. . .» (Царь-чернокнижник). Здесь чувствуются связи с былинным эпосом, встречаются былинные выражения, эпитеты; в исполнении ощущается стремление к ритму и рифме. Видимо, текст сказки давно сложился, и сказочник только исполнял его. Характерно, что в лексике сказки мало территориально ограниченных элементов. Хотя и здесь можно привести такие слова, как байна, полотенышко, овернуться, злачной (золотой), шаврать, которые характерны только для севернорусских говоров. Что же касается фонетико-морфологических диалектных примет, то они выражены

---

[14] Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. XXI.
[15] Ю. Д. Соколов. Русский фольклор, стр. 371—372.
[16] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. XXII—XXIII.

чрезвычайно ярко. Да это и понятно, ибо рассказчик не владел иным языком, кроме своего диалекта.[17]

Другое дело, если сказочник не «исполняет», а «создает» сказку заново, сохраняя только заданную сюжетную канву. О таком сказочнике Ончуков пишет: «Как сказочник Григорий Иванович значительно отличается от прочих. . . В сказках Г. И. нет того старинного склада, той обрядности, которая присуща сказкам двух предыдущих сказочников; память у Г. И. не особенно блестяща, по крайней мере для запоминания слов и выражений, что необходимо для дословной почти передачи сказки старинным слогом; но, запомнив все же содержание сказки и усвоив ее, Г. И. передает сказку по-своему, только одному ему присущим складом, сущность которого можно определить: юмористичность».[18]

Индивидуальность стиля проявляется не только в приемах композиции сказки, в усилении или смягчении отдельных подробностей, но и в использовании традиционных сказочных формул (loci communes), в разной степени пользования ими и, что особенно важно, в своеобразном отборе и использовании лексического материала. По мнению Н. Е. Ончукова, сказки Ксении Поздеевой и ее мужа «могут служить образчиком таких сказок, в которых нет обрядности; сказочники такого рода запоминают содержание сказки, но, отнюдь не помня подлиных старинных выражений и фраз, передают сказки своими словами, так, как бог на душу положит. Теряя свой первоначальный старинный склад, сказки такого рода сказочников зато служат образцом современной местной речи со всеми ее особенностями».[19]

А. П. Евгеньева убедительно доказала, что текст произведений фольклора, даже самых традиционных его жанров, таких, например, как былина, не может быть постоянным, что произведения, созданные в древнейшую пору, не переходят в другую эпоху в неизменном виде. «Былина в каждую эпоху живет на языке этой эпохи, захватывая более или менее широко предшествующие. Количество архаизмов (лексических, фонетических, морфологических и синтаксических) в былине очень незначительно, и они не так стары, как сама былина».[20] Интересно сопоставление различных по времени и месту записи текстов одной и той же песни, которое провела А. П. Евгеньева («Песня о рябине»). Это сопоставление показало, что в песнях «всегда проявляется тот говор, в области распространения которого они живут». Так, *рьяное пиво*, *грячичная солома*, *пашанишные аторья* (запись С. Чека-

---

[17] Фонетико-морфологические диалектные приметы языка фольклора признаются всеми исследователями языка и стиля устного народного творчества.

[18] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. 49—50.

[19] Там же, стр. 89.

[20] А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, стр. 8.

нова) говорят о южнорусском наречии; а *оболоку*, *страдница*, *ночесь* — о севернорусских говорах и т. д.

Представляется важным и справедливым замечание А. П. Евгеньевой о том, что «очень редки случаи, когда сказитель употребляет непонятные для него слова (на них всегда обращают внимание собиратели). Когда слово не связано с реалией или воспоминанием о ней и утратило свой смысл для сказителя, оно сначала подвергается переосмыслению по принципам народной этимологии и вместе с этим неизбежно искажается, а далее выбрасывается из текста».[21]

Такая интерпретация взаимоотношений литературного языка, диалекта и языка устного народного творчества ведет к признанию не только возможности, но и необходимости использования произведений фольклора как одного из источников областных словарей.

Ценность фольклорных произведений для лингвистических наблюдений решающим образом зависит от характера их записи, от характера исполнения и условий бытования. Н. Е. Ончуков в предисловии к сборнику «Северные сказки» писал по этому поводу: «Почти все сказочники рассказывают своему брату, крестьянам, просто и безыскусственно, местным говором, а как только начинают рассказывать приехавшему из Петербурга барину, так сейчас ту же сказку стараются рассказывать так, чтобы она как можно больше походила на книжную. Почти все сказочники думают, что собирателю не нравится их местный „мужицкий“ говор, что рассказывать сказку „по-мужицки“ некрасиво».[22] Точность записей дает чрезвычайно яркое представление о живости и выразительности непринужденной речи крестьян. Образцом записи фольклорных произведений могут служить сказки, собранные акад. А. А. Шахматовым и включенные в сборник Е. Н. Ончукова «Северные сказки». А. А. Шахматов, по его словам, собирал сказки просто как диалектологический и лексический материал.[23] Вот начало сказки «Приданое» в записи акад. А. А. Шахматова: «Захотелось мнека за́муж тошнёшенько, спала одна-си в цюлани, и скла́ла три шкулька животов и пошла. Шла, шла о́тошла о́т дому три ве́рсты, пришла к кре́ста, кла́ла шпульки́ под кус, сама на шкульки ле́гла, лежу, жду женико́в, у́ самой не были приказаны». В этом отрывке безошибочно узнается северный говор русского языка и по лексическим, и по фонетико-морфологическим приметам.

Большинство сказок сборника Е. Н. Ончукова содержит значительное число диалектных лексических элементов.

Весьма показателен словарь областных слов, приложенный Н. Е. Ончуковым к «Северным сказкам». В нем помещено около 1100 слов, встретившихся в текстах сказок. Словарь этот далеко

---

[21] Там же, стр. 8 (примеч. 3).
[22] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. XV.
[23] Там же, стр. XIX.

не полный, в него не включены многие слова, не известные литературному языку XIX—XX вв., отраженные в сказках сборника. Но те слова, которые включены в словарик, безусловно известны архангельским и олонецким говорам: *байна*, *битвище*, *бладой*, *богатая богатина*, *богосуженый*, *барайдунья* (эпитет мухи), *божить*, *борботать* и т. п.

Из 150 слов на букву «П» нет ни одного, которое не было бы характерным для севернорусских говоров. Таковы: *пагма* (берлога), *палица* 'валек для выколачивания белья', *пара* 'пареные овощи', *пасть* 'ловушка для птиц', *перепасть* 'испугаться', *пёхтусь масла* 'комок сбитого масла,' *побусеть* 'потемнеть' (о блюде), *подызбица*, *полесье* 'охота', *попытом* 'образом', *порато* 'очень сильно, крепко', *пособна* 'попутный ветер', *порен* 'силен', *почтовая* (в Заонежье — всякая колесная дорога, хотя бы по ней и не доставлялась почта), *предейка* 'прялка', *принашел* 'нашел', *в провод* 'в убыток' и т. п.

Надо отметить, что ряд слов помещен в словарь ошибочно — они употребляются в просторечии и не локализованы областными границами: *причесать* 'прибежать', *портки* 'кальсоны', *палица* 'палка', *полеты* 'эполеты' и некоторые другие. Но это не меняет картины. Основная масса слов характерна для севернорусских говоров и употребляется или употреблялась в них в тех же значениях, что и в «Северных сказках» Ончукова. С другой стороны, в этом списке нет ни одного слова, которое было бы известно только на юге России.

Различны по композиции, по характеру развития действия, по стилю и языку варианты одной и той же сказки о попе, дьяконе и работнике, записанные в одно и то же время в разных местах России. Ср. записи Зеленина [24] и Шахматова:[25]

У Д. К. Зеленина (вятские сказки):

[ПОПОВ РАБОТНИК И ДЬЯКОН]

Был старичок, седой поп. А у нево кладушка была — копешка ржаная — четыре овиньча. А он не может молотить. — А поду, — бает: — за ворота, на верно навалюсь: какой прохожий человок идет, того и порежу, чё запросит, то и отдам. — Иди-ко — бает [прохожему] сюды, побалесим! Шьте, бачькё?

У А. А. Шахматова (олонецкие сказки):

ПОПАДЬЯ, ДЬЯЧОК И РАБОТНИК

В заднии годы поп работника взяў. Ну поехаў пахать к ночи с роботником, ну и до вечера попахали там. Работник говорит: — Батько, спусти меня к ночи домой.

---

[24] Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915, стр. 102—106.

[25] Н. Е. Ончуков. Северные сказки, стр. 322—324.

Большие различия наблюдаются в диалектной лексике, отраженной в этих вариантах сказок. Особенно богат диалектный словарь в записи Д. К. Зеленина: *измолотить* 'обмолотить', *чехледь* 'чад', *кма* 'тьма, очень много', *кладушка* 'небольшая копна', *копешка*, *овинец* 'овин', *баять* 'говорить', *поредить* 'подрядить', *побалесить* 'поговорить', *бачьке* 'батюшка', *стахан* 'стакан', *ле* 'ли', *ботнуть* 'ударить', *разлететь* 'разлететься', *стряпка* 'стряпуха', *соскакать* 'повскакать', *суслон*, *ладонь* 'ток', *буздырнуть* 'ударить', *маленьке* 'немного', *запехать* 'запихнуть', *падина* 'павшее животное', *на переметку* 'переметнувшись', *заножить* 'задержать', *омурычивать* 'одурачивать', *успрятать* 'спрятать', *закоптеть* 'закоптить', *тупица* 'тупой и плохой топор', *косарь* 'большой тупой нож для щепания лучины', *доспеть* 'устроить, приготовить, сделать', *паздернуть* 'сильно ударить', *если* 'ясли', *гоить* 'чистить', *отгоить* 'вычистить', *усье* 'устье', *помольник* 'человек, привезший на мельницу молоть зерно', *тюрик* 'ящик, куда засыпают зерно для помола', *усапать—усарапать* 'быстро убежать, уехать', *пасть* 'быстро сесть на лошадь или на телегу', *подлечина* 'подлец', *очаг помольный* 'избушка для мельника', *розделка* 'плата, расчет', *испробить* 'избить', *помольная* 'избушка для мельника'.

Несколько беднее, но не менее выразителен диалектный лексикон в записи А. А. Шахматова: *задний* 'прошлый, прошедший', *спустить* 'отпустить', *топеричо* 'теперь', *вместях* 'вместе', *грызущая собака*, *обрызнуть* 'укусить', *овен* 'мешки в овсами', *уйти* 'залезть', *носком* 'неся за плечами', *иматься* 'браться', *своротить* 'взвалить (на плечи)', *орать* 'пахать', *даваться* 'проситься', *зень* 'земля', *проорать* 'пропахать', *запускать* 'впускать', *тпруся, яша* (подзывное к быку), *скае* 'вводное слово', *розстань* 'развилка дорог', *стружок* 'стружка', *обрать* 'забрать', *ён* 'он'.

Такое сопоставление можно продолжить, но в этом нет необходимости, так как его результаты будут подтверждать наметившуюся картину.

Произведения фольклора иногда не принадлежат отдельным говорам или даже отдельным группам говоров. Поэтому могут быть случаи, когда некоторые слова и значения, встречающиеся в фольклорном произведении, отсутствуют в говоре исполнителя произведения. Это обстоятельство не может приводить к заключению о невозможности использования произведений устного народного творчества в качестве источника диалектных словарей. Изучение фольклорных материалов на базе широкого сравнения разнообразных данных о том или ином слове или его значении позволит избежать ошибок и промахов в его локализации.

Что касается сводного областного словаря, охватывающего все говоры данного языка с широкими хронологическими границами, как, например, «Словарь русских народных говоров», то привлечение диалектного материала из фольклора в этом слу-

чае является непременным условием полноты его словника. Сравнение лексического состава произведения устного народного творчества со словарем литературного языка даст возможность безошибочно выделить областные слова фольклорного произведения, а сопоставление последних с материалами из других источников позволит определить более или менее точно ареал их распространения. Учет диалектного материала в записях фольклорных произведений, относящихся к XIX—началу XX в., сохранит для областного словаря многие местные лексические явления, не зафиксированные другими видами источников и вышедшие из живого употребления современных носителей говоров.

Диалектные слова из фольклорных произведений важны для областного словаря еще и потому, что они всегда могут быть проиллюстрированы удачной цитатой, где слово предстает в словесном окружении, дающем возможность точнее представить его семантическое значение.

Для отграничения явлений, характерных только для языка фольклора, в словаре применяется помета *фольк.* — фольклорное. Однако эта помета обязательно сопровождается и территориальными пометами. Лексические элементы, присущие языку устного народного творчества, но не локализованные территориально, в словарь не вводятся на том основании, что они имеют общерусский характер.

Народно-поэтический язык отличается от повседневной разговорно-бытовой речи набором синтаксических, морфологических и лексических особенностей, но это могут быть особенности «литературенного» языка данного диалекта или группы близких диалектов, а не обязательно особая форма наддиалектного языка, общего на всей территории, занимаемой тем или иным народом.

Содержание

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

Предисловие 3

А. И. Попов
Берестяные грамоты и местная диалектная лексика 5

Е. Н. Этерлей
Из истории русской метрологической лексики. Названия хлебных мер 9

В. Я. Дерягин
Названия рукавиц в русском языке 27

И. А. Попов
Из истории слов пассивного лексического пласта одного северно-русского говора 51

О. Г. Порохова
Лексика с неполногласием и полногласием в былинах 63

О. Д. Кузнецова
К истории вхождения областных слов в русский литературный язык (вторая половина XIX в.) 89

Л. И. Балахонова
Подберезовик или березовик? (К истории названия гриба Boletus scaber в русском языке XIX—XX вв.) 102

Е. А. Левашов
Названия лиц по местности в русских говорах и литературном языке 113

Н. С. Коткова
Наименования русских поземельных мер в их истории 121

П. И. Павленко
О словах с приставкой *воз-* в русских народных говорах 135

Е. П. Луппова
Предлоги с корнем *меж/межд* в русских народных говорах 146

www.rustang.ru

Н. В. Попова
Случаи забытого употребления предлога *по-за* 163

Н. И. Андреева-Васина
Словообразовательные типы глаголов с приставкой *при-* в русских народных говорах 173

И. А. Попов
Диалектологическая экспедиция на п-ов Заонежье 185

Ф. П. Сороколетов
Произведения фольклора и диалектные словари 193

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА. 1973

Редактор издательства
Н. Г. Герасимова

Художник
М. И. Разулевич

Технический редактор
В. А. Зябликова

Корректоры
Л. М. Агаджанова
и *О. И. Буркова*

Утверждено к печати
Институтом русского языка
Академии наук СССР

Сдано в набор 19/XII 1973 г. Подписано к печати 30/IV 1974 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 13 = 13 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13,92. Изд. № 5303. Тип. зак. № 811. М-37573. Тираж 3100. *Цена 89 коп.*

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В магазинах конторы «Академкнига» имеются в наличии книги:

Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971 год. 1972. 216 стр. Цена 90 к.

Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. 1971. 276 стр. Цена 92 к.

Кузьмина И. Б., Немченко Е. Б. Синтаксис причастных форм в русских говорах. 1971. 312 стр. Цена 1 р. 49 к.

Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. 1968. 476 стр. Цена 2 р.

Лыткин В. И. **Коми-язьвинский диалект.** 1961. 228 стр. Цена 1 р. 08 к.

Микаилов Ш. И. Очерки аварской диалектологии. 1959. 511 стр., 2 л. карт. Цена 1 р.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. (По материалам лингвистической географии). 1970. 456 стр. Цена 3 р. 12 к.

Очерки по фонетике севернорусских говоров. 1967. 272 стр. Цена 1 р. 13 к.

Расторгуев П. А. **Говоры на территории Смоленщины.** 1960. 207 стр. Цена 1 р. 20 к.

Федоров А. И. **Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири.** 1972. 208 стр. Цена 81 к.

Филин Ф. П. **Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк.** 1972. 655 стр. Цена 2 р. 89 к.

Заказы просим присылать по адресу:

117463, Москва. Мичуринский проспект, дом № 12
Магазин «Книга — почтой»
Центральной конторы «Академкнига»

197110, Ленинград. Петрозаводская улица, дом № 7
Магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»

89 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ